

Slavery: Theory and Practice

Has been issued since 2016. E-ISSN 2500-3755
2022. 7(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Peretyatko Artyom – Cherkas Global University, Washington, USA
(Editor in Chief)

Molchanova Violetta – Cherkas Global University, Washington,
USA (Deputy Editor-in-Chief)

Bellagamba Alice – Università degli Studi di Milano-
Bicoccadisabled, Milan, Italy

Declich Francesca – Università degli Studi di Urbino Carlo
Bodisabled, Urbino, Italy

Garunova Nina – Dagestan State University, Makhachkala,
Russian Federation

Goncharenko Anatoliy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk,
Russian Federation

Makhortykh Sergei – Institute of Archeology of the National
Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Rekhovskii Aleksandr – Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of
the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its
opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1, Release date 16.12.22
Washington, District of Columbia 20036

Website: <https://stp.cherkasgu.press> Headset Georgia.
E-mail: dudarev51@mail.ru

Founder and Editor: Cherkas Global Order № 7.
University

Slavery: Theory and Practice

2022

Is. 1

CONTENTS

Articles

The Emergence and Specific Aspects of Slavery in Khiva Khanate. Sources of Slavery, Slave Markets, and Their Prices F.J. Tadjieva	3
To The Issue of Slaves and Princes among Chechens and Ingush A.A. Golovlyov	14
Caucasian Women in the Russian Imperial Record-Keeping Narrative: The Representation of Women in ‘The Circassian Slave Narratives’ (1792–1800) A.Yu. Peretyatko	57
On the Representatives of the Russian Side with Deviant Behavior, including the Trade in Prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th – mid-19th centuries S.L. Dudarev	70
To the Issue of the System of Punishment of Slaves in the Caucasus in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries A.V. Honcharenko	86

Letters to the Editorial Office

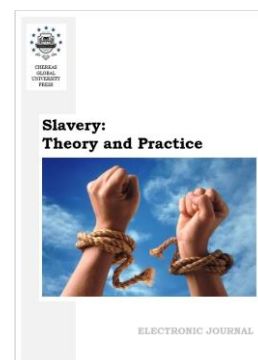
About the Results of the Third International Competition “Slavery in the Past and Present” A.A. Cherkasov	95
In Memory of Gocha Revazovich Tsetskhladze S.L. Dudarev, V.R. Erlikh	97

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2022. 7(1): 3-13

DOI: 10.13187/slave.2022.1.3
<https://stp.cherkasgu.press>

Articles

The Emergence and Specific Aspects of Slavery in Khiva Khanate. Sources of Slavery, Slave Markets, and Their Prices

Feruz J. Tadjieva ^{a,*}

^aMamun University, Republic of Uzbekistan

Abstract

In this article, the occurrence and specific aspects of slavery in Khiva Khanate and the essence of slavery, and its role in social and economic life are shown. The information is given based on archival documents and sources about the strong community relations in Central Asia from ancient times and the fact that slavery relations were not at their classical level but patriarchal slavery due to the long preservation of these relations. The sources of slavery are identified in the article and the main three factors that caused slavery. Data from Russian and foreign sources and domestic sources are examined to provide information on slave markets and slave prices. The role and differences of slaves belonging to such nationalities as Russian, Kazakh, Kalmyk, Iranian, Afghan, and Azari Turks in social life are mentioned. The issue of slavery in the Khiva Khanate is one of the least studied pages of the history of not only Khorezm but also Uzbekistan. There is no conclusive research on this topic. From this point of view, the issue of studying and researching this topic is of great importance in the science of history today. One of the most important aspects of the issue of slavery in the Khiva Khanate is the question of the price of slaves brought for sale from different regions. In this article, the question of the price of slaves is analyzed based on information from written sources. During the analysis of the sources of slavery in the Khiva Khanate, the issue of the nature of slavery and its place in social and economic life was scientifically analyzed and conclusions were drawn. At the same time, based on the content and essence of the article, issues of the influence of the ethnic and social origin of slaves on their prices and attitude towards slaves in Khiva Khanate were scientifically analyzed.

Keywords: talking weapon of labor, holop, classical slavery, patriarchal slavery, alaman Turkmen, yurgen, urgen, minister of artillery, tilla-gold coin, the ruble.

1. Introduction

Slavery was preserved for a long time in the socio-economic life of the Khiva Khanate. But, this level of slavery did not reach the level of classical or, farm slavery, as in Greece and Rome. The main feature of such a system was that the slave was not considered as a person but as an object or a tool of labor. Even Plato and Aristotle, who were considered the most enlightened people of their time, could not leave the point of view of that time to slaves and considered slavery as normal (Vallon, 1941: 165-168). For example, Aristotle described the slave as a "speaking instrument of labor" in his work "Politics" (Aristotel (trans. Dovatur), 1983: 381). During this

* Corresponding author
 E-mail addresses: ftj85@mail.ru (F.J. Tadjieva)

period, slaves had no rights and the slave masters could treat them as they wished. Even for killing a slave, there was no punishment for the slave masters or owners.

2. Materials and methods

Three groups of sources are involved in the work: archival documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russian Federation); materials of personal origin – diaries, memoirs of eyewitnesses who took part in expeditions to Central Asia (Meyendorf, 1975; Poyezdka iz Orska, 1851; Puteshestviye gospodina Antoniya Djenkinsona, 1937; Vamberi, 2003; Zamechaniya..., 1858); as well as the materials of the pre-revolutionary periodical press, for example, “Turkestanskiye vedomosti” newspaper (Kun, 1873).

The work is based on the basic principles of a historical research – the principles of historicism, objectivity and consistency. The historical-chronological method is also important, thanks to which the events are considered by us in their chronological sequence and taking into account the specific historical situation.

3. Discussion and results

Although slavery was officially abolished in Europe in the Middle Ages, in practice only the name of the system changed and it survived under other names. For example, in Russia during this period, slaves were known as “kholop”. Slavery formed in Central Asia, especially in the Khiva Khanate, was based on patriarchal, that is, family slavery, in contrast to such slavery. In this, the slave was not treated as an object or thing, but as a member of the family.

Slavery did not rise to its classical level because communal relations were strong in Central Asia from ancient times and these relations were preserved for a long time. Because, of the socio-economic and land relations in these regions, mainly the commune members played an important role (Askarov, 1994: 35).

Such relations are called the “Asian style of production” in economic and social sciences. This concept was first introduced in 1859 by the German philosopher and economist Karl Marks (Marks, 1931: 755). “Asian style of production” caused intense controversy in social science in the 20s-30s and 60s-80s of the last century, but did not find its definitive solution.

The main feature of the “Asian style of production” is the observance of state ownership of land. The special economic role of the state comes from this. State ownership of land combined with the system of rural communities opens a wide way for the operation of this production method. In such conditions, the democratic organization of the community, which in turn protects the interests of the members of the community before the state, is in power, not an individual farmer or craftsman. We have full reason to say that this style of production prevailed in Khiva Khanate as well.

Thus, the main productive force in the state was still peasants, so slavery was not of primary importance in the political and socio-economic life of the Khiva Khanate. Except for some periods when wars were frequent and captives increased, the price of slaves was generally high, and only nobles or wealthy families could afford to use slaves on their farms. In addition, the later introduction of Islam partially prevented slavery from reaching the classical level (Sayfuddinov, 2017).

At this point, special attention should be paid to one issue. Many studies focusing on the issue of slavery in the Khiva Khanate, especially in the studies of the Soviet period, also show extreme exaggerations of the attitude towards slavery. We are far from justifying slavery here, of course. Even though Russian, European, or American 19th-century authors who left information about slavery in Khiva Khanate, looked at slavery as an abominable custom, slavery existed in different forms in the society in which they lived. In particular, the American journalist J.A.McGahan, who took part in the invasion of Khiva Khanate, recorded several negative information about slavery in the Khanate in his memoirs. But even though it had been 10 years since the abolition of slavery in the United States (the law about it was passed in 1863 and came into force in 1865), it was known that its complications had not been eliminated during these years (Allaliv, 2017: 76-82).

Slavery in Russia was officially abolished in 1722 by the decree of Peter The First Slavery was completely abolished by the decree of 1746, which prohibited the sale or purchase of people regardless of who they were. However, this decree also applied only to the central regions of Russia. Moreover, such decrees and documents served only the interests of Russian citizens and Orthodox believers. Because in Siberia, the Asian part of Russia, and other remote areas of the empire, slavery continued until the 50s of the 19th century. If we take into account the fact that

serfdom (the dependence of peasants on their masters) in the socio-economic life of Russia is equated with slavery by most researchers, slavery in the real sense in Russia was ended only with the decree of 1861 on the abolition of serfdom ([Cheslavskiy](#)).

The decision of the Congress of Vienna in 1815 to end the enslavement of the black population was also largely unique to the African region. Moreover, this decision did not completely end slavery in Africa. Slavery continued officially on the continent until the 1980s (Mauritania's 1981 Law on the Abolition of Slavery). In practice, slavery still exists in various forms in Africa and other parts of the world.

Slavery was abolished in Brazil in 1888, in Korea in 1894, and in China in 1910. In Europe, slavery in various forms continued until the 80s of the 19th century (most recently, in Italy, slavery was abolished in 1889). Thus, the problem of slavery relations in the Khiva Khanate has not yet been fully and objectively studied.

It is known that from the 16th century, that is, from the period when the Khiva Khanate was established, information related to slavery began to appear in the sources. Because, in this century, two new states that emerged in Central Asia, Khiva and Bukhara khanates, were incessantly fighting each other, and internal struggles within the khanates themselves intensified. In this century, the Baburids of India began to fight for the possession of Badakhshan, a mountainous area on the southeastern border of Bukhara. In addition, during this period, the Safavid state emerged in Iran, and started a struggle for the possession of the border of Khurasan, with Khiva and Bukhara khanates. Other territories and steppes bordering on them had also become a field of mutual wars between different tribes and states. It is no exaggeration to say that especially in the Safavid state of Iran, the Shia sect became the dominant ideology, which was a particularly strong impetus for the further strengthening of the slavery system. Because, as we mentioned above, enslaving one's religious brother is strictly prohibited in Islam, while enslaving "infidels" was allowed. It was done in order to "initiate the slaves who do not believe in Islam to the right path shown by Allah" or to convert them to Islam. For the Sunni school of Islam, those of the Shia school are considered infidels, and for the Shias, the Sunnis are considered infidels. As a result, from the 16th century, and during the next three centuries, the captives captured during the wars with Iran or any campaigns organized into the territory of this country were enslaved ([Rabstvo v islame, 2017](#)).

The rulers issued a special fatwa¹ by Sunni scholars to justify their actions. For example, in the 15th century (according to H. Vamberi in 1500), the chief of Bukhara, Sheikh Shams ud-din, issued a fatwa allowing the enslavement of the Shia sect. For example, in the 15th century (according to H. Vamberi in 1500), the chief of Bukhara scholars, Sheikh Shams ud-din, issued a fatwa allowing the enslavement of captives of the Shia sect ([Vamberi, 1970: 7](#)). In addition, Abdulla Khan II, the ruler of Bukhara's Shaybanids, issued a fatwa from the scholars during his march to Herat in 1586 ([Fayziev: 8](#)).

In addition, Russia, which was another "place of infidels" for the Khanates, had not yet become a great country at that time. The southern and southeastern border areas of Russia became the field of raids of nomadic tribes like Kalmyks, Kazakhs and Kyrgyz, that is, one of the sources of slaves. In particular, in 1558-1559, A. Jenkinson, who was in the Central Asian khanates, freed 25 Russian slaves and brought them to Russia with him ([Allvort, 2016: 18](#)).

In general, incessant wars and raids in this vast area became one of the main reasons for the development of slavery in the states of this region, and especially in the Khiva Khanate.

In fully revealing the issue of slavery in the Khiva Khanate, it is impossible to understand the essence of slavery without fully studying the issue of its sources, which are of great importance in the development of slavery relations.

Geographically, there were three main sources of slavery in Khiva Khanate. During the 19th century, the "crowd" of the Turkmen tribes took the main place in all three sources that mention these slave captives. Because almost all of the information in the sources about slavery of this period definitely mentions the pirate raids of the Turkmens. Because in this century, compared to the 16th-18th centuries, it is observed that interstate wars, the struggle for the throne, and internal conflicts in general have decreased significantly.

As we mentioned above, enslaving one's co-religionists was absolutely forbidden in Islam. However, during the invasion campaigns, this law was not followed much. Shiite Persians,

¹ A ruling on a point of Islamic law given by a recognized authority.

Russians, Nogai-Kalmyks, Caucasians, Indians, and some Europeans were also enslaved, along with sometimes Sunni Bukharas, Afghans, Karakalpaks, Kyrgyz, and Kazakhs. For example, according to H. Vamberi, Indians in the Emirate of Bukhara were forcibly converted to Islam, then to his Shia sect, and then enslaved (Vamberi, 2003: 93). At the same time, some merchants, ambassadors, tourists, and representatives of various missions who came to the khanate from these countries were enslaved and sold to neighboring countries. In this regard, there is enough information in the sources. In addition, Bukhara emirs, Iranian kings, and Turkmens who organized raids on the Khiva khanate enslaved the Khiva people without a trace, and the merchant caravans of the Khanate were sometimes attacked, and the merchants of the caravan were captured and turned into slaves. In particular, in the sources of the Caucasian countries, the slaves called *yurgen* or *urgen* slaves are mentioned, and they are understood as the slaves of the inhabitants of the Khiva Khanate in the shape of the city of Urganch (initially Old Urganch, later New Urganch), which is one of the largest cities of the Khiva Khanate (here it is necessary to pay attention to the fact that not only slaves, but also ambassadors, merchants, and until the 17th century, the khanate were sometimes called by this name, including in Russian sources: *posly yurgenskie*, *zemlya yurgenskaya* or *kuptsy yurgenskie* and so on) (Ingrem, 2011: 240).

Among these, the first source that gave rise to slavery was the neighboring Iranian territories, in which the Turkmen tribes organized raids to there. The marches aimed to capture as many captives as possible and sell them as slaves. For almost all Turkmen tribes and clans, these special raids became a source of life, and in the sources, these raids were called "alaman". The "Alaman" invasion also existed in Chechens, Dagestanis, and other Caucasian peoples. However, in them, these invasions were considered a source of accumulation of additional material wealth only after agriculture, handicrafts, and animal husbandry (Inzemtseva, 2014: 59-60). Only among the Turkmens, these raids were the main occupation, and only after that cattle breeding and partial farming became an additional source of life. Especially after the shameful defeat of the Iranian Shah's troops in 1861, the Turkmen raids on the territories of this country intensified (Vamberi, 2003: 93, 142-143, 151). Since the 90s of the 20th century, in many kinds of literature, especially in the works of Turkmen researchers, there are more and more cases of justifying the "crowd" as behavior that the Turkmen are forced to use constantly to protect themselves from the invasions of their powerful neighbors like Iran, Khiva, Bukhara and Afghanistan (Garagezova, 2018). However, Russian and other sources of those times show the opposite, and we witness that "alaman" became a permanent occupation of many Turkmen tribes and clans and the main source of filling the slave markets (Botyakov, Alaman, 2002: 192).

So, as we mentioned above, as a result of organized raids on the territories of Iran, Afghanistan, and Russia, and as a result of taking away people from these countries, and sometimes robbing trade caravans, many captives were brought and sold as slaves in the slave markets of Khiva Khanate. The cities of Merv, Atrek, and Gyumushtepa were the main slave markets for captives brought from Khorasan and Iran, and from here thousands of slaves were sent for sale in the four directions (Vamberi, 2003: 33, 37-38, 40-42, 93, 137).

The second source of slavery was the southern borders of the Russian state, the steppes and deserts inhabited by Kyrgyz and Kazakhs, and the lower reaches of the Syr Darya. In the regions, troops of the Khiva Khanate, Turkmens, and other Noghais, Kazakhs, and Kyrgyz organized raids on the Russian border towns and cities and sold the captives in the markets of Khiva. A lot of Russian prisoners were sold in this direction (Samoylovich, 1932: 356). In this direction, there were also special people of Khiva khans, who brought a lot of "living goods" - slaves to the Khiva markets and the khan's palace. Khiva Khan himself was a big slave owner, and thousands of slaves worked in the palace and on farms belonging to the palace (Kharoshkin, 1873: 485). Abduction of people from the border areas of the Russian Empire and their subsequent sale as slaves was initially considered the main occupation and source of high income for the Kalmyks, but later Kyrgyz-Kazakhs and Turkmens engaged in this illegal activity (Bukharin, 1892: 42).

In these areas, pirates captured lone hikers, fishermen, entire villagers, farmers, and their families, or entire ship crews and sent them to the slave markets in groups. Even the robbers attacked the military without hesitation. For example, in the spring of 1836, the official who controlled the waters of the Emba River was kidnapped, and in the fall, a small army of 4th artillerymen with all their military equipment and a ship was captured and taken away as a slave (Terentev, 2010). However, as we noted above, in the Russian sources of the 18th-

19th centuries, slave markets were not only a result of raids and robberies but it was also recorded that Kyrgyz and Kazakhs sold their children to Khivans as a way to escape poverty or debt during famines (RGIA. Source of history of Kazakhstan ASSR: F. 383).

At the same time, Russian people were sometimes engaged in "hunting slaves" and selling them. In particular, Mikhail Zaychikov, a participant of the Perovsky campaigns of 1839–1840, the winner of the gold medal "For his enthusiasm and services" in this campaign, a merchant from Orenburg was also secretly involved in the slave trade. His servants hired peasants to work in the merchant's fields outside the city. After working, they made a party for the hired peasants and deliberately made them drunk before sending them home. In midnight, according to M. Zaychikov's instructions, the Kazakhs attacked and took them captive, and, they were delivered to familiar slavers in Khiva. From the slavers of Khiva, he received various products and valuable goods from the East in exchange for slaves. His crimes were exposed by the Russian slaves freed by the English ambassador R.Shakespeare after this campaign, that is, in 1840. Most of the freed people recognized Zaychikov and said that it was Zaychikov who sold them into slavery. According to the rumors spread among the people in Orenburg at that time, Zaychikov was not alone in the secret slave trade, and there were many slave traders like him. But it was very difficult to expose them at that time (Ermashova, 2003: 10).

The third route from which captives were brought to the Khiva slave markets was considered to be the Bukhara Emirate and the border areas with Afghanistan. In the memoirs of the famous Hungarian traveler H. Vamberi, the events of the enslavement of the slaves from Hirato or the inhabitants of the city of Andkhai, the plundering marches of the Hazari inhabitants of Qalai-Nav together with the Turkmens to Khorasan and selling the captives from there as slaves in Bukhara, the fact that this city of Qalai-Nav was a large slave market, just like Merv such historical events are mentioned (Vamberi, 2003: 110-111, 115-116, 120, 137).

Not only Bukhara but Khiva khanate played a big role in this trade. For example, in many documents and lists drawn up by the Russian government in connection with the abolition of slavery in the regions inhabited by Kazakhs and Kyrgyz in the 1950s, Afghans are the majority of the slaves brought from the markets of Khiva (Morozova, 2009: 279-285).

In addition to the above information of H.Vamberi, we should also mention the information of the Russian researcher V. Masalsky. In the 1830s, Turkmen raids on Afghanistan and Badakhshan intensified to such an extent that the population of these regions, especially Badakhshan, decreased dramatically (Rossiya, 1913: 385).

The kidnapping process was organized in such a way that the would-be victims were attacked when they did not expect any danger, when they did not suspect anything, and when they were not ready to defend themselves. Even if there was resistance to the contrary, the invaders used brutal measures (Efremov, 2006). Once the pirates had captured their captives, they traveled hundreds of miles without stopping to avoid pursuit as much as possible. The captives were forced to run long distances on horses or in many cases on foot. Then they were divided into groups in pirate camps and sent to Khiva, Bukhara, and Kokan slave markets. In order not to show resistance and escape, they hardly fed the captives on the way, they always humiliated them by using various forms of physical violence. In particular, according to the memoirs of the Russian officer Philip Efremov, who was a slave in Bukhara for a long time, if the fugitive prisoners were caught again, their ears and noses were cut off, and they were subjected to some cruel punishment or they were killed. In order not to escape, the heels of the captives were cut off and powdered horsetail was sprinkled on them. As a result, the captive was almost unable to walk. Not all captives could endure this severe suffering, and many of them died on the way. Wounded and crippled, unfit for work, or insane captives were condemned to a painful death and left alone in the desert without food or water (Efremov, 2006). Generally, after being stolen, the condition of the captives was extremely difficult until they came into the hands of the buyer.

Bashkirs, Tatars, Kazakhs, Kyrgyz, and in some cases even Russian slaves who were citizens of the Russian Empire were not captured only by raids or incursions. If we pay attention to the information from the sources, rebels were fleeing from the pressure of the Russian government, criminals, or those who moved to the territory of the khanate for other reasons. In particular, according to the information of Stepanovna Akulina Gregorevna, who was a slave in Khivada Khan's palace for six years (1835–1840), the Old Believers (Supporters of a religious movement that arose as a result of the split of the Orthodox Church in 1667 and includes sects that adhere to

old beliefs) who opposed the official Orthodox Church in Russia lived in the Khanate. According to the information of this former maid, such people had special religious monks and they kept their religion. They were also allowed to live in their traditional way of life in the Khanate ([Dubrovskiy](#)).

According to the sources, Old Believers, people who tried to escape from the oppression of serfdom, and those who evaded military service began to move to the border regions of Central Asia from the end of the 17th century to the beginning of the 18th century. However, as a result of the transfer of the territories of the Kazakh Zhuz together with the above territories to the Russian Empire, some of them settled in Khiva Khanate ([Bukharin, 1892: 32-33](#)).

Many criminals from Russia, especially military fugitives, also took refuge in the khanate. One such person, Sergei Agha, the "Minister of Artillery" of the Khan of Khiva, was mentioned in the information about the P.G.Danilevsky mission that came to Khiva in 1842. In 1840, when an English officer took many of R.Shakespeare's Russian slaves with him, and in 1842, when P.G.Danilevsky promised to take him to Russia, where he asked for forgiveness for his crimes and promised to make him his adviser, Sergei remained in Khiva of his own free will ([Vamberi, 2003: 72](#)).

The topographer G.Zelenin, who was in Khiva in 1842 as part of the P.G.Danilevsky mission, also provides information about a Russian (or rather Tatar) military officer who escaped to Khiva. The topographer mentions that this person had a separate house and Russian slaves sometimes gathered there. But, he did not mention the name of this Russian (the author probably didn't mention his name because the war criminals could not escape punishment even after many years) ([Zakharin, 1894: 441-442](#)).

Thus, a unique political, socio-economic and spiritual society formed in the Khiva Khanate over many centuries was the reason for the preservation of the traditions of slavery for a long time. The main sources of this slavery were raids and incursions, and in some cases, forcing one to sell one's children or family members into slavery to escape poverty, famine, or debt was also considered a source of filling the slave markets. The existence of slavery and its long existence in the khanate was partially caused by the formation of views in the Islamic world that converting "infidels" – non-believers to the path of true faith is a righteous deed in the path of God ([Rabstvo v islame, 2017](#)).

One of the most important aspects of the issue of slavery in the Khiva Khanate is the question of the price of slaves brought for sale from different regions. The availability of different information about this in different sources makes it difficult to find a complete solution to this issue, of course.

We can conditionally divide the sources that provide information about the price of slaves in the Khiva Khanate into two groups:

1. In Russian and European sources of the 16th-19th centuries (including Kazakh);
2. Iranian, Bukhara and Khiva sources.

Interestingly, the most important of these sources are Russian sources, and information about it is extremely rare in Iranian, European, Bukhara, and especially Khiva sources. Therefore, we will start the analysis of sources with Russian and European sources as an addition, and we think that it is appropriate to analyze these sources periodically. We can find a lot of information about the price of slaves in the Russian-European sources on various topics or contents of the 16th-19th centuries.

The earliest information about the emancipation of Russian slaves in the countries of Central Asia dates back to the 16th century, and this is Antony Jenkinson's account of the emancipation of 25 Russian slaves during his trip to the Khanates of Khiva and Bukhara in 1558–1560 ([Puteshestviye gospodina Antoniya Djenkinsona, 1937: 167-192](#)). But, unfortunately, it does not mention the price of these slaves.

The first information about the price of slaves in the Khiva Khanate was reflected in the documents of the Russian ambassador Ivan Khokhlov, who was in the Central Asian khanates from 1620-1622. In particular, Ivan Khokhlov initially freed 27 Russian prisoners in Bukhara. When he came to the Khanate of Khiva, 23 of them were seized by Habash Sultan, the son of Khiva Khan Arab Muhammad Khan. However, Khokhlov freed 31 Russian prisoners from Khiva in different ways. In particular, he bought two of them for 78 rubles. In addition, Elbers Sultan, another son of Arab Muhammad, freed 13 Russian slaves and sent his ambassador Mahkamboy to Russia with Ivan Khokhlov. In total, Ivan Khokhlov managed to free 44 Russian slaves ([Jukovskiy, 1915: 17-18](#)). But what their average prices were is not given in full. The above two slave values are not enough to draw a conclusion. In addition, the fact that these data are mainly presented in units of value that were in circulation in Russia or other regions (for example, the aforementioned Antony Jenkinson

quoted the value of several products in Central Asia in English currency units: pounds or pence) at that time makes the matter a little more difficult. Because, although some Russian sources indicate the currency units in circulation in the Central Asian khanates and their ratio to the Russian currency units, the mutual ratio of the currency units of both sides was never kept in balance.

The ambassadors of the Russian Tsar Alexei Mikhailovich, led by Ivan Fedotov, were also tasked with freeing the Russian prisoners in the Khanates of Khiva and Bukhara. However, in the Khanate of Khiva, Ivan Fedotov was allowed to visit all the territories of the Khanate (later no such opportunity was given to any ambassador at all), but the Khan did not free any Russian prisoners of his own free will. Only Ivan Fedotov bought 12 Russian slaves at his own expense. However, it is not mentioned here how much money was spent to buy these captives (*Zapiski Imperatorskogo...*, 1851: 310). The embassy mission led by the Pazukhin brothers managed to buy 22 Russian slaves for 585 rubles (Boris, Pazuxin, 1894: 13, 61). Naturally, the price of these captives was different. However, with this information, it is possible to estimate the average value of Russian slaves in the Khiva Khanate. That is, their average price was 26.5 rubles. This information is important because the Pazukhin brothers mention that Khiva Khan had 50 Russian slaves because Khiva Khan was also a big slave owner in addition to being a large landowner in the Khanate (Jukovskiy, 1915: 32).

Vasily Daudov and Muhammad Yusuf Kasimov, who was sent to Khiva and Bukhara in 1675, also freed 63 Russian prisoners, but 8 of them died on the way. 29 of the captives were freed in Khiva Khanate. Detailed information about this embassy and expenses for the release of captives is provided in the documents entitled "Embassy books of the late 15th early 18th centuries" kept in the State Archive of Ancient Documents of Russia (Samoylovich, 1932: 284-288).

After this embassy, the arrival of ambassadors from Russia to the Khanate of Khiva decreased considerably, and demands for the release of Russian slaves stopped for almost a century. The main reason for the deterioration of relations between the two countries was the destruction of the Bekovich-Cherkassky expedition in 1714–1719 by Khan of Khiva Sher Ghazi Khan. Many of the soldiers in this expedition were massacred, and many were sold as slaves. However, some of these captives were released for large money. For example, during the study of documents related to this expedition kept in the State Archives of Russia, one of the members of the expedition, officer Andrey Drummond, was released by Tatars from Astrakhan, who were trading in Khiva Khanate, for 500 rubles. His comrade Ivan Kiselnikov was also released by the Khiva after the Tatars paid 200 rubles (Toropitsin, 2016: 267).

The important part of these documents for us is that we can find out the price and number of slaves in the Khiva Khanate at the beginning and middle of the 18th century.

According to the information given to D. Gladishev by Andrey Borodin, who lived in slavery in the Khiva Khanate, there were 3,000 Russians, Kalmyks, and other nationalities with Russian citizenship in the Khanate, and 500 in the Aral State (Khanikova, 1851: 18). In the memoirs of Alexander Blankennagel, an ophthalmologist who was in the Khiva Khanate from 1793–1794, valuable information about the price of slaves in the Khiva Khanate at the end of the 18th century was given. For example, he claims that he bought two Russian slaves from the Khiva people for 90 chervans (a gold coin in circulation in the Russian Empire, the value of which was almost the same as the Khiva gold coin), and according to his information, the price of Russian slaves varied. Female slaves were twice as expensive as male slaves, valued at 50-100 chervans. Male slaves were around 40-50 chervans (Grigorov, 1858: 7, 12). At the same time, A. Blankennagel wrote that there were about 2,000 Russian and more than 20,000 Iranian slaves in the Khiva Khanate at the end of the 18th century.

In the memoirs of Metropolitan Khrisanf, who was in the Khanate of Khiva in the 1790s, information was kept about the number of Russian slaves in the Khanate and their price. In particular, according to Khrisanf's proposal to the Russian government, Russia should have good relations with the Iranian state, and through this, it would be possible to attack the Khanate of Khiva from the Iranian city of Astrobad and free 4,000 Russian prisoners who were suffering in the Khanate. This work also contains valuable but general information about the price of slaves. He notes that the total value of the slaves was estimated at 40-60 chervans (a gold Russian coin of roughly the same value as a Khiva gold coin) (Grigorov, 1861: 5, 7).

In 1819–1820, the Russian ambassador N.N. Muravev, who was in the Khiva khanate, also provided valuable information about the slavery relations in the khanate. He said that during this period, the price of young and strong Russian slaves in the khanate was equal to 1000 rubles (about 70 gold coins) in Russian money (Putishestvie v Turkmeniyu I Xivu v 1819 v 1829 gg., 1822: 99-100).

E.K. Meyendorff, who participated in the Russian embassy headed by A.F. Negri in the Emirate of Bukhara in these years, cites information about the price of slaves in the Emirate of Bukhara: that is, the price of a strong male slave in the Emirate was 40-50 gold (640-800 Russian rubles), a slave with a profession – 100 gold (1600 rubles), young beautiful maids – 100-150 gold (1600-2400 rubles) (Meyendorff, 1975: 145).

If we compare these data with N.N. Muravev's data, we can see that the value of slaves in Khiva Khanate was almost the same as the value of slaves living in the Bukhara Emirate. M.I. Ivanin, relying on the information of those who were held captive in the khanate, wrote that in 1838 the price was set for Russian citizens from 30 to 90 golds, and for Iranians from 15 to 30 golds. At that time, a camel was sold in the khanate's markets for 4 to 12 gold tilla, a bushel of wheat from 60 tiyin (small currency of Central Asia) to 1 ruble, and a bushel of oats from 40 to 80 tiyin (Ivanin, 1955: 311).

A. Vamberi, who came to the Central Asian khanates in 1863, said that strong male slaves in the emirate were valued at 40-50 gold, and older women could be sold for up to 10 gold. However, he says that in 1861, after the defeat of the Iranian army by the Turkmen near Merv, 13 thousand Iranian warriors were sent to the slave markets, and the price of slaves in the Emirate of Bukhara decreased tenfold this year, falling to 3-4 gold (Vamberi, 2003: 93, 110-111, 137).

Laffasi left valuable information on the prices of slaves on pages 37-38 of his work "Azadnama". In particular, it is reported that Russian slaves were valued more expensively than Iranian slaves because they were hard workers. The price of Russian slaves was 100-200 gold on average, while the price of Iranian slaves was 60-70 gold. If sold with the family of an Iranian slave, he was sold for 100-150 gold.

Due to the high price of Russian slaves, they were mostly bought by the khan and his relatives or scholars (Lavasiy, UzR ASIO. Inv. No.12581: 37-38).

The manuscript also mentions the ethnic composition of slaves and the sources of slavery. In particular, while the majority of the slaves were "Parsiyni" (Iranians-Persians), there were also a certain number of Azerbaijani Turks belonging to the Shia sect, Afghans, Kalmyks, and Russian slaves (Lavasiy, UzR ASIO. Inv. No.12581: 34-35). Although there is no information about the slaves from Caucasian peoples such as Georgians and Cherkasy after Abulghazi Bahadirkhan, it is clear that there were slaves from them as well. Because it is known from history that the troops of Iranian Qajars made many marches to the Caucasus regions. Only in the 50s and 60s of the 19th century, after large areas of the Caucasus region, including the territories of Georgia and Dagestan, were incorporated into Russia, these raids stopped.

From this information, it is possible to determine the sources of bringing slaves to the Khanate of Khiva. In particular, the slaves from Iranian and Azari Turks were mainly brought as a result of the raids of the Tekes which are the Turkman tribes on the territories of the Iranian state. The Russians were mainly brought as a result of raids by Kazakh and Kalmyk tribes on the border regions of Russia and attacks on fishing vessels in the Caspian Sea. Afghans were brought as a result of a purchase from the Emirate of Bukhara or as a result of the attacks of the Turkmen on the one hand, and the emirs of Bukhara on the other hand, on the borders of Afghanistan (Lavasiy, UzR ASIO. Inv. No.12581: 34-35).

According to the Orientalist A. Kun's article in 1873, the price of a young slave girl in the khanate markets ranged from 40 to 250 gold coins. A young, strong slave was sold for 30 to 250 gold. At that time, the price of 80 kg of wheat was sold in the market for 1 gold coin (Kun, 1873: 310). M.I. Ivanin reported that most Khivans had 10 or more slaves, and the medial rich Khivans had 1-2 slaves. Therefore, only the richest families in the khanate had the opportunity to buy slaves. Therefore, a person who bought a slave for a large amount of money naturally became the owner of the slave for life.

In 1873, on the eve of Kaufman's march to the khanate, the price of captives was raised, from 100 to 200 gold coins for Russian slaves, from 70 gold coins for the Iranian slaves, and from 60 to 300 gold coins for female and children slaves from Iran under 14 years of age.

In general, the value of slaves was naturally not always the same. Their value fluctuated due to political, economic, and social reasons. In particular, the nationality of the captive or slave was one of the factors affecting its value. For example, according to the information of many Russian travelers, explorers, or ambassadors, Russian slaves were sold at a higher price than Iranian, Kazakh, or Afghan slaves (Vasalovskiy, 1881: 5). Afghan slaves, on the other hand, were

underestimated because, according to all sources, Afghan slaves were "disobedient", "vengeful" and "belligerent" towards their masters (Fayziev, 1975: 98).

However, as we mentioned above, no matter how much the price of slaves decreased, the slave was still valuable for civilian.

The latest Russian and foreign data on the price and number of slaves in the Khiva Khanate stopped by 1873. After all, in 1873, with the conquest of the Khanate of Khiva by Russia, slavery in the Khanate was ended forever.

4. Conclusion

Summing up, it is important to note that slave-owning relations in Central Asia in general, and in the Khanate of Khiva in particular, were not at their classical level, but were based on patriarchal slavery, which was caused by the duration of the preservation of such relations in the region. Most of the slaves were Iranian, but there were slaves of other nationalities in Khiva, for example, Russian, Kazakh, Kalmyk, Afghan and Azari Turks. Speaking about the prices of live goods, it should be noted that the cost of slaves was high, however, during successful campaigns with the capture of new prisoners, the price could significantly decrease.

References

- Alaman, 1987 – Alaman. O meste molodejnix ob'edineniy v turkmenskom obshestve [On the place of young associations in Turkmen society]. *Kratkoye soderjaniye dokladov Sredneaziatsko-kavkazskix chteniy*. Aprel 1986 g. L. 1987. [in Russian]
- Alaman, 1990 – Alaman. Mesto molodejnix obedineniy v sisteme instituta alamana [The place of youth associations in the system of the alaman institute]. *Etnograficheskiye aspekti traditsionnoy voyennoy organizatsii narodov Kavkaza i Sredney Azii*. M., Vip. 1. [in Russian]
- Allaliev, 2017 – Allaliev, R.M. (2017). Rabstvo, segregatsiya i verxovenstvo prava v SShA [Slavery, segregation and the rule of law in the United States]. *Ekonomika. Pravo. Obshestvo*. 2(10). [in Russian]
- Allvort, 2016 – Allvort, E. (2016). Rossiya: proriv na Vostok. Politicheskiye interesi v Sredney Azii (Russia: a breakthrough to the East. Political interests in Central Asia) (Translate by: L.A. Igorevskogo). M.: ZAO "Sentrpoligraf". [in Russian]
- Aristotel, 1983 – Aristotel (1983). Sochineniya: T. 4. Politika. Kniga 1. Razdel 2. O domoxozyaystve i rabstve (Works: T. 4. Politics. Book 1. Section 2. About the Household and Slavery). Per. s drevnegrech.; Obsh. red. A. I. Dovatura. M.: Misl. [in Russian]
- Asqarov, 1994 – Asqarov, A. (1994). O'zbekiston tarixi (History of Uzbekistan). T.: O'zbekiston. [in Russian]
- Asqarov, 1994a – Asqarov, A. (1994). O'rta Osiyo qadimgi dunyosining asosiy xususiyatlari [The main characteristics of the ancient world of Central Asia]. *O'zbekistonda ijtimoiy fanlar*. 6. [in Russian]
- Botyakov, 2002 – Botyakov, Yu.M. (2002). Alaman: sotsialno-ekonomicheskiye aspekti instituta nabega u turkmen (seredina XIX – pervaya polovina XX veka) [Alaman: socio-economic aspect of the Institute of Turkmen (middle of the 19th – first half of the 20th century)]. Diss. na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskix nauk. SPb. [in Russian]
- Buxarin, 1892 – Buxarin, N.K. (1892). Ocherki prilinyonoy jizni orenburgskix kazakov. "Xivinka" [Zapiski voyskovoy starshini Orenburgskogo kazachego voyska N. K. Buxarina]. Essays on the linear life of the Orenburg Cossacks. "Khivinka". Notes of the military foreman of the Orenburg Cossack army N. K. Bukharin. Orenburg. [in Russian]
- Cheslavskiy – Cheslavskiy, O. Rabstvo v Rossii [Slavery in Russia]. [Electronic resource] URL: <https://inosmi.ru/social/20180612/242457013.html> [in Russian]
- Dubovitskiy – Dubovitskiy, V. Derjat distansiyu v dlinu arkana! Istoriya Sentralnoy Azii [Keep your distance in the length of the lasso! History of Central Asia]. *Seriya "Nasha istoriya"*. [Electronic resource]. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2014-08-15--derzhat-distanciu-v-dlinu-arkana-14066> [in Russian]
- Fayziyev, 1970 – Fayziyev, T. (1970). Buxoro xonligida qul savdosi [Slave trade in Bukhara Khanate]. Toshkent. [in Russian]

- Garagezova, 2018** – *Garagezova, Dj.* (2018). Alaman – eto iskusstvo [Alaman is art]. Xroniki Turkmenistana. 24 fevralya 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.hronikatm.com/2018/02/alaman-eto-iskusstvo> [in Russian]
- Ingrem, 2011** – *Ingrem, Dj.* (2011). Istoriya rabstva ot drevneyshix do novix vremen [History of slavery from ancient to modern times]. Translated by Z.N. Juravskoy. 2-e izd. M. [in Russian]
- Inozemseva, 2014** – *Inozemseva, Ye.I.* (2014). Rabstvo v srednevekovom Dagestane v kontekste religioznix vozzreniy [Slavery in medieval Dagestan in the context of religious beliefs]. *Islamovedeniye*. 4. [in Russian]
- Inozemseva, 2014a** – *Inozemseva, Ye.I.* (2014). Institut rabstva v feodalnom Dagestane [The institution of slavery in feudal Dagestan]. *Ocherki istorii*. Maxachkala.
- Ismailova, 1973** – *Ismailova, S.K.* (1973). Dokumenti o rabstve v Buxarskom xanstve v XIX - nachale XX v. [Documents on slavery in the Bukhara Khanate in the 19th - the beginning of the 20th century]. *Izvestiya Akademii nauk Tadjikskoy SSR. Otdeleniye 19 obshestvennix nauk*. 2(72).
- Ivanin, 1950** – *Ivanin, M.* (1950). Xiva i reka Amu-Darya [Khiva and the Amu Darya River]. *Turkestanskiy Sbornik*. Sankt-Peterburg: Morskoy sbornik. T. [in Russian]
- Jukovskiy, 1915** – *Jukovskiy, S.V.* (1915). Snosheniya Rossii s Buxaroy i Xivoy za posledneye trexstotletiy [Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last three centuries]. *Trudi Obshestva russkix oriyentalistov*. 2. Pg. [in Russian]
- Kun, 1873** – *Kun, A.L.* (1873). Zametki o podatyax v Xivinskom xanstve [Notes on taxes in the Khiva Khanate]. *Turkestanskiye vedomosti*. 1873. 14 avgust. №32. [in Russian]
- Laffasiy** – Laffasiy. Ozodnoma (Release). O'zRFAShI inv. № 12581. [in Russian]
- Malsev, 2009** – *Malsev, I.A.* (2009). Rabstvo v Sibiri i Orenburgskom krayev XVIII pervoy polovine XIX v. [Slavery in Siberia and the Orenburg Territories of the 18th in the first half of the 20th century]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk, SPb. [in Russian]
- Mannanov, 1964** – *Mannanov, B.* (1964). Iz istorii rusko-iranskix otnosheniy v konse XIX – nachale XX veka [From the history of Russian-Iranian relations in the late the 19th beginning of the 20th century]. Tashkent: Nauka Uzbekskoy SSR. [in Russian]
- Marks, 1931** – *Marks, K.* (1931). Kapital [Capital]. t. Sh, ch. I, M. L.; izd. 7-e. [in Russian]
- Meyendorf, 1975** – *Meyendorf, Ye.K.* (1975). Puteshestviye iz Orenburga v Buxaru [Journey from Orenburg to Bukhara]. M.: Nauka. [in Russian]
- Morozova, 1945** – *Morozova, A.S.* (1945). Rabstvo u turkmen i uzbekov Xivinskogo xanstva v XIX veke [Slavery among the Turkmens and Uzbeks of the Khiva Khanate in the 19th century]. Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata istoricheskix nauk. L. [in Russian]
- Nakaz Borisu, 1894** – Nakaz Borisu i Semenu, Pazuxinim, poslannim v Buxaru, Balx i Yurgench 1669 g. [Order to Boris and Semyon, Pazukhin, sent to Bukhara, Balkh and Yurgench in 1669]. SPb., 1894. [in Russian]
- Poyezdka iz Orska, 1851** – Poyezdka iz Orska v Xivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godax poruchikom Gladishevim i geodezistom Muravinim. (A trip from Orsk to Ksiva and back, made in 1740-1741 by lieutenant Gladyshev and surveyor Muravyin.) S predisloviyem Ya. Xanikova. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennix del, 1851. [in Russian]
- Puteshestviye gospodina Antoniya Djenkinsona, 1937** – Puteshestviye gospodina Antoniya Djenkinsona iz goroda Moskva v Rossii do goroda Buxari (Boghar) v Baktrii v 1558 g., opisannoye im samim dlya londonskix kupsov Moskovskoy kompanii [Journey of Mr. Anthony Jenkinson from the city of Moscow in Russia to the city of Bukhari (Bogar) in Bactria in 1558, described by himself for the London Kups of the Moscow Company]. Angliyskiye puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke. Per. s angl. Yu. V. Gote. M., 1937. [in Russian]
- Puteshestviye..., 1822** – Puteshestviye v Turkmeniyu i Xivu v 1819 i 1820 gg. gvardeyskogo Generalnogo shtaba kapitana Nikolaya Muraveva, poslannogo siyu stranu dlya peregovorov. T. 2. (Journey to Turkmenistan and Xiva in 1819 and 1820 of the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to this country for negotiations. Chapter 2). M., 1822. [in Russian]
- Rabstvo v islame, 2017** – Rabstvo v islame [Slavery in Islam]. Darul-Fikr. Ru Islamskiy obrazovatelniy portal. [Electronic resource]. URL: http://darulfikr.ru/story/manhaj/slaves_in_Islam (date of access: 30.09.2017). [in Russian]
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arxiv [Russian State Historical Archive].
- Rogojin, 2007** – *Rogojin, N.M.* (2007). Posolskiye knigi Rossii iz fondov-kolleksiy posolskogo prikaza, xranyashixsya v RGADA (konets XV – nachalo XVIII v.): istoriografiya, sostav i

soderjaniye, rekonstruktsiya [Ambassadorial books of Russia from the fund-collection of the embassy order, going to the Russian State Archive of Ancient Acts (late 15th – early 18th centuries): historiography, composition and content, reconstruction]. Thietmar. [in Russian]

Rossiya, 1899-1914 – Rossiya: Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. Nastolnaya i dorozhnaya kniga [A complete geographical description of our fatherland. Table and travel book)]. Pod red. V.P. Semenova-Tyan-Shanskogo; Pod obsh. ruk. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo i V.I. Lamanskogo. SPb.: Izd. A.F. Devriyena, 1899–1914. T. 19. [in Russian]

Terentev, 2010 – Terentev M.A. Xivinskiye poxodi russkoy armii. (Khiva campaigns of the Russian army). M., 2010.

Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom, 1932 – Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mejdunarodnoye polozheniye Sredney Azii v XV–XVII vv.: Materiali po istorii Uzbekskoy, Tadjikskoy i Turkmenskoy SSR [Trade with the Moscow state and the international position of Central Asia in the 15th-17th centuries: Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR)]. Pod red. A. N. Samoylovicha. L., 1932. [in Russian]

Toropitsin, 2016 – *Toropitsin, I.V.* (2016). Novie dannie o sudbe uchastnikov Xivinskoy ekspeditsii knyazya A. Bekovicha-Cherkasskogo in 1718–1719 gg. [New data on the fate of the members of the Khiva expedition of Prince A. Bekovich-Cherkassky in 1718-1719]. *Iz istorii i kulturni narodov Srednego Povoljya*. 6. [in Russian]

Turkestarskiy kray, 1913 – Turkestarskiy kray [Turkestars region]. Sost. knyaz V.I. Masalskiy; [predisl.: V. Semenov-Tyan-Shanskiy i L. Berg]. 1913. X, 861 p., [7] l. kart.: il. [in Russian]

Vallon, 1941 – *Vallon, A.* (1941). Istoriya rabstva v antichnom mire. Tom I. Rabstvo v Gretsii. Glava 10. Vzglyad na rabstvo v drevnosti [History of slavery in the ancient world. Volume I. Slavery in Greece. Chapter 10]. Translate by. S.P. Kondrateva. M. [in Russian]

Vamperi, 2003 – *Vamperi, A.* (2003). Puteshestviye po Sredney Azii [Journey through Central Asia]. M. [in Russian]

Veselovskiy, 1881 – *Veselovskiy, N.I.* (1881). Russkiye nevolniki v sredneaziatskix xanstavax (Russian slaves in the Central Asian khanates). *Materiali dlya opisaniya Xivinskogo poxoda 1873 g.* Vip. 7. SPb. [in Russian]

Xoroshxin, 1876 – *Xoroshxin, A.P.* (1876). Rabi-persiyane v Xivinskom xanstve [Persian slave in the Khiva Khanate]. Sbornik statey kasayushixsya do Turkestarskogo Kraya. T. 116 (1774). Sankt-Peterburg. [in Russian]

Xrisanfa mitropolita..., 1861 – Xrisanfa mitropolita Novopatratskogo o stranax Sredney Azii poseshennix im v 1790 godax [Chrysantha Metropolitan Novopatratsky about the country of Central Asia visited by him in 1790]. Izdal s vvedeniyem i obyasneniyemi V.V.Grigorev. M. [in Russian]

Yefremov, 1995 – *Yefremov, F.* (1995). Stranstvovaniye Filippa Yefremova v Kirgizskoy Stepi, Buxarii, Xive, Persii, Tibete i Indii i vozvrasheniye yego ottuda chrez Angliyu v Rossiyu [The wanderings of Philip Efremov in the Kirghiz Steppe, Bukhara, Khiva, Persia, Tibet and India and his return from there through England to Russia]. Puteshestviya po Vostoku v epoxu Yekaterini II. M., «Vostochnaya Literatura». [in Russian]

Yermashova, 2013 – *Yermashova, N.* (2013). Rabotorgovets gubernskogo znacheniya. [Provincial slave trader]. Proza.ru. Literaturniy portal. 2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.proza.ru/2013/08/22/1309> (date of access: 31.10.2017).

Zamechaniya..., 1858 – Zamechaniya mayora Blankennagelya, vposledstviye poyezdki yego iz Orenburga v Xivu v 1793–94 godax [Major Blankenagel's remarks after his trip from Orenburg to Khiva in 1793-94]. Izd., s ob'yasn. V.V. Grigorevim. Sankt-Peterburg, 1858. [in Russian]

Zapiski Imperatorskogo..., 1851 – Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. 1851. Kn. 5. [in Russian]

Zaxarin (Yakunin), 1894 – *Zaxarin (Yakunin), I.N.* (1894). Topograf Zelenin v Xive (1842) [Topographer Zelenin against to Khiva (1842)]. Posolstvo v Xivu v 1842 godu. (Po rasskazam i zapiskam ochevidsa). *Istoricheskiy vestnik*. 11. [in Russian]

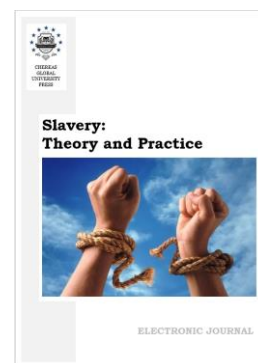
Zimanov, 2009 – *Zimanov, S.* (2009). Obshestvenniy stroy kazaxov pervoy polovini XIX veka i Bukeyevskoye xanstvo [The social structure of the Kazakhs in the first half of the 19th century and the Bukeyev Khanate]. Almati. Pp. 279-285. [in Russian]

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Slavery: Theory and Practice
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2500-3755
2022. 7(1): 14-56

DOI: 10.13187/slave.2022.1.14
<https://stp.cherkasgu.press>

To The Issue of Slaves and Princes among Chechens and Ingush

Aleksey A. Golovlyov ^{a, *}

^a Russian Geographical Society, Russian Federation

Abstract

The analysis of literary (local history) and field (historical and ethnographic) material showed that patriarchal slavery took place in Chechnya and Ingushetia. The main source of the formation of the contingent of slaves are prisoners of war and civilians taken by Chechens and Ingush in neighboring regions. The contingent of slaves was also replenished at the expense of the Chechens and Ingush themselves, which is confirmed by several examples. The special role of military squads (*gierakhoy*, variants of *gIeroy/gIeri/gIera* in Chechnya, *gar* or *gIar* in Ingushetia) in the emergence of the *institution of slavery* is emphasized. Folk legends recorded by the author in the mountains of Chechnya confirm the existence of debt slavery and vassalage from the mountain prince among the Upper Argun Chechens.

The *institution of princely power* existed among Chechens in 3 local regions. The mountain princes, who were among the Upper Argun Chechens, were elected by them for strength, bravery and public benefits. The princes had military squads, land, herds and controlled mountain passes, for which they received tribute. Princely cattle were grazed gratuitously by vassal-dependent highlanders. The princes had the right of the first wedding nights with the brides of their society. The existence of their personal slaves was not recorded.

Keywords: slaves, slavery, slave-owning, *gierakhoy*, captives, *taips*, legends, Chechens, Ingush.

1. Введение

Тема рабства, существовавшего в историческом прошлом в Чечне и Ингушетии, слабо разработана в научной печати как из-за ограниченности источников информации, так и вследствие непрестижности этой темы в сообществе национальных историков. Ведь и поныне на ментальном уровне многие чеченцы и ингуши воспринимают утверждение о существовании у них в прошлом рабства чуть ли не как оскорбление или ущемление их национального достоинства¹. Поэтому не удивительно то, что тема рабства до сих пор мало востребована, а специальные работы по ней встречаются не часто.

* Corresponding author

E-mail addresses: progol94@mail.ru (A.A. Golovlyov)

¹ Хотя указанное утверждение не содержит ничего предосудительного. Например, даже США – общепризнанный лидер западной демократии – не избежали в своей относительно молодой истории периода рабовладения. Не говоря уже о том, что государство Древнего мира, внесшие колоссальный вклад в развитие человеческой цивилизации, тоже были рабовладельческими. Н.П. Гриценко, вообще, считал, что отрицание классовости чеченского и ингушского народов принижает уровень их социально-экономического развития (Гриценко, 1976: 276).

С давних пор существует мнение о том, что все чеченцы – уздени (люди свободные, равноправные) и что, в отличие от многих других народов, у чеченцев не было классового деления. Если же когда-то и имелись князья, то все они были приглашены в Чечню и не являлись чеченцами по происхождению. Рабы же, имевшиеся в прошлом в Чечне, тоже не природные чеченцы, а иноземные пленные. Подобное представление о бесклассовости чеченского (и ингушского) общества в советское время подверглось критике и получило название теории «единого потока» (Гриценко, 1976: 277; Умаров, 1980: 8).

Вместе с тем по теме рабства и рабовладения в Чечне и Ингушетии нам известно несколько специальных публикаций (Тотоев, 1969; Гриценко, 1976; Магомадова, 2017). Некоторые труды досоветских, советских и постсоветских исследователей затрагивают с различной детальностью вопрос о рабстве, рабовладении и князьях в Чечне и рабстве в Ингушетии (Броневский, 1823; Бларамберг, 2005; Описание Чечни..., 1940; Самойлов, 1855; Берже, 1859; Лаудаев, 1872; Ольшевский, 1893; Максимов, 1893; Иваненков, 1910; Яковлев, 1925; Семенов, 1928, 1935; Щерблюкин, 1928; Ошаев Х., 1930; Базоркин, 1964; Ошаев М., 1966; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967; Харадзе, Робакидзе, 1968; Крупнов, 1971; Мамакаев, 1936, 1973; Умаров, 1980; Кокурхаев, 1989; Великая и др., 1990; Тотоев, 2009 и др.). В самом конце советского периода вышли в свет специальные публикации о беглых и пленниках русских в имамате Шамиля (Головлёв, 1990; Дударев, 1990)¹. В постсоветский период вопрос о плене у горцев Северного Кавказа и продаже пленников в рабство освещали в своих трудах Д.С. Дударев, С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников и др. (Дударев, Дударев, 2017а, Дударев, Дударев, 2017б; Дударев, 2022; Клычников, 2020 и др.).

Недостаточность источников информации о рабстве, существовавшем у чеченцев и ингушей, как и о князьях в Чечне (особенно о горских князьях), разбросанность данных о сословном делении в горных обществах по всевозможным научным изданиям диктует необходимость сбора всех доступных литературных и полевых историко-этнографических материалов и их обобщения в одной специальной работе.

Цель настоящего исследования – выявление и осмысление фактов существования преимущественно в горных обществах Чечни и Ингушетии сословного деления (рабы – «лай»/«лей», «ясырь»; рабовладельцы; горские князья – «эл»², а также окоцкие мурзы и князья-иноземцы). К задачам исследования относятся: определение, хотя бы в общих чертах, социального статуса горских и иных князей в Чечне; определение социального статуса горских рабовладельцев, не имевших княжеского титула; установление характера взаимоотношений горских князей с вассально зависимыми горцами и рабовладельцев из горцев с рабами разных категорий; характеристика источников формирования рабства и определение примерных хронологических рамок существования институтов рабства и княжеской власти в Чечне и института рабства в Ингушетии.

2. Материалы, объект, предмет, принципы и методы

Материалом для написания настоящей статьи послужили публикации о рабстве в Чечне и Ингушетии и народные (в том числе фамильные) предания чеченских горцев. Литературные источники обнаруживались и изучались нами, начиная с 80-х гг. XX в., в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина в Москве. Кроме того, в 70-х гг. XX в. ряд ценных книг, содержащих сведения о рабстве, был получен через Межбиблиотечный абонемент ЧИГУ им. Л.Н. Толстого из библиотек Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов. В новейшее время поиск литературных источников производился в российских электронных библиотеках и сети Интернет (открытый доступ).

В конце 70-х – начале 90-х гг. XX в. автор настоящей статьи проводил маршрутное изучение ландшафтов Горной Чечни. В этот период на территории бассейна р. Чанты-Аргун можно еще было встретить горцев (как правило, людей пожилого или преклонного возраста), помнивших древние народные (в том числе фамильные) предания. Осознавая

¹ Со времени выхода статьи (Головлёв, 1990) были выявлены еще две причины бегства русских солдат и линейных казаков к Шамилю: первые бежали из-за почти полного отсутствия женщин в укреплениях и крепостях, а вторые – из-за угрозы наказания начальства в виде порки.

² На литературном чеченском языке князь называется «эла». Верхнеаргунские горцы «обрубают» конечную букву и называют князя словом «эл». Князь по-ингушски – «аьла».

ценность этих преданий в деле закрытия «белых пятен» в истории чеченского народа и используя хорошие отношения, сложившиеся с чеченскими горцами, автор статьи стал записывать исторические сказания старожил. Иногда случалось так, что было неудобно спросить фамилию рассказчика, поэтому в дневниковых записях фигурирует только его имя. В ряде случаев не удавалось сразу записать услышанную от горцев информацию и она ложилась на бумагу спустя некоторое время, когда многие интереснейшие детали уже выветрились из памяти. Иногда случалось, что плохое знание или незнание горскими старожилками русского языка мешало понять смысл или детали предания¹. В тех случаях, когда не удавалось качественно записать предание, автор договаривался с чеченцами о новой встрече, причем они выражали готовность сообщить все, что знают. Однако в силу разных обстоятельств повторно встретиться и снова записать предание не получалось.

Объектом исследования являются социально-экономические отношения, которые сложились между горцами Чечни и Ингушетии, владевшими рабами, и находившимися у них в подчинении рабами и другими зависимыми людьми в период от Средневековья и до отмены царскими властями рабства в 60-х гг. XIX в. *Предметом исследования* является специфика положения рабов разного происхождения в Чечне и Ингушетии.

Работа по написанию статьи базировалась на *принципах историзма и научной объективности*. Рабство у горцев Чечни и Ингушетии исследовалось на основе принципа историзма в контексте существовавших социально-экономических и бытовых условий. Базируясь на принципе научной объективности, автор проанализировал литературные источники и этнографические материалы (изустные народные, в том числе фамильные, предания), содержавшие конкретную информацию о сословной неоднородности горского общества в позднем Средневековье.

При написании настоящей статьи использовались *метод* сбора, систематизации и анализа краеведческих (кавказоведческих) литературных источников и *метод* полевого сбора изустной историко-этнографической информации посредством проведения опроса старожил на территории юго-западной части Горной Чечни. Применялись также историко-сравнительный и историко-генетический методы исследований.

3. Обсуждение

Рассмотрим сначала опубликованные в царское, советское и постсоветское время источники о рабах, пленниках и князьях, свидетельства русских пленников, захваченных чеченцами, а затем охарактеризуем предания верхнеаргунских горцев.

К первым работам, содержащим общие сведения о пленниках и рабах в Чечне, относятся работы С.М. Броневского ([Броневский, 1823](#)), И.Ф. Бларамберга ([Бларамберг, 2005](#)), И.И. Норденстамма ([Описание Чечни..., 1940](#)). Труд И.Ф. Бларамберга (в виде рукописи на французском языке) был написан в 1834 г. и по вопросу рабства у чеченцев в основном повторяет данные С.М. Броневского. Рукопись капитана Генерального штаба императорской армии И.И. Норденстамма также была подготовлена в 1834 г.

В труде И.Ф. Бларамберга охарактеризованы условия содержания русских пленных у чеченцев, с которыми обращались по-варварски, исключительно жестоко. Пленным торговцам, служащим и офицерам обычно надевали железный обруч на шею и железные кольца на руку и ногу и сажали их на цепь, прикрепленную к стене или дереву. Кормили плохо, спать не давали. После нескольких мучительных дней пленники писали письма, в которых сообщали цену выкупа. Если за пленника обещали выкуп, то отношение к нему изменялось в лучшую сторону (его хорошо кормили, предоставляли некоторую свободу и смотрели за тем, чтобы он не заболел). Если же пленник низшего чина или солдат, то его сразу продавали или превращали в домашнего раба. Со временем такие рабы свыкались со своей обыденной жизнью, принимали ислам. Женившись на чеченках, они навсегда оставались в горах ([Бларамберг, 2005: 354-355](#)).

И.Ф. Бларамберг ([Бларамберг, 2005: 356](#)) писал, что теперь (1834 г.) у чеченцев нет князей, так как они их постепенно искоренили. Все чеченцы равноправны; предпочтение

¹ В таких случаях несколько раз автора статьи выручали участники полевых маршрутов – жители с. Итум-Кале Султан Рамзанович Шахбулатов и Абдул-Керим Дукаев.

отдается только тем из них, кто преуспел в набегах на соседей. Вообще же, похищение – излюбленное ремесло чеченцев, определяющее их образ жизни и характер.

В кратком военно-статистическом описании Чечни И.И. Норденстамм ([Описание Чечни..., 1940: 316](#)) сообщает о том, что чеченцы при хищнических нападениях стремятся захватить пленных для того, чтобы иметь рабов, которых можно было бы использовать на полевых работах. Поэтому пленники у чеченцев считались лучшей добычей. Благодаря эксплуатации подневольного труда поддерживалось существование горских семейств.

Подобно И.Ф. Бларамбергу, И.И. Норденстамм ([Описание Чечни..., 1940: 323](#)) полагал, что у чеченцев нет и никогда не было своих князей, беков и других владетелей. Все чеченцы равны, и только личные качества и богатство способны дать преимущество. Никакой власти, кроме права сильного, чеченцы над собой не признавали.

Во второй половине XIX – начале XX вв. были изданы работы, в которых имелись разнообразные сведения по интересующей нас тематике.

Весьма обстоятельные сведения, касающиеся сословного неравенства и рабства в Чечне, приводят К. Самойлов и А.П. Берже ([Самойлов, 1855; Берже, 1859](#)). К. Самойлов полагал, что в Чечне были представлены три «сословия»: духовенство, свободные люди и рабы. Несмотря на малочисленность рабов, приобретенных покупкой и посредством пленения, их разделяли по статусу на две категории. Рабы, бывшие в неволе с давних времен и уже не помнившие своего прежнего состояния и родства, назывались лаями. Лаи представляли собой род вещи, всецело принадлежавшей своему хозяину, имевшему неограниченную власть над ними. Люди, обращенные в рабство недавно и надеявшиеся на выкуп, именовались «иессирами» ([Самойлов, 1855: 34](#)), то есть ясырями. Их положение было несколько лучшим, чем у лаев. Хозяин обращался с ясырями лучше, поскольку рассчитывал получить за них хороший выкуп. Однако лаи и ясыри личными правами не обладали и ограничить произвол хозяина не могли. Вообще же, положение рабов в Чечне К. Самойлов оценивал как чрезвычайно унижительное. Вместе с тем в Чечне происходили следующие метаморфозы: отпущенный или выкупившийся раб сразу же переходил в категорию свободных людей и пользовался всеми их правами. Нередко освобожденный раб становился членом семьи своего бывшего хозяина ([Самойлов, 1855: 34](#)). К. Самойлов не указал, были ли у чеченских рабовладельцев рабы-чеченцы.

А.П. Берже, отрицая существование в Чечне сословного разделения, характерного для европейских обществ, полагал, что чеченцы составляли один класс вольных людей и что все они – уздени, то есть люди, зависящие от самих себя. Хотя никаких признаков феодальных привилегий у чеченцев А.П. Берже не заметил, он в то же время сообщил о наличии в Чечне класса личных рабов. Класс рабов постепенно образовался в результате захвата военнопленных. Как и ранее К. Самойлов, А.П. Берже подразделял рабов на лаев (людей, забывших о своем происхождении и ставших абсолютной собственностью своего хозяина) и ясырей (людей, надеявшихся на выкуп и возвращение на родину). По мнению А.П. Берже, со временем положение лаев в Чечне стало таким же, как и в Древнем мире: оно переросло в безусловное рабство. Лай был совершенно бесправным. Хозяин имел над ним безграничную власть. Владелец смотрел на лая как на некую вещь, которую он мог продать, наказать по собственному произволу и даже убить ([Берже, 1859: 90](#)).

Жестокое обращение побуждало лаев уезжать от своих хозяев под защиту сильных и уважаемых горцев. Лаи получали у них приют. Благодаря содействию авторитетных горцев владельцы давали обещание смягчить наказание лаям и быть с ними милостивее. После этого лаи по праву собственности возвращались владельцам. По А.П. Берже, рабов в Чечне отпускали на волю; тогда они и их дети обретали личную свободу. Несмотря на это, бывшие рабы не пользовались особым значением в обществе ([Берже, 1859: 91](#)).

Автор первой этнографической публикации о горцах Аргунского округа Терской области А.П. Ипполитов ([Ипполитов, 1868](#)) считал, что сословного деления у чеченцев не существует. Хотя в прежнее время в Аргунском округе имелся немногочисленный класс рабов, возникший посредством войны и действия права сильного. В рабов превращались пленные грузины из Кахетии, тушины и отчасти русские. Рабы были бесправны, их жизнь зависела от воли владельца. Однако с рабами горцы обращались весьма мягко. Если раб исповедовал ислам, то он считался, скорее, младшим членом семейства, а не бесправным рабом ([Ипполитов, 1868: 43](#)).

На плоскости Чечни, по А.П. Ипполитову, класс рабов существовал еще два года назад, хотя и в меньшем количестве, чем у кумыков и кабардинцев (Ипполитов, 1868: 44).

Ряд ценных сведений о рабах и князьях в Чечне опубликовал У.Л. Лаудаев, офицер Русской императорской армии, чеченец по происхождению, относившийся к ичкеринскому тайпу чермой¹. Характеризуя общественный быт чеченцев, У.Л. Лаудаев утверждал, что все они были равными и князей не имели. Если же среди чеченцев поселялись иноземцы высших сословий, то они теряли свое высокое статусное положение и уравнивались с чеченцами (Лаудаев, 1872: 23). Как и А.П. Берже, У.Л. Лаудаев считал, что все чеченцы – уздени, то есть свободные, вольные, независимые. Чеченцев, поселившихся на плоскостных землях кумыкских и кабардинских князей и плативших им за это дань (ясак), чеченские горцы осмеивали, и упрекали, и обзывали их лаями (холопами) (Лаудаев, 1872: 24).

У.Л. Лаудаев упоминает о тех давних временах, когда в Чечне сильные фамилии похищали или уводили насильно в неволю беззащитных людей, своих же собратьев, для продажи в рабство в дальние края (Лаудаев, 1872: 26). В Чечне тогда воцарился страшный беспредел, поэтому ичкеринцы (и частично шатоевцы) пригласили к себе мелардоевских (мехельтинских) князей, происходивших от боковой ветви аварских ханов, княживших в Гумбете². Жители Большой Чечни пригласили к себе кумыкских князей, а Малой Чечни – кабардинских князей. Однако навести порядок в Чечне при содействии «нейтральных» посредников – иноземных князей – не удалось. Князья приступили было к исполнению своих функциональных обязанностей, но чеченцы, не привыкшие к власти над собой, не исполняли княжеских повелений. Например, вследствие того, что чеченские фамилии защищали своих виновных сочленов, князья не могли наказать их за содеянное. Не имея реальной власти, князья покинули Чечню. Повиновение князьям (да и то, скорее всего, номинальное) сохранилось только в Надтеречной Чечне (Лаудаев, 1872: 26).

Отвергая существование холопского сословия в Чечне, У.Л. Лаудаев вместе с тем отмечает, что холопы в Чечне появились позднее, чем у соседних народов. В отличие от К. Самойлова и А.П. Берже, У.Л. Лаудаев указывает, что рабы в Чечне составились не только из числа иноземных пленников. Чеченцы похищали или уводили силой слабых людей как из соседних племен, так и своих соотечественников, а затем продавали плененных за деньги или меняли на других холопов. Бесправные невольники именовались «ясырями» (Лаудаев, 1872: 52). Важно также отметить, что У.Л. Лаудаев называет и другие способы получения рабов. По причине частых неурожаев некоторые чеченские семейства, чтобы избежать голодной смерти всех своих членов, продавали или обменивали на хлеб одного своего члена. Нередко происходило так, что проданный член семейства не был выкуплен обратно и на всю жизнь оставался рабом. Чеченские семейства отдавали своих сородичей в рабство и в случае, если не могли вовремя вернуть долг. Наконец, захваченные на войне пленники тоже обращались в рабство (Лаудаев, 1872: 52).

Вопреки К. Самойлову и А.П. Берже, писавшим о чрезвычайно унижительном и бесправном положении рабов в Чечне, У.Л. Лаудаев утверждал, что чеченцы, как уздени, не отказывали в равенстве и своим холопам. Равенство свободных чеченцев и их холопов

¹ Здесь необходимо сказать, что тайп/тейп – крупная структурная этническая единица чеченского народа. Каждый тайп состоит из гаров (существует разное написание – гIар, гьар, гьар). На наш взгляд, синонимами гара в разных частях Чечни являются: некъе/накъа, например, у беноевцев имеются Жобба-некъе, Уонжби-некъе, Иасти-некъе, Ати-некъе, Чупал-некъе, Очи-некъе, Добвши-некъе, Эди-некъе и Гьуржмахкахой (Хожаев, 1993: 6); у нашхоевцев Борчашвили, живших в ауле Муцо (= Маск) в Хевсуретии, были Керчи-накъа, Мёсэг-накъа, Тунги-накъа; гор (у майстинцев – Бях-гор, Говр-гор, Нецин-гор, Дэркиз-гор, Массар-гор, Бахиг-гор, Мёдзиг-гор, Эжиг-гор, Дяк-гор, Мути-гор и др.); вяр (ваьр/ваър) и наькъан – у ингушей. Гары образуются из родственных семейств (цIа/цъа). Чеченские тайпы, населявшие смежные территории в горах и взаимосвязанные не только торговым обменом, но и оборонительным взаимодействием и кровнородственными узами (поскольку брали жен из соседних тайпов), объединялись в тукхумы. Чеченские тайпы, входящие и не входящие в тукхумы, образуют къам (весь народ).

² Как поясняет У.Л. Лаудаев, Гумбет по-чеченски – Меларды (Лаудаев, 1872: 26). Мелардой и поныне живут в Чечне. Например, в Надтеречном районе. Нам также известно, что жена одного из старейших жителей с. Ведено Соты Селимова (он из хорочойского тайпа, Чокуй-некъе) относилась к этнической группе мелардой (записано 30.08.1986 г. в райцентре Ведено).

У.Л. Лаудаев доказывал следующими примерами. Холопы у чеченцев жили в домах своих хозяев, пользовались их пищей и обувью. Хозяин и холоп почти всегда вместе трудились. Вообще, у чеченцев холопы были почти равны с народом, и от других жителей Чечни они отличались только наименованием лай (раб) (Лаудаев, 1872: 52).

В труде Ф.И. Леонтовича об адатах кавказских горцев, в главе о происхождении чеченцев, рассмотрено разделение чеченского народа на классы (Леонтович, 1883: 80–81). Судя по всему, при подготовке материала о классовом делении чеченцев Ф.И. Леонтович опирался на данные, опубликованные А.П. Берже (Берже, 1859: 90–91).

Краткий, но ценный эпизод из древней жизни верхнеаргунских горцев сохранил для истории Н.А. Худадов в работе о хевсурах (Худадов, 1890: 66). Он передал слова 60-летнего хевсура (из рода алудаури) Абуле Тотиашили о том, что в Аргунском округе еще до арагвского эристава Зураба жил жестокий князь, пользовавшийся правом трех первых брачных ночей¹. Князя этого обманым путем убил предок Абуле Тотиашили, бежавший из Осетии в Аргунский округ от преследования кровомстителей.

Рассказ А. Тотиашили содержит чрезвычайно важное упоминание об арагвском эриставе Зурабе, благодаря которому можно приблизительно определить период, когда в Верхнеаргунском регионе Чечни жил жестокий князь. По С.И. Макалатия (Макалатия, 1940: 25–27), арагвский эристав Зураб в 1619–1629 гг. совершил три похода против хевсур и оставил у них о себе весьма недобрую память. Когда в 1629 г. Зураб был убит грузинским царем Теймуразом I, смерть ненавистного эристава весьма обрадовала хевсур. Поскольку имя эристава Зураба стало широко известным у хевсур в период их героической борьбы с войском эристава, следует полагать, что жестокий князь жил во втором десятилетии XVII в. (если быть точнее, до 1619 г.).

Участник войны с имаматом Шамиля, генерал от инфантерии М.Я. Ольшевский в своих воспоминаниях затронул вопросы общественной жизни чеченцев. Подобно А.П. Берже и У.Л. Лаудаеву, М.Я. Ольшевский считал, что у чеченцев отсутствовали сословные подразделения и что у них не было князей, и даже не было «... старшин или почетных людей, пользующихся особыми правами и преимуществами, или облеченных властью. Между чеченцами все были равными» (Ольшевский, 1893: 91). Тем не менее в труде М.Я. Ольшевского сказано о наличии рабов в Чечне. Однако мнение генерала об условиях содержания рабов у чеченцев в корне отличалось от приведенного выше мнения У.Л. Лаудаева. По М.Я. Ольшевскому, несмотря на равноправие, бывшее среди чеченцев, у них находились несчастные люди, «...с которыми обращались они хуже скотов, – это были лаи или пленники, собственность и жизнь которых была в полном безграничном распоряжении того чеченца, в руки которого попадался пленник при захвате или поступал во владение после продажи» (Ольшевский, 1893: 91). Продолжая далее, М.Я. Ольшевский писал, что лаев использовали на тяжелейших работах, держали в смрадной яме на цепи и страшно истязали, независимо от того, были ли они христианами или мусульманами. От страшных мучений лаи могли спастись в двух случаях: если хозяин получит за них требуемый выкуп и если лаи женятся на чеченках (последнее случалось крайне редко). Пленниц чеченцы делали своими наложницами, а иногда и женами.

Как и многие предшествующие исследователи, Е.Д. Максимов также считал, что у чеченцев не было сословных групп и что они одинаково равны, свободны и независимы. Личные рабы образовывались за счет военнопленных, схваченных на войне или во время хищнических набегов. Класс личных рабов, со временем подразделившийся на лаев и ясырей, был немногочисленным. Различие между лаями и ясырями Е.Д. Максимов видел в степени зависимости от хозяина и объеме прав хозяина над этими рабами. Поскольку во второй половине XIX в. различие между лаями и ясырями почти исчезло, их занесли в категорию совершенно бесправных и по решению Чеченского окружного народного суда

¹ Разумеется, что Аргунский округ, как административно-территориальная единица Российской империи, в те отдаленные исторические времена не существовал. Заметим также, что в Аргунский округ Терской области Российской империи не входили Малхистинское и Майстинское этнические общества Чечни, расположенные на границе с Хевсуретией. Тем не менее, у нас нет сомнения в том, что рассказ А. Тотиашили относится к Малхистинскому этническому обществу.

освободили на условиях выкупа личной свободы, но без земельного надела. В апреле–мае 1867 г. в Чечне освободелось 338 рабов обоого пола (Максимов, 1893: 33-34).

Посетившая Верхний Чеберлой А.Е. Россикова опубликовала рассказы местных жителей о князьях и рабах (Россикова, 1895). По их утверждению, в Чеберлое никогда не было ни князей, ни рабов. Все чеченцы составляли один класс вольных людей, а значение каждого члена в обществе определялось храбростью, ловкостью и индивидуальной силой. Однако далее, из предания об основании с. Буни, мы узнаем, что все чеберлоевцы некогда платили дань хунзахскому (аварскому) князю (Россикова, 1895: 35-36). Получается, что «вольные люди» в прошлом находились в вассальной зависимости от аварского князя.

Появление в Чеберлое особого класса личных рабов (холопов, иначе кулов) А.Е. Россикова связывала с постоянными войнами и набегами, в ходе которых захватывались военнопленные. Кулы являлись неотъемлемой собственностью своего хозяина, который мог с ними делать все, что угодно. Вольноотпущенный холоп переходил в класс вольных людей и становился равноправным с ними, но, будучи безродным и не имея фамилии, он не приобретал того значения, которым пользовался коренной чеченец (Россикова, 1895: 36). Отпущенным на волю рабам в Чеберлое отводилась земля на месте старых кладбищ. Таким образом, например, возникло с. Цикарой (Россикова, 1895: 37).

В ущелье р. Шаро-Аргун А.Е. Россикова записала предание, свидетельствовавшее о том, что в прошлом все шароевские фамилии (за исключением фамилии Цогала) платили дань какому-то князю, жившему с ними по соседству (Россикова, 1895: 50).

Горные территории в верховьях р. Гехи, населенные чеченскими тайпами аькхий и галай, посетил М.А. Иванов (Иванов, 1902). Делая обзор истоков р. Аккихи (= Аккичу), он писал о том, что здесь на возвышенных местах разбросаны каменные сакли. Почти все из них группировались вокруг старинных башен, которыми изобиловала эта местность. В отдаленные времена местность эта служила ареной бесконечных распрей и междоусобиц горских племен и набегов отрядов удальцов (Иванов, 1902: 286). О том, что в прошлом нечто подобное (страшный беспредел, похищения своих собратьев) происходило в Чечне, мы уже знаем из работы У.Л. Лаудаева (Лаудаев, 1872: 26). Позднее о набегам и грабежах, происходивших между различными чеченскими родами, писал в монографии о горных чеченцах Н.С. Иваненков (Иваненков, 1910: 151).

М.А. Иванов (Иванов, 1902) приводит краткие сведения об одном набеге из Чечни на ингушские племена. Один из потомков знаменитого Хан Меда, живший в башнях аула Зенгили¹, погиб со своими 4 сыновьями и всеми воинами во время этого набеге. В живых остался только младший сын Сулда Вениг. Влиятельные в горах, гордые и высокомерные галанчождцы, приглашенные в Зенгили на поминки, решили воспользоваться несчастьем и слабостью зенгилойцев и подчинить своей власти молодого Сулда Венига. В ответ на приветствие матери Сулда Венига, почтительно встретившей галанчождцев с громадным сосудом пива и предложившей его попробовать, один из них толкнул ногой и опрокинул сосуд. Сулда Вениг видел из башни, как галанчождцы оскорбили его мать, но она удержала сына от мести. После окончания поминок Сулда Вениг исчез. Галанчождцы, понимая свою вину, целый год были готовы отразить нападение Сулда Венига, но потом забыли о нем и мало-помалу успокоились. Тем временем Сулда Вениг находился в гостях у друга своего отца, кабардинского князя. Прожив у князя три года, Сулда Вениг с его помощью создал в Кабарде боевую дружину, с которой незаметно пробрался в родные горы. Внезапно напав на аул Эйселишк (часть аула Галанчожд. – Авт.), где жили оскорбители его матери, воины Сулда Венига перебили всех жителей (не тронули только семью пастуха, который проявил сочувствие к матери Сулда Венига) (Иванов, 1902: 295).

Предание о потомке Хан Меда (которого, надо полагать, звали Сулдой) и младшем сыне Вениге небезынтересно в связи с тем, что оно свидетельствует о практике набегов из Чечни в Ингушетию. Главной добычей при таких набегам являлись пленники, которых в случае не выкупа, превращали в рабов. Кроме того, это предание повествует и о том, что в древности чеченцы (конкретно, аккинцы) для решения проблем, возникавших со своими

¹ Аул располагался на левом берегу р. Осухи (= Галай-хи), на тропе из аула Галанчожд к истокам Аккихи и далее в Ингушетию (в Цори). Рядом с Зенгили находились аулы Бицы и Кереты.

соотечественниками, привлекали иноземную военную силу. Подобное же явление было зафиксировано нами и в предании об Итоне (см. ниже предание от 12.06.1979 г.).

Наконец, в предании о Гаже, представителе сильного рода, М.А. Иванов сообщает следующее: Гаж являлся владельцем неприступной крепости, встроенной в обрывистый южный склон Скалистого хребта в том месте, где начинается узкая часть ущелья Аккихи. В эту крепость можно было попасть только по деревянным мосткам, сделанным между скалами, и по искусственным каменным устоям. Пользуясь защитой такой крепости, Гаж брал ясак со всех иноплеменников, проходивших по ущелью Аккихи и всей территории Аькхийн Мохк. Со всех путников за безопасный проход Гаж требовал дань в виде одного барана, заряда пороха и пули (Иванов, 1902: 285). Как мы убедимся ниже, аналогичный обычай существовал и в других частях гор Чечни и Ингушетии.

Ценные факты по интересующей нас тематике опубликовал Н.С. Иваненков, который много общался с аргунскими горцами во время проведения полевого культурно-экономического обследования Чеченского района нагорной полосы Терской области (Иваненков, 1910). В частности, Н.С. Иваненков сообщает, что для наведения порядка в Чечне и защиты этой страны от нападений кабардинцев и кумыков чеченцы пригласили из Дагестана князей Турловых¹ с военной дружиной, которые решили задачи, поставленные чеченцами. Однако чеченцы «...стали тяготиться их властью, и Турловы вынуждены были удалиться из страны в конце XVIII столетия» (Иваненков, 1910: 6).

Н.С. Иваненков записал фамильное предание жителей аула Тундухой в Верхнем Чеберлое. По словам 75-летнего Дарго Ильясова, его прямой предок Сурак-хан вышел из рода грузинского царя Ираклия. Джайлийский (дагестанский) князь пытался наложить дань на Сурак-хана и воевал с ним, но безуспешно².

Со слов 80-летнего Хецика Н.С. Иваненков записал предание о сильном и знатном человеке по имени Бирач, жившем в башнях аула Кирды (по-чеченски КИрда Ёаьвнаш или КИрдхой Ёаьвнаш; по-русски – Три Башни)³, расположенного вблизи от впадения р. Никарой-ахк (= р. Бара) в р. Чанты-Аргун. В те времена, когда жил Бирач, оружием служили луки и стрелы. Бирач брал дань с майстинцев и малхистинцев⁴. Н.С. Иваненков сообщает имена предков старика Хецика: Бирач (выходец из Грузии), Бичи, Аржолик, Эда, Тилло, Каи-Карк, Алхазурк, Аказак, Акай, Цоцарк. Потомки Бирача – терлоевцы – заселили бассейн р. Никарой-ахк 20 селениями (Иваненков, 1910: 12-13, 150).

В труде Н.С. Иваненкова содержится ценное свидетельство о том, как чеченские горцы жили в древности: «Чеченцы рассказывают о таком периоде своей жизни, когда царили набеги и грабежи как между родами одного племени, так и между разными племенами. Убивали друг друга и брали в плен; воровали скот; пленных, если не успевали выкупить их родные, продавали в рабство» (Иваненков, 1910: 151). Подчеркнем, что это второе (после У.Л. Лаудаева) указание, встреченное нами, о наличии в далеком прошлом у чеченцев рабов, взятых не только у иноплеменных соседей, но и у самих чеченцев.

В советское время были изданы работы, в которых с разной степенью детальности затрагивалась проблематика сословного неравенства (в том числе связанная с наличием рабов и князей) у чеченцев и ингушей (Яковлев, 1925; Семенов, 1928; Ошаев Х., 1928, 1930; Мамакаев, 1936, 1973; Ошаев М., 1966; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967;

¹ Переселение феодалов Турловых из Аварии в Чечню произошло в первой половине XVII в. На плоскости Чечни, по нижнему течению р. Аргун, Турловы образовали самостоятельное владение (История народов Северного Кавказа..., 1988: 295).

² Н.С. Иваненков приводит поименный список предков Д. Ильясова: Сурак-хан, Сарка, Хольчи, Ашиль, Мирза, Магомет, Тел, Хунул, Ильяс – и сообщает, что имам Шамиль казнил отца и брата Дарго и 13 других его родственников за знатное происхождение (Иваненков, 1910: 11).

³ По информации терлоевца Хамида Магомедовича Батаева, строителями КИрда Ёаьвнаш были майстинцы, отец и сын (записано 11.09.1987 г.).

⁴ В свое время автор настоящей статьи исходил всю эту местность вдоль и поперек. Башенный аул Кирды располагался на скалистой и обрывистой горе. Через седловину этой горы, мимо башен Кирды, в верховья Чанты-Аргуна (в Майстинское, Кейское и Малхистинское этнические общества и Хевсуретию) вела единственная конно-пешеходная (вьючная) тропа. В старину, как передавали нам горцы, владельцы башен Кирды за проход по этой тропе брали дань со всех путников. Как мы увидим позже, подобное же происходило и в горах Ингушетии (Яковлев, 1925: 99).

Харадзе, Робакидзе, 1968; Тотоев, 1969; Крупнов, 1971; Гриценко, 1976; Дахкильгов, 1978; Умаров, 1980; Сказки, сказания и предания..., 1986; История народов Северного Кавказа..., 1988; Кокурхаев, 1989; Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев, 1990).

Рассмотрим и обсудим сперва работы о чеченцах. Так, в краеведческом очерке о Горной Чечне Х.Д. Ошаев упоминает об общенародном собрании выборных старейшин родовых общин на горе Кетиш-Корт (в Ичкерии), которое приняло решение об изгнании из Чечни иноземных князей Турловых¹ и постановило, что отныне в Чечне не будет ни князей, ни рабов, а все чеченцы – уздени, то есть вольные благородные люди (Ошаев, 1928: 8). Приведенная информация свидетельствует о том, что Х.Д. Ошаев не отрицал существования в Чечне рабов и князей в период, предшествовавший изгнанию князей Турловых. В другой работе, посвященной малхистинцам, населявшим верховья Чанты-Аргуна на самой хевсурской границе, Х.Д. Ошаев опубликовал предание о князе (Ошаев, 1930: 64-65). Жестокий князь, владетель поселения Цой-Педе (Цайн Пхьеда) в Малхисте, обладал необыкновенной силой, ловкостью и храбростью. Население боялось и терпело князя, установившего в Малхисте уничижительное правило: каждый женящийся горец обязан был привести свою невесту на первую брачную ночь в башню князя. Однако один пастух отказался подчиниться этому правилу и привести свою невесту на первую ночь к князю. Обманув князя, пастух отрубил ему шашкой голову.

Ценность народного предания, обнародованного Х.Д. Ошаевым², заключается в фиксации факта существования князей у верхнеаргунских горцев. Предание знакомит нас с некоторыми княжескими привилегиями (право первой брачной ночи). Несомненно, что предания, записанные Х.Д. Ошаевым и Н.А. Худадовым, повествуют об одном и том же историческом событии в жизни верхнеаргунских горцев. Только Н.А. Худадов сообщает о княжеском праве трех первых ночей, а Х.Д. Ошаев – лишь о первой брачной ночи. Данное противоречие мы склонны разрешить в пользу Н.А. Худадова. Дело в том, что 15.02.1988 г. в урочище Шунды (верховья Чанты-Аргуна) чабан Шахболт Борчашвили поведал нам предание о князе («эл») Лепи Сепи – физически мощном человеке, жившем в Малхисте и обладавшем правом первых трех брачных ночей. По словам Ш. Борчашвили, князя Лепи Сепи убили и похоронили его около тропы на спуске с седловины Цой-Педе в ущелье р. Мешехи (на могиле князя якобы до сих пор лежит раздвоенная каменная плита).

Автор одной из первых работ о чеченском тайпе М.А. Мамакаев писал о чеченских «князьках» как вожаках отдельных тайпов и наиболее видных представителях сильных и крупных тайпов, завладевших значительными земельными площадями, в результате чего самые слабые и малочисленные общины были сильно ущемлены (Мамакаев, 1936: 62).

Сообщая об остром социальном конфликте, вспыхнувшем между падхароевским Итоном Жели и Усуром Тусхароевским, М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1936: 62) приводит рассказ бавлоевского старика Эгиша о событиях, произошедших примерно в 30–50-х гг. XVIII в. долине Чанты-Аргуна в окрестностях современного с. Итум-Кале. В результате победы бывших угнетенных (падхароевцев) над своими угнетателями (во главе с Усуром Тусхароевским) побежденные лишились части земель, а жившие на них горские фамилии стали лаями (рабами) победителей, занявших княжеское положение (критический разбор этого исторического события сделан нами дальше)³. В рассказе «Битва Чокала» о набеге майстинской боевой дружины «гера» (ghera) в Тушетию М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1936: 63) сообщает, что 18 захваченных Чокалом пленников были использованы для обработки земельных участков и выполнения черных хозяйственных работ. Подобная практика пленения людей, по М.А. Мамакаеву, являлась исторической предпосылкой к рабству.

При полевом обследовании средневековых историко-архитектурных памятников в бассейне р. Терлой-Ахк (местное название реки – Терлойн-эрк, на картах она подписана как Бара) археолог М.Х. Ошаев записал чеченское предание, в котором упоминается Берк Бич (Ошаев, 1966: 156-158). Безусловно, Берк Бич есть тот самый сильный и знатный человек,

¹ Напомним, что, по сведениям Н.С. Иваненкова, изгнание князей Турловых из Чечни произошло в конце XVIII в. (Иваненков, 1910: 6).

² Х.Д. Ошаев – чеченец-краевед, большой знаток истории родного края. В отличие от ичкеринца У.Л. Лаудаева, Х.Д. Ошаев принадлежал к шатоевскому тайпу хаккой (хьаккой).

³ Рассказ старика Эгиша М.А. Мамакаев привел и в другой своей работе (Мамакаев, 1973).

которого Н.С. Иваненков именовал Бирач Бичи (эти имена искажены; их верное написание Берк Бич. – Авт.). Бирач, как нам известно, переселился из Грузии, построил КИрда бIаьвнаш и имел сына Бичи (Иваненков, 1910: 12-13). Предание о терлоевцах М.Х. Ошаев записал в июле 1964 г. со слов 32-летнего жителя с. Итум-Кале (то есть, чантийца по тайпу) Товси Сулейманова. Согласно преданию, очень давно в теперешний ТПерлойн Мохк пришел из Осетии человек по имени Элди Талат. Он поселился в местечке, которое получило название «Эль-Пхья» (более точное название – Элди-Пхья. – Авт.). Элди Талат построил 3 боевые башни и стал здесь жить. Другой человек по имени Берк Бич построил боевые башни КИрда бIаьвнаш. Элди Талат и Берк Бич мирно уживались до тех пор, пока Элди Талат не умыкнул жену сына Берка Бича. В стычке между сыном Берка Бича и Элди Талатом ранение пашкой получил сын Берка Бича. Опасаясь мести, Элди Талат, выезжая по делам в нужные места, набивал лошади подковы навыворот, чтобы оставались следы, ведущие к его дому. Перед выездом к дому, он перебивал подковы в обратную сторону.

Однажды Элди Талат встретил жену Берка Бича, которая не знала его в лицо. От нее Элди Талат узнал, что сын Берка Бича находится в тяжелом состоянии. Тогда Элди Талат посоветовал приложить к ране сына свежий помет жеребца. Берк Бич догадался, что этот совет дал Элди Талат. Схватив лук и стрелу, Берк Бич помчался за Элди Талатом. Догнав его, выпустил стрелу. Но Элди Талат подпрыгнул в седле, и стрела его не задела.

Согласно преданию, выходец из Осетии Элди Талат является родоначальником той части терлоевцев, которая населяла аул Элди-Пхья и некоторые другие аулы, включая аул Шунды¹. Переселившийся из Грузии Берк Бич считается родоначальником другой части терлоевцев, населявшей аулы КИрда бIаьвнаш, Бассахья, Гезах, Кхенах, Никарой и др.

М.Х. Ошаев записал также предание, рассказывающее о переселении в ТПерлойн Мохк выходцев из Осетии, со слов 34-летнего терлоевца Абу Джамалдаева, уроженца аула Сени (Ошаев, 1966: 157-158). В страну ингушей пришли осетины и стали там мирно жить. Они переженились и обынгушились. Один из них как-то искал пропавших коров и дошел до местечка, известного нынче как Эль-Пхья (Элди-Пхья). Здесь он решил остановиться и поселиться. Построил на холме две башни. У него родилось пятеро сыновей. Повзрослев, четверо из них ушли в разные места на жительство, где основали новые аулы: Джелашки, Сени, Барой (БархIа), Ути (Уьйтта). Пятый сын остался с отцом в Элди-Пхья. Все потомки, произошедшие от смешения осетин и ингушей, называются махлой (мохлой). Рассказчик предания А. Джамалдаев тоже считал себя махловцем по происхождению.

Первое предание, записанное М.Х. Ошаевым со слов Т. Сулейманова, информирует нас о том, что во времена Берка Бича и Элди Талата и постройки башен КИрда бIаьвнаш, в горах Чечни еще были в ходу луки и стрелы. В пересказе этого предания Берк Бич как князь не фигурирует. Второе предание, записанное со слов А. Джамалдаева, упоминаний о знатном владельце КИрда бIаьвнаш не содержит.

В главе «Развитие феодальных отношений в Чечено-Ингушетии», помещенной в «Очерках истории...» (1967), применительно к периоду XVI–XVII вв. упоминается о захвате пленных для обращения их в рабство и продажи (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967: 54). По мнению авторов «Очерков истории...» (1967), чеченские бяччий (баьччий – военные предводители, вожди. – Авт.) со своими боевыми дружинами захватывали скот, имущество и пленные люди. Именно пленные составляли основной контингент рабов. Однако рабство в Чечне и Ингушетии не вышло из стадии домашнего (патриархального), хотя оно и обогащало военных лидеров и сильные горские фамилии (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967: 56). В «Очерках истории...» (1967) говорится о межчеченских войнах за пахотные и пастбищные земли, сопровождавшихся убийством чеченцами друг друга, и о продаже пленных соотечественников в рабство. В

¹ Осетинское происхождение шундинцев подтверждает Г.А. Саламов, уроженец высокогорного тагаурского аула Какадур, работавший в 20–30-е гг. XX в. оперуполномоченным по борьбе с бандитизмом в Чечне. Однажды Г.А. Саламов по пути из Галанчожского района посетил аул Шунды, жители которого встретили его гостеприимно. В ауле он осмотрел башню, при входе в которую на камне был высечен крест. В башне находились цепи – в них заковывали пленников. Шундинцы говорили, что они переселенцы из Осетии. Г.А. Саламову запомнилось, что в быту шундинцев было что-то не чеченское (из письма Г.А. Саламова от 28.04.1994 г.).

результате межродовых войн бабччий превращались в феодализирующуюся верхушку. Владельцы использовали рабов в домашних хозяйствах как бесплатную рабочую силу, покупали или продавали их как товар. Все эти явления свидетельствовали о социальном неравенстве и указывали на классовый характер горского общества (*Очерки истории Чечено-Ингушской АССР...*, 1967: 62).

Пожалуй, первой специальной работой, посвященной теме рабства и работорговли в Чечне, стала публикация осетинского кавказоведа Ф.В. Тотоева (*Тотоев, 1969: 185-197*). В постсоветский период эта небольшая статья была переработана в содержательную главу о рабстве и рабовладении в монографическом исследовании (*Тотоев, 2009*). В статье Ф.В. Тотоева содержится важное замечание о том, что в Чечне не всегда можно было отделить рабов от людей, состоявших в феодальной зависимости, так как чеченцы нередко любую форму зависимости именовали лайской (*Тотоев, 1969: 194*).

В переизданной книге М.А. Мамакаева о тайпах содержатся сведения о князьях и рабах в Чечне (*Мамакаев, 1973*). Так, именно в этой книге встречается первое в научной литературе упоминание имени малхистинского князя, который обладал правом первой ночи с каждой невестой, – Сепя (по изустному преданию, он был известен нам как Лепи Сепи). Кроме того, М.А. Мамакаев упоминает еще об одном князе Муцале, который заставлял жителей Цой-Педэ содержать его скот¹. Ссылаясь на данные архивного фонда Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (1933 г.), М.А. Мамакаев утверждает, что дишнийского (тусхароевского) тайпового предводителя (тайпанан хьалханча) звали Усуром (*Мамакаев, 1936: 62; 1973: 36, 46*).

Передавая предание о борьбе итумкалинцев с дишнийским предводителем Усуром (по изустному преданию нам он был известен как «дишний эл», то есть дишнийский князь), записанное со слов бавлоевского старика Эгиша, М.А. Мамакаев повторяет многие фактические ошибки, допущенные этим горским старожилом (будучи представителем «стороннего» тайпа Бавлой, он мог не знать многие детали). В ошибочности ряда фактов нас убеждает предание, записанное 12.06.1979 г. в с. Итум-Кале (см. ниже).

Можно согласиться с М.А. Мамакаевым в том, что в последней четверти XVIII в. (и, скорее всего, даже раньше) крупнейшими землевладельцами в верховьях р. Чанты-Аргун были дишнийцы и что «падхароевцы» (падгуроевцы) пасли дишнийский скот. Однако восстание против дишнийцев поднял не Жели², а его отец Итон-младший. После победы над дишнийцами «падхароевцы» якобы захватили огромную земельную территорию и «...основательно потеснили тусхароевцев, харачоевцев, зумсоевцев и других. Сами заняли княжеское положение, а безземельных Бачаговых и Цацахоевых сделали рабами (лаями) известных вожаков Падхароевых и Кимиевых» (*Мамакаев, 1973: 46*).

Рассмотрим с критических позиций сведения, опубликованные М.А. Мамакаевым. Бесспорно, что, победив дишнийцев, Итон-младший и его соратники закрепили за собой часть земель, принадлежавших тусхароевцам. Но непонятно, причем здесь хачароевцы (именно так!) и зумсоевцы – представители соседних тайпов, с которыми не существовало конфронтации. Бачаговы и Цацахоевы, следует полагать, – жители дишнийских аулов Бечиги (= Бечик) и Цацах, расположенных по обеим сторонам долины Чанты-Аргун. Неясно, почему Бачаговы и Цацахоевы сделались безземельными. Ведь их долинные земли по условиям рельефа наиболее благоприятны для обработки, а «падхароевцы» их земли не захватывали. По крайней мере предание об Итоне, основателе с. Итум-Кале (см. ниже запись предания от 12.06.1979 г.), не содержит упоминаний о захвате земель Бачаговых и Цацахоевых и обращении их в лаев, как и о приобретении «падхароевцами» княжеского статуса. Наконец, в урочище, известном в наше время под названием Нанаг-кеш, вопреки М.А. Мамакаеву, не были похоронены участники «...знаменитой битвы падхароевцев против дышнинцев» (*Мамакаев, 1973: 46*).

Несмотря на очевидные фактические ошибки, отдельные непонятные и спорные детали, М.А. Мамакаев опубликовал в книге о тайпах немало редких и ценных сведений о

¹ Называя этих горских чеченских князей, М.А. Мамакаев в то же время пишет, что первые князья по происхождению не являлись чеченцами (*Мамакаев, 1973: 56*). Очевидно, М.А. Мамакаев имел в виду не горную, а предгорно-плоскостную часть Чечни, где одно время правили князья-иноземцы.

² М.А. Мамакаев относит Жели к падгуройскому гару, что, на наш взгляд, неправильно.

князьях и рабстве у горных чеченцев. В частности, ему было известно о противостоянии «...владельцев вожаков кирдоевцев...» (то есть терлоевского князя, владевшего аулом Кирды) с жителями зависимого аула Никарой. Знал М.А. Мамакаев и о знаменитом среди верхнеаргунских горцев Жокале¹, предводителе майстинской боевой наездной дружины (называемой по-чеченски гГерой/гГери/гГера) (Мамакаев, 1973: 47-48, 52). М.А. Мамакаев ввел в краеведческую литературу древнее чеченское понятие гГерой (по преданиям нам оно было известно как гГерахой). ГГерахой – боевые дружины, специализировавшиеся на взятии в плен людей с целью получения выкупа, обращения в рабство или продажи.

М.А. Мамакаев справедливо замечает, что без применения насилия нельзя было из свободного человека сделать раба. Вслед за такими исследователями, как У.Л. Лаудаев, Н.С. Иваненков и авторы «Очерков истории...» (1967), М.А. Мамакаев утверждал, что рабовладение в Чечне формировалось и путем обращения в рабство местных жителей. Как в Чечне, так и в Ингушетии довольно успешно развивалось «ремесло», связанное с пленением людей и их продажей в рабство. Продавали и дарили в основном сирот, детей и прочих незащищенных людей. В отличие от всех предшествующих исследователей, М.А. Мамакаев поименно назвал чеченцев, продававших в рабство других чеченцев, и указал имена лаев чеченского происхождения (по материалам, собранным в Чеченском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы) (Мамакаев, 1973: 49-50).

Суммируя сведения о рабстве, М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1973: 51) заключил, что в Чечне оно не достигло своего расцвета и в развитую социально-экономическую систему не переросло, так и оставшись на пути младенческого развития.

Изучением рабства и рабовладения в Чечне и Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) специально занимался Н.П. Гриценко (Гриценко, 1976). Он придерживался той же точки зрения, что и У.Л. Лаудаев, Н.С. Иваненков, М.А. Мамакаев, по поводу наличия в Чечне не только рабов из иноземных пленников, но и из числа самих чеченцев.

Время появления рабства в Чечне из-за отсутствия письменных источников точно неизвестно. По косвенным данным, Н.П. Гриценко предположительно определяет время появления рабства XV в. (или несколько ранее) (Гриценко, 1976: 282). Как полагает Н.П. Гриценко, в Чечне в XIV–XVII вв. происходило имущественное расслоение общества, а раннефеодальные отношения зародились в XV–XVI вв. Патриархальное рабство возникло в период разложения в Чечне первобытнообщинного строя и формирования классового общества (Гриценко, 1976: 281-282).

Как и М.А. Мамакаев, Н.П. Гриценко публикует конкретные примеры продажи в рабство чеченцами других чеченцев. В частности, один чеченец продал в рабство чеченку другому чеченцу обманым способом, сказав этой чеченке, что выдаст ее замуж. Другую чеченку украл еще один чеченец. Эту чеченку несколько раз перепродавали, пока она не попала к царскому прапорщику Дударову, который при женитьбе своего сына отдал чеченку вместо калыма в Кабарду. В 1859 г. многострадальную женщину возвратили в родной аул. Чеченца Муссу Чантиева (он же Докаев) продали за 150 рублей в Осетию. Он более 20 лет пробыл в рабстве и только в 1862 г. получил долгожданную свободу (Гриценко, 1976: 288-289, 291-292). Добавим к этим примерам Н.П. Гриценко свидетельство Н.П. Тульчинского (Тульчинский, 1903: 167) о том, что ему довелось самолично видеть в ауле Куркужан, находившемся в Баксанском ущелье, старика-чеченца, бывшего пленного холопа, получившего фамилию Чеченов.

Н.П. Гриценко приводит также свидетельство казачки о жизни в чеченском плену. Она говорила, что держали ее свободно. Днем работала в поле. На ночь надевали на ноги конские кандалы. Спала с дочерью хозяина (Гриценко, 1976: 294). Свидетельство казачки в определенной степени напоминало утверждение У.Л. Лаудаева о том, что чеченцы не отказывали в равенстве своим холопам (Лаудаев, 1872: 52). Н.П. Гриценко отмечает, что в случае благорасположения хозяина к лаю, последний лет через 15 мог обзавестись домом, семьей, хозяйством и даже землей. Питался лай наравне со всеми, но за общий стол ему

¹ По объяснению Шамиля Борчашвили, 1930 г. рождения, нашхоевца, уроженца с. Муцо, самыми почетными людьми в горах являлись Дэркизан Джокол (из Майстинского общества), Эзди (из Кейского общества) и Амигуд (из Цоринского общества) (записано нами 24.03.1980 г.).

садиться было нельзя. Жизнь лая всецело принадлежала хозяину, и он мог с ним делать все, что угодно: продать, покалечить, убить (Гриценко, 1976: 294).

В целом Н.П. Гриценко заключил, что в Чечне и Ингушетии рабовладельческая общественно-экономическая формация четко не сформировалась. В отличие от развитого рабства в античном мире, в Чечне и Ингушетии сложилось патриархальное рабство. Само появление рабства свидетельствовало о существовании социального неравенства и начале процесса классового образования в горском обществе. В конце XVIII – первой половине XIX вв. положение лаев в Чечне и Ингушетии приблизилось к положению крепостных крестьян во внутренних губерниях России, а в 1867 г. рабство в Кавказском крае было официально отменено (Гриценко, 1976: 279, 295, 298).

Незадолго до официальной отмены рабства в Кавказском крае, а именно в 1863 г., по сведениям А.С. Вартапетова (Вартапетов, 1932), число рабов от всего населения Чечни составляло 0,5 %, а от всего населения Ингушетии – 1 %.

Специалист по фольклору чеченцев и ингушей И.А. Дахкильгов исследовал немало преданий и песен, в которых говорилось о социальном неравенстве и антифеодальной борьбе. Согласно И.А. Дахкильгову, в Средневековье у чеченцев и ингушей существовало патриархальное рабство, основными источниками которого являлись военнопленные и украденные. Патриархально-родовое общество находилось в стадии разложения. В конце Средневековья начал проявляться процесс феодализации, но он не получил классические, законченные формы и прекратился в середине XIX в. В исторических преданиях периода феодализации обычными персонажами выступают «доморощенные» горские князья (в частности, они широко представлены в малхистинских преданиях). На плоскости Чечни были князья иноземного происхождения: Айдамировы и Чупаловы (кумыки), Бековичи-Черкасские (кабардинцы), Турловы (аварцы) (Дахкильгов, 1978: 81, 90-92).

Историк С.Ц. Умаров, исследуя особенности классового образования в средневековый период в Чечне и Ингушетии, не мог обойти тему о рабах и князьях. Описывая борьбу вассала «Джели Падхароевского» с «князем Усуром Дышнинским», С.Ц. Умаров (Умаров, 1980) допустил те же ошибки, что и М.А. Мамакаев. Вероятно, связано это было с тем, что оба исследователя готовили свои публикации по одним и тем же материалам Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вместе с тем в статье С.Ц. Умарова фигурируют еще некие «майстинский князь» и «князь Хьата Терлоевский» (князь Хьата, как и малхистинский князь Сепа, пользовался правом первой ночи и тоже был убит женихом, которого звали Минга, из-за невесты). С.Ц. Умаров упоминает также о князе Муцале из малхистинского аула Коротах, которого низложил князь Сепа (Умаров, 1980: 20-22). Хотя нам ничего не известно о том, что у майстинцев были князья и что у терлоевцев был еще князь Хьата¹, данные Н.С. Иваненкова, Н.А. Худадова, Х.Д. Ошаева, М.А. Мамакаева и С.Ц. Умарова свидетельствуют о том, что у верхнеаргунских горцев существовал целый «пантеон» князей. Иначе говоря, наличие горских чеченских князей есть не исключение, а обычное явление в конкретный период истории Чечни.

Согласно С.Ц. Умарову, начиная с конца XVII в., имена князей чечено-ингушского происхождения исчезают со страниц исторических документов, а в период до середины XVIII в. сословие собственно чечено-ингушских князей было ликвидировано. Иноземные князья, позднее призванные в Чечню, обладали весьма ограниченной властью и правили на договорных началах (Умаров, 1980: 8, 22).

В примечаниях к статье С.-М.А. Хасиева (Hasiev, 1986: 77) о чеченском тайпе мы обнаруживаем краткие сведения о том, как в древности чеченцы жили под князьями. Сведения эти С.-М.А. Хасиев записал в 1960–1970-е гг. со слов 100-летних старожилор Орцха Евлоева в г. Назрани, Янарса Эскиева (Яскиева) в с. Тасбичи² и Мусы Тазбаева в с. Курчалой. Князья заставляли семьи отдавать им своих детей (по ребенку с семьей) для продажи. Юноши не могли жениться, а девушки не могли выйти замуж без разрешения князя. Князья

¹ Автор настоящей статьи в 70–80 гг. XX в. многократно посещал как Майстинское ущелье, так и другие ущелья боковых притоков Чанты-Аргуна. Однако ни от майстинцев, ни от терлоевцев, ни от чантийцев никогда не слышал о майстинском князе и терлоевском князе Хьате.

² С тасбичинским долгожителем Янарсой Яскиевым беседовал и автор данной статьи в 1978 г.

вынуждали людей поклоняться себе больше, чем богу. Истребив князей, чеченцы избавились от их притеснений и высокомерного отношения.

Чеченские предания с упоминаниями о горских князьях в качестве действующих лиц опубликовали А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов в фольклорном сборнике (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425-427). В первом подобном предании¹, озаглавленном «Цепа» (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425-426), повествуется о малхистинском князе, имевшим право первых трех брачных ночей. Оно фактически повторяет предание, записанное Х.Д. Ошаевым (*Ошаев, 1930: 64-65*), за исключением детали о праве князя на первую брачную ночь с горскими невестами. В отличие от Х.Д. Ошаева и М.А. Мамакаева (*Мамакаев, 1973: 36*), писавших о праве князя только на первую ночь с каждой невестой, А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425), как и Н.А. Худадов (*Худадов, 1890: 66*), сообщают о княжеской привилегии на первые три ночи.

Предание о малхистинском князе А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов озаглавили по имени молодого горца Цепы, убившего этого князя из-за своей невесты. Имя молодого горца напоминает нам имя малхистинского князя (Сепа, или Лепи Сепи).

Цепа имел столкновение с еще одним князем по имени Когархо (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425-426), который заставлял горцев работать на себя: в аул, где жил Цепа, князь пригонял на зиму 60 коров. Жители аула обязаны были содержать стадо бесплатно, а весной возвращать его князю с приплодом. Но после одной зимы Цепа не вернул князю ни коров, ни телят. В отместку за это в то время, когда Цепа находился на пахоте, князь со своей дружиной напал на аул Цепы и стал угонять жителей и скот. Узнав о набеге князя от своей матери, Цепа схватил соху с запряженными в нее 4 быками и потащил их в гору. Догнав дружину князя, Цепа отбил у него односельчан и скот².

Как мы полагаем, аул Цепы – Цой-Педе, а сам Цепа – не кто иной, как Лепи Сепи. Если это верно, то имя князя, заставлявшего жителей Цой-Педе безвозмездно содержать скот – Муцал, и жил он в малхистинском ауле Коротах (*Умаров, 1980: 21*).

Второе предание, озаглавленное «Муцул и Секки», было записано в с. Итум-Кале в 1930 г. (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 426-427). Оно включает в себе элементы предания, записанного Х.Д. Ошаевым (*Ошаев, 1930: 64-65*), и эпизод из предания «Цепа», связанный с погоней за дружиной князя и отбитием у него захваченных односельчан и скота. Во втором предании князь Муцул преподносится не как малхистинец из Коротаха, а как джаец (аварец), бравший с чеченцев дань. В этом предании имеются любопытные детали. Малхистинский герой Секки, сидевший у языческого святилища в честь бога Цуу, узнав о приходе князя Муцула за данью, наотрез отказывается ее давать. Муцул нападает на родной аул Секки в то время, когда он пахал сохой с помощью пары волов, сеял семена и бороновал землю одновременно. О набеге Муцула на аул и угоне скота Секки сообщила не мать, а жена. Схватив лемех, Секки бросился за Муцулом. В результате скот был отбит у князя и возвращен жителям аула.

Далее предание о Муцуле и Секки объясняет, как у чеченцев появились горские князья (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 427). Малхистинцы, убедившись в силе и храбрости Секки, избрали его своим князем и попросили его установить размер налога. Секки сказал, что каждый дом обязан выдавать ему по мерке зерна и что все малхистинские невесты, выходящие замуж, должны провести с ним первые трое суток, и только после этого они обретут право на своего мужа.

Население согласилось с требованиями Секки. Жизнь в Малхисте потекла своим чередом вплоть до того момента, когда один молодой человек обманым путем убил князя Секки, отрубив ему голову шашкой. С тех пор в Малхисте не стало больше князей.

На наш взгляд, все вариации малхистинских преданий рассказывают об одних и тех же исторических событиях, связанных с появлением у чеченцев горских князей и их борьбой друг с другом. Для нас несомненно, что Цепа и Секки есть искаженные имена малхистинца, которого

¹ Записано в 1973 г. И.А. Дахкильговым со слов 80-летней жительницы с. Бамут Р.Ю. Хациевой.

² Эпизод с сохой и быками известен нам по рассказу чабана Шахболта Борчашвили, услышанному 15.02.1988 г. в урочище Шунды. Однако, сколько помнится, в пылу гнева соху и быков поволок за собой не молодой горец Цепа, а Лепи Сепи (тогда он, вероятно, ещё не был князем).

на самом деле звали Сепи (Лепи Сепи) и что «джайский» князь Муцул и князь Когархо – одно и то же историческое лицо, а именно малхистинский князь Муцул из аула Коротах.

Обращает также внимание тот факт, что во всех малхистинских преданиях не содержится упоминаний о рабах. Судя по преданиям, у малхистинцев существовала вассальная зависимость от князей, выраженная в бесплатной пастьбе княжеского скота, выдаче дани или уплате налога и в существовании унижительного права трех первых ночей. Однако рабов у малхистинских князей, по крайней мере из числа своих соотечественников, по-видимому, не было.

В коллективном труде по истории народов Северного Кавказа (*История народов Северного Кавказа...*, 1988: 391) общественный строй Чечни и Ингушетии в XVIII в. был охарактеризован как весьма своеобразный и развивающийся по пути феодализации, но в специфических местных условиях. Внутри тайпов интенсифицировалось имущественное и социальное расслоение, происходило укрепление богатых и влиятельных семейств. Однако основная масса горского крестьянства обладала личной независимостью, хотя по уровню социально-экономической состоятельности имелись как весьма зажиточные, так и безземельные и безлошадные крестьяне. Тем не менее все они именовались узденями. Личные рабы, образовывавшие особую социальную прослойку, чаще всего происходили из военнопленных. Их добывали как за пределами территории Чечни и Ингушетии, так и в самих этих регионах. Кроме того, прослойка рабов пополнялась за счет тех, кто угодил в кабалу по разным экономическим причинам. Рабы-лаи были бесправными. Владельцы, прикрепляя своих лаев к земле, тем самым приравнивали их к положению феодально-зависимых крестьян (по русским документам, к холопам).

Исследователь общественно-политического строя и права чеченцев и ингушей К.-С. А.-К. Кокурхаев (*Кокурхаев, 1989: 16-17*), основываясь на архивных материалах, описал тот же случай, о котором прежде упоминал Н.П. Гриценко (*Гриценко, 1976: 291-292*). В 1862 г. уроженец Аргунского округа Дакиев обратился к российским властям с жалобой, в которой сообщил, что 25 лет назад его украли и продали в рабство жителю Осетинского округа Бадоеву. После удовлетворения жалобы Дакиев получил свободу. Вслед за этим с жалобой обратился Бадоев. Он утверждал, что в 1841 г. заплатил за Дакиева 150 рублей и просил возместить ущерб, причиненный ему освобождением Дакиева. При этом Бадоев предъявил свидетельство о покупке Дакиева, составленное в присутствии помощника пристава горских народов прапорщика Дударова. Проведенное дознание установило, что Дакиева похитили галгаевцы у непокорных чантийцев. Поскольку подобное похищение в то время не воспрещалось, галгаевцы, продавшие Дакиева в рабство Бадоеву, поступили согласно разрешению начальства (*Кокурхаев, 1989: 17*).

В самом конце советского времени вышло в свет учебное пособие по этнографии чеченцев и ингушей Н.Н. Великой с соавторами (*Великая и др., 1990*), в главе о социальном строе которого обобщены изданные ранее материалы о рабах и князьях. По мнению авторов, феодализм в Чечне и Ингушетии не носил заверщенного характера, хотя между разными слоями общества существовали серьезные противоречия. Нижнюю ступень социальной пирамиды занимали рабы и их потомки. Обычно рабы (лай/лей) образовывались из пленников-ясырей, которых не выкупили. Среди свободных общинников происходило расслоение, формировалась феодализирующаяся верхушка. В горной зоне, по преданиям, были князья-владельцы Дударовы, Садойские, Дышнийские, Сепи-эла Малхистинский, Бики Харачоевский, а на плоскости – Ших-Мурза Ишеримов, Турловы, Хасбулатовы. Из учебного пособия мы узнаем о предании, согласно которому майстинцы, свергнув своего князя, решили больше князей не избирать и не назначать. В то же время в Чеберлоевском и Шароевском обществах осуществлялось возобновление княжеского правления (*Великая и др., 1990: 57-59*).

В постсоветское время было опубликовано несколько работ, содержащих сведения о рабстве и рабовладении в Чечне (*Покровский, 2009; Тотоев, 2009; Магомадова, 2017* и др.). Однако в капитальном труде Н.И. Покровского о кавказских войнах и государстве Шамиля указанная тема была затронута только отчасти. В другом капитальном труде Ф.В. Тотоева об общественном строе Чечни она рассмотрена весьма обстоятельно. Вопросам рабства и работорговли в Чечне всецело посвящена статья Т.С. Магомадовой.

Как и предыдущие исследователи, Н.И. Покровский выделяет в Чечне две группы рабов: личных рабов-лаев (не военнопленных) и военнопленных (ясырей). Ученый не

соглашается с распространенным мнением о том, что рабы в Чечне всегда относились к не чеченцам, а рабов-чеченцев в Чечне никогда не было. Н.И. Покровский полагает, что Чечня знала и чеченцев-рабов, что подтверждается случаями долгового рабства. Однако основу рабской силы чеченцы-рабы вряд ли составляли (Покровский, 2009: 158).

В советское и постсоветское время, как нами уже было отмечено, тему рабства и работорговли в Чечне разрабатывал Ф.В. Тотоев (Тотоев, 1969; Тотоев, 2009). Однако даже ему не удалось установить ни точное время возникновения чеченского рабства, ни проследить его эволюцию. Поэтому Ф.В. Тотоев исследовал рабство у чеченцев лишь на последнем этапе его эволюции, перед тем, как оно было официально отменено после окончательного вхождения Чечни в состав России. Первые же сведения о рабах в Чечне, по Ф.В. Тотоеву, относятся предположительно к XV – первой половине XVI вв. или даже к более раннему времени (Тотоев, 2009: 213). Ф.В. Тотоев установил следующие источники формирования контингента рабов: 1) захват пленных (не только христиан, но и мусульман; рабом мог стать как военнопленный, так и чеченец, похищенный по причине родовой или личной мести или захваченный в межфамильных войнах и набегах); 2) продажа или обмен на хлеб одного члена патриархальной чеченской семьи во избежание голодной смерти всей семьи; 3) отдача члена патриархальной чеченской семьи в случае невозвращения этой семьей взятого долга (долговое рабство); 4) обращение в рабство детей пленных солдат и горянок и детей пленных солдат и чеченских холопов; 5) обращение в рабство чеченцев, подвластных имаму Шамилю, захваченных чеченцами, сражавшимися на стороне России (Тотоев, 2009: 214-216, 225). Взятых в плен непокорных чеченцев (ясырей) в 40–50 гг. XIX в. российские власти разрешали продавать¹.

Весьма распространенной формой рабства в Чечне Ф.В. Тотоев считал домашнее рабство (Тотоев, 2009: 219, 227). Рабы, проживавшие в доме своего хозяина, обслуживали потребности его дворового хозяйства. Покупные женщины-рабыни нередко становились женами хозяев. По всей видимости, именно домашнее рабство имел в виду У.Л. Лаудаев, когда писал о равенстве свободных чеченцев и их холопов (Лаудаев, 1872: 52).

Характеризуя положение лаев и ясырей в Чечне, Ф.В. Тотоев выявил новые детали в обязанностях рабов и правах их владельцев. В частности, рабы не могли отказаться от женитьбы на тех женщинах, на которых им указали хозяева. Произвол рабовладельца над ясырями-чеченцами был меньшим, чем над ясырями-иноземцами. Хозяин-чеченец мог за убитых им чеченцев расплатиться с пострадавшей стороной собственными рабами. Рабов, отданных за пролитую кровь, либо убивали, либо продавали. Кроме того, в Чечне издавна существовало вольноотпущенничество, которое распространялось и на рабов, попавших в неволю по задолженности (Тотоев, 2009: 217-218, 221).

Ф.В. Тотоев дополнил сведения М.А. Мамакаева и Н.П. Гриценко новыми данными о продаже в рабство чеченцев самими чеченцами (Тотоев, 2009: 215-216), причем в качестве живого товара нередко выступали дети, которых продавали их же родственники.

Ф.В. Тотоев сформулировал основные положения, касающиеся рабства у чеченцев. Рабство в Чечне носило патриархальный характер. Даровой рабский труд использовался в условиях доминирования мелкокрестьянского натурального хозяйства и в хозяйственной жизни Чечни никогда не играл главной роли. В основном рабский труд использовался в земледелии и скотоводстве для удовлетворения потребностей семейств рабовладельцев. В Чечне сложились только элементы рабовладельческих отношений. Рабовладение было неразвитым, зачаточным. Оно испытало кризис до ликвидации патриархально-родового строя и утверждения феодализма и не смогло достигнуть своего расцвета. Число рабов от общего числа свободных общинников было ничтожно малым. После вхождения чеченцев в состав России рабство в Чечне, приходившее во все больший упадок, российские власти отменили законодательным путем (Тотоев, 2009: 218-219, 227-229).

В статье Т.С. Магомадовой ранний период рабовладения в Чечне датируется XVI–XVII вв., а поздний – XVIII–XIX вв. По материалам об ококах (чеченцах-аккинцах, живших с

¹ Один из героев исторического романа Х.Д. Ошаева, чеченец из тайпа хаккой Алхаст, сын Шапи, пользуясь разрешением, предоставленным чеченцам, служившим в русских войсках, занимался похищением немирных чеченцев для получения за них выкупа или обмена на пленных русских солдат (Ошаев, 1966: 24-25, 30, 34, 36, 39).

конца XVI в. в Терском городке) автор делает заключение о патриархальном, домашнем характере рабства у чеченцев (Магомадова, 2017: 147). В XVI–XVII вв. чеченцы имели рабов-ясырей, которые никогда не являлись у них основной рабочей силой. Ясыри служили предметом торговли и выкупа и приносили немалый доход в индивидуальный бюджет семьи (Магомадова, 2017: 153-154).

Поскольку в настоящей статье до сих доминировали материалы о рабах и князьях в Чечне, далее обратимся к обсуждению материалов по Ингушетии. Причем следует сразу оговориться: если о рабах, бывших у ингушей, встречается немало прямых и косвенных свидетельств, то даже косвенные данные (и тем более конкретные исторические факты) о существовании в горах Ингушетии князей нами не установлены.

На наш взгляд, наиболее интересные сведения о рабах и рабовладении у ингушей содержатся в трудах Я. Потоцкого, Н.Ф. Яковлева, Л.П. Семенова, И.П. Щеплыкина, А.Н. Генко, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, Е.И. Крупнова, М.А. Мамакаева, С.Ц. Умарова (Потоцкий, 2006; Яковлев, 1925; Семенов, 1928, 1935; Щеплыкин, 1928; Генко, 1930; Харадзе, Робакидзе, 1968; Крупнов, 1971; Мамакаев, 1973; Умаров, 1980).

Одно из первых упоминаний о рабстве у ингушей мы встречаем в труде польского графа Я. Потоцкого. Осенью 1797 г. он путешествовал по Северному Кавказу (Потоцкий, 2006: 365). Со слов очевидца П. Калустова, в Кизляре Я. Потоцкий записал следующий случай, произошедший на рынке рабов в кумыкском ауле Эндери.

Ингуш, похитивший «...юную дочь его страны...», привез девушку для продажи в Эндери. Сторговался с купцом-евреем о цене (200 рублей в персидских тканях). Когда продавец и покупатель пошли смотреть ткани, девушка-ингушка сказала находившимся рядом чеченцам примерно следующие слова: я незащитная сирота. Человек, привезший меня сюда, обещал на мне жениться. Но своего слова не сдержал. Сейчас он собирается продать меня, чтобы получить одежду, которую не будет носить. Сказав эти слова, она удалилась в сад, где повесилась на дереве (Потоцкий, 2006: 367).

Важно отметить, что независимо друг от друга Я. Потоцкий (Потоцкий, 2006: 367) и Н.П. Гриценко (Гриценко, 1976: 288) сообщили о сходных событиях: ингуш пообещал ингушке жениться на ней, а чеченец пообещал чеченке отдать ее замуж, но оба обманули и попытались продать своих «пассий» на невольничьем рынке в Эндери. Учитывая ранее приведенные сведения о продаже чеченцами в рабство своих же сирот, детей и прочих слабых, незащитных людей (Лаудаев, 1872: 52; Мамакаев, 1973: 49; Тотоев, 2009: 215), можно заключить, что менталитет чеченцев и ингушей в период рабовладения и работорговли кардинально отличался от современного.

Полевые этнографические исследования в горах Ингушетии в то время, когда там еще оставалось постоянное население, осуществил Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925). В очерке об ингушах он опубликовал предание о трех родных братьях, Тергиме, Хамхи и Эги¹, родоначальниках галгаевцев (Яковлев, 1925: 98-99). В широкой долине Ассы, проходящей через горы Ингушетии с юга на север, на перекрестке конно-пешеходных троп с гор на плоскость и со стороны Чечни к ущелью Терека², братья построили боевые башни. Взяв под

¹ По Г.К. Мартиросиану (Мартиросиан, 1928: 39), отцом этих братьев был Эльберт (по-ингушски Элберд. См.: Хамчиев, 2003: 116). Интересно, что потомки Эга теперь живут и в Чечне и являются не ингушами, а чеченцами. Так, по сообщению Сарбека Саидовича Мовтаева (чеченца из тайпа мулкьой), первый его предок – Эг, а у него были братья Тергим и Хамхо. Потомки Эга: Метиш, Бекхоул, Генчи, Генчи, Генич, Ама (он из Эгикала переселился в Чечню, в аул Жайнэ), Миттарж, Эльда, Бахарш, Изноур, Саид (Сайда), Сарбек (записано нами 23.12.1987 г.). Прибавим к этому сообщение Х.М. Батаева о том, что один из его отцовских предков ушел из Чечни в Ингушетию в аул Пялинг (записано нами 06.02.1988 г.). Тутка, прямой предок представителя тайпа хилдехьарой Мансура Мусаевича Ескиева, в историческом прошлом переселился в Чечню из Ингушетии (из этнического общества Цхьорой). Потомки Тутки – Тес, Жибал, Гайрак, Шамтур, Каса, Ески, Муса и Мансур – являются чеченцами (записано нами 11.06.1985). Если иметь в виду все известные нам сведения о переселениях в горы Чечни выходцев из Осетии, Грузии и Дагестана, то получится весьма пестрая картина этнических перемещений не только между чеченцами и ингушами, но и между ними и соседними горскими народами.

² Вся эта межгорная территория, расположенная между Скалистым (на севере) и Боковым (на юге) хребтами, по обеим сторонам р. Ассы, теперь называется Таргимской котловиной.

свой контроль главнейшие пути сообщения, братья начали извлекать экономическую выгоду от удобного транспортно-географического местоположения своих владений. Они стали взимать дань за прогон скота и прохождение людей через свои владения, которая выплачивалась скотом, пулями и зарядами пороха. Так, за проход через владения братьев одного человека или перегон одной головы скота взималась дань в виде одной пули и одного заряда пороха. Постепенно братья и их потомки накопили большое богатство, а их аулы разрослись. Будучи в союзе с соседними родами, потомки трех братьев с помощью вооруженной силы распространяли свою власть на соседние горские племена.

Поскольку в предании о трех братьях, записанном Н.Ф. Яковлевым, упоминаются лук (которым пользовался средний брат Хамхи на охоте), пули и заряды пороха, можно заключить, что это предание относится к тому периоду, когда ингуши использовали луки наряду с огнестрельным оружием. Исследователь ингушей Б.К. Далгат полагает, что луки и ружья они одновременно использовали еще в конце XVIII в. (Далгат, 1893: 64).

Еще одно народное предание, опубликованное Н.Ф. Яковлевым (Яковлев, 1925: 103-104), отвечает на вопрос о том, почему у ингушей не существовало князей. Согласно преданию, однажды народные предводители подумали: если у других людей есть князья, то, может быть, и галгаевцам нужен князь. Для избрания князя на лугах Соу собрались все галгаевцы. Из претендентов на княжеский титул не явился только мудрый и богатый человек по имени Ивизд Газд¹, хотя его и приглашали. Но Ивизд Газд категорически отказывался приехать. Три дня и три ночи галгаевцы совещались. На третий день Ивизд Газд узнал: участники народного собрания решили бросать жребий, кому быть князем, и готовят не пять, а четыре жребия. Только тогда он собрался в дорогу. Надел роскошный шелковый халат, взял отделанную золотом пашку, оседлал лучшего коня. Дорогой халат опоясал грязным вьючным ремнем, которым удерживают груз на спине осла. В таком виде Ивизд Газд прибыл на общенародное собрание. В числе нескольких вопросов, ему задали и такой: почему он роскошное одеяние опоясал грязным ослиным ремнем. Ивизд Газд на вопрос ответил вопросом: «Разве не идет мне этот грязный ремень?» Собравшиеся галгаевцы отвечали: «Как может ослиный ремень подходить к шелковой одежде?» Услышав это, Ивизд Газд сказал: «Как ослиный ремень – к шелковым одеждам, так князь и раб не идет к ингушам!» (Яковлев, 1925: 104). После этих слов галгаевцы постановили: пусть у того, кто предложит поставить над нами князя, будет негодное потомство. И обратились к тем, кто имел у себя рабов, отпустить их на волю. С тех пор обрели свободу Барахоевы, бывшие рабы Тергимхоевых, и потомки Гадаборша, бывшие рабы Беркимхоевых.

Предание об Ивизде Газде свидетельствует о том, что в прошлом ингуши имели рабовладельцев и рабов, но не имели князей. Хотя Н.Ф. Яковлеву ингуши говорили, что они всегда были свободны и равноправны и что у них никогда не существовало князей, которые бы ими управляли (Яковлев, 1925: 98, 102). Как мы видим, предание опровергает утверждение, касающееся всеобщей свободы ингушей и их равноправия.

Н.Ф. Яковлев установил также, что у ингушей существовало деление на «хорошие» и «плохие» фамилии. Некоторые ингуши по степени благородства насчитывали до 5-6 «сортов» фамилий. Относительно степеней благородства Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925: 98) приводит следующее разъяснение: «К первому сорту ингуши относят потомков тех «фамилий», которые когда-то верховодили в горах остальными ингушскими «родами», а к последним – потомков их бывших крепостных, пленников и рабов».

Для подтверждения неравенства, существовавшего у ингушей в древности, Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925: 100) ссылается на следующий эпизод из жизни народа. Раз в году представители 3–4 сильнейших галгаевских союзных родов, занимавших лучшую часть гор Ингушетии, собирались в «Храме Тысячи» (= христианский храм Тхаба-Ерды. – Авт.) и, отметив здесь праздник, уходили за данью ко всем окрестным племенам². Разумеется,

¹ Ингушское написание: Ивизд Гпазд (Хамчиев, 2003: 42, 58). Близкий вариант предания об Ивизде Газде был опубликован в сборнике (Сказки, сказания и предания..., 1986: 384-385).

² О том, как изменилось отношение ингушей к храму со временем, свидетельствуют следующие факты. Когда в середине 70-х гг. XX вв. автор данной статьи впервые посетил Тхаба-Ерды, храм представлял собой печальное зрелище. Посреди заброшенного и полуразрушенного каменного храма

племена эти от ежегодных поборов беднели, а сильные союзные роды богатели. Согласно Н.Ф. Яковлеву, неравенство между разными племенами порождало и неравенство между отдельными родами: «Выходцы из чужих родов, беженцы, пленники, найденыши становились рабами или получали от господствующих родов земли для поселения и становились их крепостными земледельцами» (Яковлев, 1925: 100).

Как справедливо заключает Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925: 100-102), слагавшееся в горах резкое экономическое и политическое преобладание одних родов над другими, прервалось в результате массового переселения ингушей с гор на предгорную плоскость. Оказавшись на плоскости в совсем иных природно-экономических и военно-политических условиях, прежде разрозненные галгаевские племена консолидировались в единый ингушский народ. С переселением на плоскость приостановился начавшийся в горах процесс роста власти и богатства благородных ингушских фамилий за счет других фамилий. Из прежних благородных родов так и не успели зародиться настоящие князья и царьки. В новых условиях жизни и хозяйствования на плоскости все ингушские фамилии (старые благородные и прежние рабские) практически уравнились и стартовал новый этап накопления богатства, с новыми возможностями для всех фамилий. Зарождавшиеся у ингушей в горах феодальные отношения в условиях жизни на плоскости исчезли.

Содержательное предание о Дударове, выходеце из аула Кий (точнее, Кей. – Авт.) в Чечне, записал в Джераховском и Мецхальском обществах Л.П. Семенов (Семенов, 1928: 20-21). Предание повествует о тех давних временах, когда в горах Ингушетии властвовали произвол и грубая сила, захватывались и продавались в рабство пленники. По преданию, Дударов, властолюбивый человек, обладавший редкой отвагой и силой воли, находился в постоянной вражде с местными жителями. Перейдя из Кейского общества в Ингушетию с небольшой наемной дружиной, он был вынужден из-за давления ингушей переходить из одного места в другое. Переселившись из ущелья Ассы в Джераховское ущелье, Дударов укрепился в Мецхальском обществе, где построил вблизи от аула Харпе крепкий замок. Подчинив себе жителей соседних аулов, Дударов обложил их данью за проезд мимо него (по бревну с каждого воза дров). Однажды Дударов взял в плен и заковал в цепи юношу-галгаевца с целью его продажи в рабство. Когда сыновья Дударова повезли этого юношу на продажу, жители Харпе отбили пленника, а сыновьям отрубили головы. После гибели своих сыновей Дударов переселился в близлежащий аул Духаргишт, в котором построил башню. Отсюда он предпринял набег на аул Ларс, расположенный в ущелье р. Терек, и захватил богатую добычу. Куштовым, населявшим Духаргишт, Дударов «...привел в дар быка, к хвосту которого был привязан осел, нагруженный шелком и золотом» (Семенов, 1928: 21). Побратавшись с Куштовыми и опираясь на их поддержку, Дударов совершил нападение на Харпе и пленил всех мужчин этого аула. Из-за опасения неминуемой мести со стороны ингушей Дударов переселился из Духаргишта в Осетию.

Упоминание о Дударовых как рабовладельцах приведено в труде И.П. Щерблыкина. Характеризуя владельцев замка, построенного вблизи аула Харпе, он писал: «Это были настоящие хищники гор. Нападали на окружающее их население, грабили проезжающих, забирали людей в плен и продавали в рабство; были заправскими работорговцами, везде вызывали недовольство и враждебное отношение к себе». Переселившись на Терек, в аул Ларс, Дударовы длительное время сохраняли большое влияние в Джераховском ущелье (в ущелье р. Армхи) (Щерблыкин, 1928: 20).

Кавказовед А.Н. Генко (Генко, 1930), ссылаясь на Я. Потоцкого, упоминает о случае продажи двух братьев-ингушей в рабство в Турцию. Став мусульманами, они побывали в Мекке. Получив свободу, вернулись на родину. Здесь они обратили свою мать в ислам и открыто восстали против культа священных скал и идолов, которым тогда поклонялись ингуши. Однако ингуши ответили братьям: «Вы учите нас закону, которому научились в бытность свою рабами. Мы его не желаем. Уйдите из нашей страны и не возвращайтесь никогда» (Генко, 1930: 746). После таких слов братья ушли на жительство к чеченцам.

Новые этнографические материалы по результатам полевого сезона 1930–1932 гг. в горах Ингушетии опубликовал Л.П. Семенов (Семенов, 1935: 148-149). По словам жителя

бродили овцы; молодые чабаны-ингуши стреляли по храму из винтовки. В настоящее время храм как исторический памятник ингушского народа прекрасно отреставрирован.

аула Пуй Элбиздко Долова, представители старинных фамилий из аулов Хамхи, Таргим и Эгикал собирали дань с некоторых местных фамилий. По сообщению жителя аула Салги Билала Эльджаркиева, около развалин замка, расположенного на Ассе ниже аула Таргим, некогда проходила заградительная стена, пересекавшая речную долину. В стене имелся запирающийся вход. За проход через него взималась дань (пуля и мерка пороха)¹.

Ссылаясь на Б. Эльджаркиева, Л.П. Семенов опубликовал следующие сведения о рабах у ингушей (Семенов, 1935: 148-149). По утверждению рассказчика, рабов из числа ингушей не было. Рабами становились пленники. Их захватом занимались специально сформированные небольшие (по 10–15 человек) отряды. Взяв с собой провизию недели на две, ингуши уходили к границам одного из соседних народов (чеченцев, осетин, хевсуров и орцхойцев). Подкравшись к местам молотбы хлеба, они похищали людей.

Пленных держали в башнях. Обычно тех пленных, кто был побогаче, выкупали за скот. Бедных пленных не выкупали, поэтому их превращали в рабов. Рабы работали по хозяйству (выполняли всю черную работу), жили там, где помещался скот. Они не имели никаких послаблений. С рабами не рождались, и им не выделяли земли. Дети, рожденные рабынями, становились рабами. Рабов, совершивших тяжкие преступления (например, обесчестивших женщин), ингуши убивали.

Ингуши продавали рабов за скот, оружие и землю. Если какой-либо ингуш убивал раба богатого человека, то рабовладелец мог потребовать от убийцы такой же оплаты, как за убитого ингуша. Если раб совершил кражу у какого-нибудь ингуша, то рабовладелец передавал ему своего раба во владение, как пострадавшему от воровства.

Те рабы, которые в течение 15–20 лет безусловно работали на хозяина и завоевали его доверие, получали свободу, право приобрести землю, строить жилище и родниться с ингушами. Поэтому у ингушей имеется немало фамилий, происходящих от рабов.

Б. Эльджаркиев также сообщил, что совершить побег из ингушского плена было весьма затруднительно. Тем не менее побеги рабов случались. Один пленный чеченец несколько лет притворялся послушным, делал всю работу, которую поручал ему хозяин. Завоевав доверие ингушей, он получил свободу передвижения. Однажды ночью чеченец завладел ружьем и кинжалом хозяина, убил его и сбежал на свою родину.

М.М. Базоркин² считал, что появление в горах Чечни и Ингушетии боевых башен делало их владельцев более сильными по сравнению с теми горцами, кто таких башен не имел. Владельцы боевых башен занимали господствующее положение в своей местности, овладевали пастбищами и сенокосами, преграждали горные пути и получали пошлину за проезд через свои земли (по одной пуле или одному заряду пороха с путника, по одному барану за прогон отары, долю с провозимого купеческого товара). Подобным пассивным путем протекало обогащение отдельных тайпов, но не семейств. Слабые тайпы попадали в зависимость к сильным тайпам, так возникали вассальные взаимоотношения. В период до XVII в. происходило зарождение элементов феодализма. М.М. Базоркин полагал, что рабство имело в горах весьма ограниченный характер, а рабами являлись невыкупленные пленники и заложники, которые, женившись, оставались в роде как его младшие члены. Говоря о наличии младших членов в роду, М.М. Базоркин вместе с тем утверждал, что все члены рода считались равными и вольными узденями (Базоркин, 1964: 15). Были ли все рабы иноземцами, или среди них имелись и рабы из чеченцев и ингушей – ответа на эти вопросы в работе М.М. Базоркина мы не находим.

¹ Мы уже упоминали ранее о дани, которая взималась за проход мимо Кирда Ёаьвнаш, и о дани, получаемой братьями Тергимом, Хамхи и Эги за проход через их владения. Напомним, что, по М.А. Иванову (Иванов, 1902: 285), владелец крепости в ущелье р. Аккичу (в Аьккхийн Мохк) по имени Гаж также брал дань за безопасный проход по ущелью. Очевидно, в глубинных частях гор Чечни и Ингушетии взимание дани за проход было обычным явлением, подобным тому, как в наше время взимается транзитная плата за провоз грузов через третьи страны. Само собой, получение дани усиливало экономическую мощь тех горских владельцев, которые контролировали важнейшие пути сообщения, и способствовало социальной дифференциации горского общества.

² Ингушский историк, потомок Ивизда Газда (Газда-наькъан, эгахой). И.А. Дахкильгов называет Ивизда Газда «именитым мужем из Эгикала» Газдом Ивиздиевым, приехавшим на общенародное собрание галгаевцев на осле и лишь после третьей просьбы (Дахкильгов, 1978: 92).

Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, исследуя сословные отношения у горных ингушей, отмечали существование у них эзди тейпа (сильная тейпа, свободная от всяческих форм зависимости) и лей тейпа (слабая, зависимая тейпа). В ходе полевых этнографических работ только однажды был зафиксирован термин *йикъер нах*, или *йикъер накъе* (то есть средняя между эзди тейпой и лей тейпой фамилия, которая никому не подчинялась и которой никто не подчинялся) (Харадзе, Робакидзе, 1968: 132, 163).

Согласно Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, в нижнем этаже оборонительных башен ингушей имелись ямы разного назначения, в том числе и темницы для провинившихся рабов и пленников. Грузинские этнографы приводят свидетельства довоенных советских исследователей о том, что в местах, где ингуши содержали рабов и пленников, находили кандалы¹. Пленники заковывались в ручные кандалы и могли находиться в темницах по несколько лет в ожидании выкупа или обмена (Харадзе, Робакидзе, 1968: 136-137).

Вообще же, в разных горных селениях Ингушетии Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе записали у местных жителей немало сведений, касающихся рабства. Ингуши захватывали в плен иноплеменников для получения выкупа, однако если пленник-ясырь («ёсар») не выкупался, то его превращали в раба-лея. Кроме того, по адату допускалось пленение и самих ингушей, но только за пределами своего общества. В своем племени захватывались в основном физически неполноценные люди с целью приобретения рабского труда. Рабы из своего племени в конечном счете получали участок земли, посредством которого они постепенно превращались фактически в крепостных вместе со своим потомством, так как несли перед хозяином определенные повинности (натуральная рента, личные услуги) (Харадзе, Робакидзе, 1968: 137, 140, 153). Иноплеменные пленники, если верно служили хозяину, через какое-то время тоже могли получить от него участок земли при условии выплаты натуральной ренты. При этом они получали право построить себе дом (иногда и незавершенную башню) и обретали право жениться. Однако потомство освобожденного ясыря всегда оставалось в долгу перед семьей похитителя, несло подать за пользование землей и выполняло личные повинности (Харадзе, Робакидзе, 1968: 138).

После того как пленников обращали в рабов-леев, они выполняли у ингушей все виды полевых работ. Селили их в пристройке к хозяйскому дому. Новообращенные рабы-леи не имели права жениться, не имели своей земли и орудий труда. Питались леи тем же, чем и семья хозяина, однако садиться за общий стол вместе с хозяевами они не имели права (Харадзе, Робакидзе, 1968: 137, 139).

В статье Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе подробно описывается набеговая система, функционировавшая у горных ингушей. Вначале производилась тщательная подготовка к набегу, заключавшаяся в организации особой военной дружины, называемой «гIаьр», из спаянных крепкой дружбой и хорошо вооруженных джигитов. Согласовывались маршрут, время и объект для нападения (главным образом, зажиточные семейства), производилась подготовка лошадей с полным снаряжением, проверка оружия. Перед набегом джигиты тренировались в стрельбе и скачках, а свои семьи укрывали в оборонительных башнях. При набегах захватывалась такая добыча, как скот, оружие, драгоценности и пленники. После удачного набега совершался дележ добычи по принципу ее равного распределения между всеми хищниками. Пленники ожидали, каким образом решится их участь: выкуп, продажа или превращение в раба-лея (Харадзе, Робакидзе, 1968: 138-141).

Говоря о формировании зависимого сословия у горных ингушей, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 142) пришли к заключению о том, что рабство у них имело особый характер. Оно было направлено не на развитие рабовладельческих отношений, а на ассимиляцию инородных элементов как необходимое предварительное условие для их последующего закрепощения. Согласно Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, под леем необходимо понимать не только плененных иноплеменников и соплеменников, обращенных в рабство с дальнейшей ассимиляцией на местной почве и их закреплением на

¹ Например, Г.К. Мартirosiану в ауле Мецхал старик Точиев показывал заржавевшие железные наручники для пленных. Старик наотрез отказался продать эти наручники даже за большую плату, заявив, что они принадлежат всему его роду (Мартirosiан, 1928: 41). Бунухо Точиев показывал в Мецхале ручные кандалы и И.П. Щеблыкину. В ауле Фалхан он побывал в башне с каменным колодцем-мешком для пленников, где их держали в ручных кандалах (Щеблыкин, 1928: 15, 19).

земле, но и ингушские семьи, вынужденные поселиться на земле, которая уже имела своего владельца (Харадзе, Робакидзе, 1968: 163).

По утверждению Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 162-163), привилегированное сословие у горных ингушей формировалось одновременно с возведением крупных оборонительных сооружений, датируемых XIV–XVIII вв. В этот же период происходил процесс возникновения и развития феодальных взаимоотношений в Ингушетии. Однако в условиях, когда ингуши не имели государства, сословное деление юридически зафиксировать было невозможно. Без юридической фиксации социальные различия, существовавшие у ингушей, «...не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества» (Харадзе, Робакидзе, 1968: 164).

В отличие от многих авторов, писавших о патриархальном рабстве у чеченцев и ингушей, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 164) полагали, что в случае с ингушами наличествует одна из форм принудительной ассимиляции, поскольку пленник не поработался в прямом смысле этого слова, а закрепощался на земле.

Вслед за Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе в монографии о средневековой Ингушетии Е.И. Крупнов упоминает об особой военной дружине, которую называли словом «гаър». Дружины из горских удальцов периодически организовывались для совершения набегов в соседние районы Осетии, Кабарды и Грузии за добычей (Крупнов, 1971: 167).

Военная дружина «гаър» имела прямое отношение к появлению рабов и рабства у ингушей. Согласно Е.И. Крупнову, о существовании рабства у ингушей свидетельствовали даже те немногочисленные фрагментарные данные, которыми располагала наука.

Е.И. Крупнов считал, что рабство в роде (иначе патриархальное рабство) являлось одним из составных элементов процесса разложения родового строя у ингушей (Крупнов, 1971: 172). Как и все предшествующие авторы, Е.И. Крупнов подразделял рабов на леев и ясырей. По Е.И. Крупнову, почти во всех преданиях ингушей упоминаются только рабы-чужеземцы, а рабов-соотечественников ингуши якобы не имели. Ссылаясь на данные Б.К. Далгата, близко знавшего горцев-ингушей, Е.И. Крупнов отмечает, что в старину сильные ингушские фамилии похищали у слабых ингушских фамилий детей, которых продавали в рабство карабулакам и чеченцам. В монографии отмечены и другие факты, указывающие на существование у ингушей рабов из своей этнической среды. Причем категория рабов у ингушей пополнялась не только путем захвата пленников, но и за счет представителей ингушских фамилий, попавших в экономическую зависимость (Крупнов, 1971: 173-174).

В целом, говоря о рабстве у ингушей, Е.И. Крупнов писал о том, что оно не имело у них большого социально-экономического значения. Как и в Чечне, рабы в Ингушетии не являлись главной рабочей силой, а эксплуатация их труда была незначительной. Вместе с тем труд рабов усиливал экономическую мощь рабовладельцев и тем самым расшатывал патриархально-родовые устои ингушского общества (Крупнов, 1971: 175).

Поскольку сведения о том, кто из ингушей в прошлом являлся рабом, считались в массе народа непрестижными и воспринимались как унижающие достоинство, подобные сведения не только не афишировались, но и скрывались, особенно для посторонних лиц (включая русских и советских исследователей-кавказоведов). Последнее обстоятельство во многом объясняет скудность информации о рабах-ингушах в научной литературе. Вот почему для истории важен каждый конкретный случай рабства среди ингушей. Ссылаясь на данные архивного фонда Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, М.А. Мамакаев опубликовал один такой случай (Мамакаев, 1973: 49). В 1932 г. ингушский краевед и художник Х.Б. Ахриев беседовал с 90-летним стариком С. Калоевым из с. Альтиево. Старик рассказал о том, как его продали кабардинским князьям в качестве раба, а потом Мальсаговы выкупили его из рабства.

Вопросы, связанные с делением ингушей на плохие, хорошие и лучшие фамилии, выявлением зависимых ингушских и карабулакских фамилий¹, внесением натуральных

¹ В этой связи интересно предание о том, что в башенную эпоху в ущелье р. Фортанги от фамилии Гандалоевых зависели Белхароевы, пасшие табуны и стада своих хозяев. Подобная зависимость существовала в древности в округе с. Итум-Кале (см. ниже предание от 12.06.1979 г.) и в Малхисте.

податей за право жить на владельческой земле и значением боевых башен (замков)¹ в утверждении независимости фамилии (рода), рассмотрел С.Ц. Умаров (Умаров, 1980).

По мнению С.Ц. Умарова, ингушская община (фамилия), достигнув относительной независимости и утвердившись на занимаемой земле, далеко не всегда отваживалась строить боевую башню. Сначала такая община (фамилия) с целью еще большего своего усиления поселяла на своей земле на договорных началах безземельные семейства. Как правило, безземельные поселенцы становились крестьянами-лаями. Однако владельцы, поселив на своей земле безземельные семейства, рисковали в долгосрочной перспективе. Пришельцы, увеличившись с течением времени в численности, могли добиться свободы и вытеснить своих бывших владельцев². Тем не менее память о былом лейском прошлом преследовала некогда зависимые фамилии очень долго (Умаров, 1980: 13).

К каким казусам приводит историческая память о лейском прошлом некоторых ингушских фамилий, показывает следующий случай³, имевший место в Грозном вскоре после восстановления Чечено-Ингушской АССР (скорее всего, в начале 60-х гг. XX в.). В одной республиканской организации работали, кроме русских, двое ингушей. Первый из них – пожилой уже человек, с высшим образованием, интеллигентный и спокойный. Он являлся участником Великой Отечественной войны, имел боевые награды. Как мы теперь знаем, он относился к тайпу леймой и носил одну из фамилий, указанных в книге Ш.Э. Дахкильгова (Дахкильгов, 1991: 36-38). Второй ингуш – молодой человек, тоже с высшим образованием, довольно высокомерный, весьма вспыльчивый и неуравновешенный. Он принадлежал к тайпу, происходившему из древнейшего аула Эгикал и в неофициальной ингушской «табели о рангах» относился к сильной и именитой фамилии, отмеченной в книге Ш.Э. Дахкильгова (Дахкильгов, 1991: 19). И вот однажды, когда большая часть сотрудников находилась в кабинете на своих рабочих местах, в кабинет вошел молодой отпрыск родовитой фамилии. Увидев сидевшего за столом пожилого сотрудника из тейпа леймой, молодой ингуш тоном, не терпящим возражения, заявил примерно следующее: когда в кабинет заходит представитель тейпа эгикалхой, Леймовец приветствовать нас стоя обязаны! Услышав такое прилюдное оскорбление, пожилой леймовец, схватив со стола перочинный нож, яростно бросился на молодого ингуша из знатной фамилии...

Рабы в Чечне и Ингушетии, по факту, имелись и в советское время. Не секрет, что за пределами Чечни и Ингушетии, в городах и селениях разных местностей России, жили опустившиеся, полуспившиеся и бездомные люди. Их обманым путем или за обещание кормить и давать спиртные напитки, увозили в горы. Поселившись на хуторах, эти люди стали пасти домашний скот, обрабатывать огороды и делать иную хозяйственную работу. Такие люди назывались «бичами». Нам известен такой случай. В начале 80-х гг. XX в. на дальнем хуторе в ущелье Чанты-Аргуна чеченцы поселили бича, привезенного издалека. Поручили ему пасти отару овец, обеспечили его едой и алкогольными напитками. Однако бич оказался горьким пьяницей. Когда хозяева, спустя условленное время, приехали на хутор, то увидели, что овцы разбрелись по всем окрестным склонам гор, а бич, мертвецки пьяный, спит. Побои не помогли – скоро все повторилось сызнова. Тогда бичу поручили следить за посевом картофеля, но и с этим заданием из-за пьянства он не справился.

В том же ущелье Чанты-Аргуна нам довелось видеть и других бичей, работавших на чеченцев и внешне выглядевших довольно-таки прилично. По рассказам, один такой бич «увел» дочь своего хозяина, сбежав с ней в Грузию. Чеченцы также рассказывали, как однажды, во время хмельной пирушки на горном хуторе, они ради шутки решили сделать русского бича мусульманином путем совершения обряда обрезания. Не зная чеченского языка, бич посчитал, что его хотят убить, и начал активно сопротивляться. Когда же этого бича скрутили и собирались совершить обряд, оказалось, что он был татаринном.

Кроме бичей, в горах Чечни встречались наемные работники, по национальности не чеченцы. Так, в окрестностях бывшего селения Ялхарой в 70-е гг. XX в. на чеченца-хозяина

¹ В.П. Христианович по этому поводу написал: «Семьи, принадлежавшие к роду, не владевшему башней, чувствовали себя незащищенными» (Христианович, 1928: 74).

² Что подтверждает приведенное ниже предание от 03.05.1987 г. о Бургат-гаре и Куше.

³ Об этом случае автору настоящей статьи рассказал его отец, очевидец события.

работал белорус Сашка: трудолюбивый, приятной наружности и положительный во многих отношениях молодой (лет 30) человек¹. Совершив на своей родине какое-то правонарушение, Сашка уехал в Чечню, где заключил устный договор, под честное слово, с чеченцем-зумсоевцем. По договору Сашка должен был отработать на чеченца-хозяина определенное время, по истечении которого чеченец обязан был сделать Сашке новый паспорт. Сашка настолько пришелся «ко двору» чеченцам, что ему предлагали принять ислам и жениться на чеченке. Но Сашка отказался. Когда закончился обговоренный срок работы, чеченец предоставил Сашке новый паспорт и он уехал из Чечни.

В новейшее время рецидивы рабства вспыхнули в Чечне с новой силой. В 90-е гг. XX в. – начале XXI в., в период де-факто независимой Чечни, дармовая рабочая сила (в виде военнопленных и других лиц, захваченных и насильно удерживаемых боевиками) использовалась на строительстве стратегических дорог и оборонительных сооружений.

О горском плене на Кавказе вообще и о плене у чеченцев в частности существует довольно обширная историческая литература. Тема чеченского плена интересна для нас в связи с тем, что горцы нередко обращали пленников в рабство. Благодаря свидетельству бывших пленников можно составить представление об отношении чеченцев к ясырям. В этой связи небезынтересны свидетельства нескольких бывших русских пленников.

Приведем свидетельство офицера Л.Ф. Екельна (Екельн, 1841: 91-96), попавшего в плен к чеченцам. Сначала он содержался в ауле Чишки, в котором с ним по-зверски обращался некий Голега (вероятно, Гелаг. – Авт.). Затем Л.Ф. Екельн находился в аулах Дачу-Барзой и Улус-Керт, расположенных невдалеке от места слияния Чанты- и Шаро-Аргуна. В дневное время горцы держали его в железных кандалах, а перед сном железной цепью прикрепляли левую ногу к стене. На шею пленника надевали огромный ошейник с железной цепью, пропущенной через стену и укрепленной со двора толстым ломом.

В конце холодной осени в Черных горах Л.Ф. Екельн носил легкую одежду (только сюртук, полусгнившую рубашку, шаровары и фуражку). Офицерские сапоги, как и носки, у него отобрали чеченцы при взятии в плен, поэтому ему пришлось передвигаться на босу ногу. Русский пленник ночью спал на плохенькой рогожке, подложив под голову старый дырявый войлок². Единственно, кто из жителей аула проявил участие в горемычной судьбе Л.Ф. Екельна – сердобольная чеченская старушка, усадившая пленника в сакле у самого огня обогреться и накормившая его вареной бараниной.

Н.А. Волконский опубликовал статью о судьбе рядового Навагинского пехотного полка Шелестовского³, плененного в 1849 г. галашевцами в Тарской долине и до 1856 г. бывшего в плену в горах Чечни (Волконский, 1882: 217-283). Пленного русского солдата в ауле Мужичи после двухдневного торга галашевцы продали в Чечню за 10 рублей (но вместо денег были отданы корова, бык и несколько баранов)⁴. Шелестовский сделался собственностью Даледа из Хилдехьяроевского ущелья (верховья р. Чанты-Аргун). Новый хозяин заковал Шелестовского в тяжелые кандалы и чуть свет стал гонять его на работу. Кормил плохо, на ночь запирали в темной каморке. Жители аула не проявили к пленнику ни малейшего сочувствия. Угрюмый и молчаливый Далед, исподлобья смотревший на своего батрака, постоянно бранился, однако ни разу его не ударил (Волконский, 1882: 220).

Далед перепродал Шелестовского жителю аула Дышны⁵, которого звали Цоук, за 25 рублей (оплата была сделана в основном скотиной) (Волконский, 1882: 220). В семье Цоука в скором времени к пленнику стали относиться хорошо. Усердным трудом солдат

¹ Автор статьи познакомился с ним в то время, когда Сашка и сын чеченца-хозяина стояли с отарой в карстовом урочище Велах на Скалистом хребте.

² В сходных условиях содержались и другие плененные офицеры. Так, Е.И. Иноземцева приводит свидетельство современника об условиях содержания в плену полковника И.П. Дельпоццо в ауле Герменчук. Тяжелые оковы висели на руках и ногах офицера, а его шею сжимало толстое железное кольцо с огромным висячим замком. К кольцу прикреплялась тяжелая цепь, пропущенная сквозь стену сакли к толстому и прочному столбу во дворе. Пленный офицер был похож на скелет. Спал пленник на изорванном лоскуте овчины (Иноземцева, 2014: 152).

³ Статья эта готовилась в 1858–859 гг., частично на месте событий и среди действующих лиц.

⁴ В то время у горцев в качестве денежной единицы выступали скот, зерно или соль.

⁵ Скорее всего, имеется в виду этнический центр Дишнейского общества аул Тусхарой (Тусхара; на местном горском наречии этот аул называется Дышмерк).

заслужил доверие хозяина, и Далед впоследствии сожалел, что продал такого добротного работника (Волконский, 1882: 277).

Находясь в Дышны, Шелестовский носил ту же «одежду», что и у Даледа: рубаху и подштанники. Ходил с колодками на ногах. Кормили его тем же, что ела сама семья. Дочь хозяина, Сата, иногда даже подкармливала пленника (Волконский, 1882: 223, 225).

Шелестовского поселили в отдельной маленькой сакле – камерке в виде сарайчика для баранов. Поскольку Цоук стал хорошо относиться к Шелестовскому, у него появилось намного больше свободы. Цоук неоднократно предлагал Шелестовскому принять ислам; говорил, что из него получился бы хороший мусульманин. В случае принятия ислама, обещал женить солдата пусть на бедной, но хорошей девушке. Шелестовский отказывался менять свою веру (Волконский, 1882: 238, 277). В конце концов вышедшие замуж дочери Цоука – Сата и Хая – помогли Шелестовскому бежать по Хилдехьяроевскому ущелью в Грузию (Волконский, 1882: 267, 275, 277-282)¹.

Благодаря случайной встрече в ст. Екатериноградской М.П. Александров записал и опубликовал рассказ старого солдата о плене у чеченцев (Александров, 1871). В 1848 г. он вместе с сослуживцем-земляком Семеновым направился в годовой отпуск по жребью. Выйдя из крепости Воздвиженской, солдаты через Кизляр вышли на дорогу в Астрахань. Здесь их окружили пятеро конных: четверо чеченцев и русский беглый (как оказалось, главарь разбойничьей шайки, принявший ислам и имевший медаль от имама Шамиля). Сослуживец, выстрелом из ружья ранивший чеченца, был заживо сожжен бандитами в копне сухого камыша (Александров, 1871: 10). По дороге в аул Элистанжи над пленным солдатом издевались и били его плетьюми. В ауле он стал денщиком беглого русского. Из-за того, что русский ренегат жестоко избивал своего пленника, он дважды пытался повеситься (Александров, 1871: 14). На ночь его сажали в глубокую яму и сверху прикрывали ее тяжеловесной крышкой. Но после того как беглый русский привез еврея-духанщика, захваченного обманным путем в укреплении Амир-Аджи-Юрт, солдата переселили в саклю. На ночь в сакле приковывали к стене. Еврея-духанщика посадили в яму и ежедневно истязали: утром и вечером его до полусмерти избивали плетьюми. Кроме того, придумали новую пытку: посреди двора, на перекладине меж двух столбов, подвешивали духанщика за ноги и зажигали костер для того, чтобы подпалить несчастного. Истязания производились с целью получения большого выкупа (3 000 рублей) (Александров, 1871: 15, 18). В конечном итоге солдат бежал из плена. В легкой одежде и чувыках, по колено в снегу он прошел 30 верст. Добрался до расположения русских войск, но отморозил ноги.

Приведенные свидетельства касаются лиц, которые так или иначе освободились из чеченского плена. Другие пленники либо доживали свой век в чеченском рабстве, либо продавались на одном из невольничьих рынков Северного Кавказа. Наиболее близким и удобным пунктом для продажи рабов из Чечни являлся кумыкский аул Эндери (Андрей-аул). Об этом крупнейшем центре работорговли на Северо-Восточном Кавказе сообщается в краеведческих источниках (Исторический очерк распространения..., 1850; Документы по взаимоотношениям..., 1968; Покровский, 2009; Тотоев, 2009; Иноземцева, 2014 и др.).

Согласно Ф.В. Тотоеву (Тотоев, 2009: 224), чеченцы продавали в Эндери пленных в обмен на порох, хлеб, соль, иногда за деньги. Затем местные купцы перепродавали их за деньги в Кизляр для работы на виноградниках. Эндери как средоточие работорговли был настолько популярным в Чечне, что об этом ауле даже упоминали в песнях. В записанной П.И. Головинским песне, исполняемой чеченской девушкой, говорится о возлюбленном джигите, который похитил в казачьей станице мальчика для продажи: «Мой храбрец-молодец продаст мальчугана в Эндери, в Дагестан; он накупит мне подарков; то-то мы будем жить, поживать!» (Головинский, 1878: 260).

Важную роль в выявлении сословных различий, бытовавших у населения глубинной части Горной Чечни, играют предания верхнеаргунских горцев². В них нередко фигурируют

¹ Хотя нам трудно представить, как Шелестовский, не зная точной дороги, и без теплой одежды смог в одиночку перейти через пограничный с Грузией высокогорный Боковой хребет.

² При этом необходимо понимать, что чеченские и ингушские предания зачастую многоварианты и противоречивы. Одни и те же исторические события не только представителями разных тайпов, но и представителями одного и того же тайпа могут излагаться совершенно неодинаково. Потому

князя и зависимые от них люди (почти рабы). В этой связи примечательно предание об Итоне, основателе аула Итум-Кале, записанное нами от нескольких представителей чантыйского тайпа (Головлёв, 1980а: 3-4; Головлёв, 1980б: 3), с отдельными позднейшими прибавлениями и уточнениями¹. Заметим, что впервые об этом предании сообщила А.Е. Россикова (Росси́кова, 1895: 76-77). В общих чертах предание это опубликовано в работах Н.С. Иваненкова (Иваненков, 1910: 9-10) и М.А. Мамакаева (Мамакаев, 1936: 62; 1973: 45-46). Однако Н.С. Иваненков допустил искажения этнических наименований, а М.А. Мамакаев – ошибки в описании событий. Краткий вариант предания об Итоне опубликовали в фольклорном сборнике А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов (Сказки, сказания и предания..., 1986)².

Согласно преданию, в давние времена в Грузии жил старик Берий, у него был старший сын Люнги, а у него были сыновья Итон, Хала и Шала. После смерти Берия Люнги с сыновьями, перейдя через высокогорный перевал Бокового хребта, переселился в Хилдехьяроевское общество Чечни. В верховьях р. Кериго, недалеко от аула Тюалой, они построили башню. Через некоторое время Люнги и его сыновья спустились в низовья Кериго и основали аул, известный теперь как Люнги. Отсюда они перешли в соседнее Хачароевское общество и поселились в ауле Шоккхел. С Шоккхелом связаны важные изменения в жизни семьи. Во-первых, в этом ауле умер старик Люнги; во-вторых, его младший сын Шала навсегда переселился в Дагестан; и, в-третьих, старший и средний сыновья, Итон и Хала, переселились на новое местожительство в основанный ими аул Итум-Кале (по-чеченски звучит как «Итон-Кхаьлла», то есть «Аул Итона»).

Причиной возникновения аула Итум-Кале послужило следующее событие. Однажды Итон охотился в густых лесах, произрастающих в долине р. Чанты-Аргун, недалеко от Шоккхела. Преследуя зверя, Итон спустился по долине к скалистому мысу, расположенному между реками Чанты-Аргун и Чанты-эрк (теперь это место называется Пхакоч). Утомившись, Итон прилег отдохнуть, а свой посох воткнул в землю. Проснувшись, он увидел ласточку, свившую на конце посоха гнездышко. По древнему поверью, ласточка являлась счастливой приметой, а место, где она свила себе гнездо, – весьма благоприятно для жизни человека (Головлёв, 1980а: 3). Поэтому Итон и Хала переселяются в окруженное с нескольких сторон дремучим лесом урочище Пхакоч, в котором прежде никто не жил. Ближайшие к месту поселения Итона и Халы населенные пункты, существовавшие в долине р. Чанты-эрк до их прихода, – аулы Хаскел (= Хаскали)³ и Хелди. На большем удалении от Пхакоча находился аул Тусхарой – родовая вотчина дишнейского князя⁴. Пхакоч и окрестности считались княжеским владением. Жители Хаскела и Хелди, находившиеся в кабальной зависимости от князя, на безвозмездной основе содержали его многочисленные стада и отары на своих зимних пастбищах. Причем в случае падежа дишнейского скота хаскелойцы и хелдинцы обязаны были возместить потерю⁵.

Дишнейский князь недолюбливал Итона из-за того, что он без разрешения поселился с братом Халой на княжеской земле и сочувственно относился к подневольным хаскелойцам и хелдинцам. Тем не менее Итону удалось жениться на княжеской дочери. Однако он умер до рождения своего сына, которого назвали тоже Итоном. Повзрослевший Итон-младший вступил в противоборство со своим богатым, влиятельным и сильным дедом-князем. Перед возвращением княжеского поголовья Итон-младший отрезал у скота хвосты, что считалось

предания нельзя считать надежными научными источниками информации. Вместе с тем в виду отсутствия письменных источников о жизни верхнеаргунских горцев в Средневековье предания выступают единственными, а потому и бесценными источниками информации.

¹ Детальная запись предания была сделана нами 12.06.1979 г. со слов 83-летнего сельского муллы Закри Дадаева, которому рассказал это предание в 1909 г. его дед по матери 125-летний Аах.

² Краткий вариант предания об Итоне, опубликованный в фольклорном сборнике, записал А.С. Куркиев в 1964 г. (со слов 90-летнего жителя с. Итум-Кале Даута Бетигова).

³ В верхней части аула Хаскел сохранились сторожевая башня (по преданию, ее построил человек огромного роста по имени Джогуаг), языческое кладбище и крестообразная каменная стела.

⁴ Горцы называли его «дишнейн эл», не указывая имени. Но, как мы уже знаем, имя тайпового предводителя дишнейцев – Усур (Мамакаев, 1936: 62; 1973: 46).

⁵ Согласно М.А. Мамакаеву, при возвращении дишнейского скота весной пастухи должны были не только возместить естественную убыль, но и передать князю весь приплод.

насмешкой над владельцем стада. С этого момента неприязнь между внуком и дедом переросла в открытую вражду. Понимая, что победить деда-князя собственными силами невозможно, Итон-младший подружился с богатым и влиятельным дагестанским князем Джайх-эли, имевшим сильную военную дружину. Для предотвращения нападения дружины дишнейского князя Итон-младший неоднократно приглашает в гости дагестанского князя с воинами. В каждый приезд для угощения дагестанцев режут в большом количестве самую лучшую скотину из княжеских стад, выпасаемых хаскелойцами и хелдинцами. Перед возвращением оставшегося скотопоголовья дишнейцам Итон-младший снова отрезает хвосты у животных.

Дишнейские воины, приехавшие за княжеским поголовьем, увидели, что не хватает множества голов отборного скота. Вид бесхвостых животных привел их в ярость. Дишнейцы бросились на Итона-младшего и близких ему людей, но попали в засаду дагестанцев и были вынуждены вернуться в Тусхарой. Вслед за ними была отправлена бесхвостая княжеская скотина.

Узнав обо всем, дишнейский князь решает убить своего внука. Несколько раз дишнейцы внезапно нападают на Пхакоч, в котором жили семьи Итона-младшего¹ и его дяди Халы. Но каждый раз Итон-младший успеваешь скрыться. При очередном налете на Пхакоч дишнейский князь неожиданно встречает свою жену Нанаг на склоне горы, обращенном к жилищу Итона. Она подавала какие-то знаки – якобы просила свою дочь, мать Итона-младшего, дать шерсть для вязания. Однако князя осенила догадка: Нанаг предупреждала Итона-младшего о грозящей ему опасности. В порыве гнева дишнейский князь убил свою жену. Умирая, она попросила похоронить себя на месте убийства, чтобы уже из могилы смотреть на своих потомков. С тех пор это место называется Нанаг-кеш (Могила Нанаг) (Головлёв, 1980а: 4). Добавим, что автор настоящей статьи совместно с жителем с. Итум-Кале С.Р. Шахбулатовым 18.04.1990 г. осматривал место, где по чантийскому преданию похоронили Нанаг, бабушку Итона-младшего. С трудом можно было различить здесь нечто подобное кладке (возможно, на известковом растворе).

После трагической смерти Нанаг постепенно наступил перелом в борьбе жителей Пхакоча, введомых Итоном-младшим, с дишнейским князем. Разрасталось и поселение вокруг Пхакоча – Итум-Кале. Многочисленное потомство оставили Итон-младший и его дядя Хала. Старший сын Итона-младшего по имени Жели имел шестерых сыновей. Их звали Муртаз, Эжи, Гюшк, Бахмад, Борз и Хамад². От имен сыновей Жели произошли наименования основных внутритаиповых подразделений чантийцев (ч'аантий): Муртаз-гар, Эжи-гар, Гюшк-гар, Бахмад-гар, Борз-гар, Хамад-гар. По утверждению некоторых рассказчиков, потомки Халы образовали внутритаиповое подразделение падгурой³, с которым находятся в родстве Бачакх-гар (Головлёв, 1980б: 3). Со временем сформировался чантийский тайп, в состав которого одновременно вошли жители аулов Хаскел и Хелди (кушан-гар), Бургат-гар, Ибакх-гар и более поздние переселенцы из Дагестана, обосновавшиеся на землях аула Кокадой⁴, отвоеванных чантийцами у дишнейцев.

Краткое предание об Итоне, опубликованное А.О. Мальсаговым и И.А. Дахкильговым (Сказки, сказания и предания..., 1986: 429-430), существенно отличается в фактах и деталях от предания, записанного 12.06.1979 г. со слов З. Дадаева. В частности, урочище Пхакоч, где

¹ По сведениям Н.С. Иваненкова, женой Итона (без уточнения, какого именно) была дочь Бирача (Иваненков, 1910: 12-13). Поскольку известно, что женой Итона-старшего была дочь дишнейского князя, то получается, что на дочери Бирача женился Итон-младший.

² По Н.С. Иваненкову, чантийский родоначальник Итум Люнгиев был княжеского рода и пришел из Грузии. У него был сын «Джали», от сыновей которого произошли ветви рода «Багомат-гар», «Барз-гар», «Муртаз-гар», «Хаматы-гар» и «Эжи-гар». До прихода Итума Люнгиева в горах жили некие «дардыхоевцы». Их родоначальник «Купина» (?) выходец из Сирии (Иваненков, 1910: 9).

³ Предание об Итоне-младшем мы также слышали от представителя этого гара, сельского муллы Джабраила Ацаева. Он не указал падгурой в числе тех, кто безвозмездно пас дишнейский скот. В последующие времена из числа падгурой выдвинулись люди, ставшими известными. Например, чантийский наиб Алдам, живший в населенном падгуройцами ауле Цамадой (= Цамада).

⁴ В Кокадоде некогда жил дишнейец Хсеххадю (записано нами 17.04.1990 г. в с. Итум-Кале). Теперь Кокадой населяют небольшие по численности ветви чантийского тайпа: Кеми-г'ар, Пици-г'ар, Къоли-г'ар, ЗогИ-г'ар, Бурцукх-г'ар, Дукълой г'ар и др.

первым поселился Итон, называется «местечком Берте», а бабушка Итона-младшего названа «женщиной по имени Наналг», которая якобы жила в его семье и погибла в бою против дишнейцев. Наналг похоронили на каком-то неведомом «холме Ханоле», а сам Итон переселился в Малхисты, а оттуда возвратился в Грузию, где и остался жить.

Однако для нас в этом варианте предания важно сообщение о том, что тусхаройцы пригоняли свой скот Итону и его близким для безвозмездной пастьбы. Тусхаройский скот откармливался и возвращался обратно хозяевам. Сыновья Итона возмутились тем, что их заставляют пасти чужой скот. Но они не отрезали хвосты у пригнанного скота, а перебили у него все рога. По этой причине возникла война между Итоном-младшим и князем.

Как можно трактовать предание об Итоне? Безусловно, все его варианты отражают вассальную зависимость людей, населявших окрестности современного с. Итум-Кале до прихода сюда Итона (не исключаем, что на первых порах и его самого, как поселившегося на чужой земле), от дишнейского князя. Дишнейцы, как коренные насельники довольно обширной территории в верховьях Чанты-Аргуна, после поражения в войне с Итоном-младшим принуждены были смириться не только с потерей части своих владений, но и с утратой власти. Потомки Итона утвердились на занятой ими земле и, с течением времени увеличившись в численности, образовали чантийский тайп в составе чеченского народа.

Память о тех стародавних временах, когда у верхнеаргунских горцев были князья и рабы, иногда проявляется на бытовом уровне в наше время. Например, во время стоянки в высокогорном ущелье р. Гешичу (= Шундхой-эрк) 05.02.1988 г. нами со слов чеченца из чантийского тайпа был записан случай, произошедший в с. Итум-Кале Советского района Чечено-Ингушской АССР. Как-то один мужчина, представитель тайпа чАантий (из рода Муртаз-гар), был в гостях у другого чантийца (из рода Борз-гар). Во время чаепития к ним пришел чантиец из рода Кушан-гар, уроженец одного из Тасбичинских хуторов. Чантиец из рода Кушан-гар был сильно религиозным человеком, зикристом¹. Во время разговора он в чем-то упрекнул представителя рода Муртаз-гар. Последний не выдержал упреков и заявил тасбичинцу буквально следующее: «Вот ты, религиозный человек, не пропускаешь ни один зикр, а предки твои были рабами. Они бесплатно пасли чужой скот, а мои предки – не пасли». Несмотря на то, что слова эти, по понятиям чеченцев, были резкими и оскорбительными, зикрист из рода Кушан-гар стерпел их и промолчал, потому что так и было на самом деле. Добавим к этому, что жена зикриста была чантийкой из рода падгурой, и, как утверждают некоторые итумкалинцы, ее предки тоже были рабами и бесплатно пасли чужой скот.

Еще одно старинное предание было записано нами 03.05.1987 г. на высокогорном хуторе в окрестностях с. Итум-Кале. По словам представителя чантийского тайпа из рода Бургат-гар, в очень давние времена его прямой предок дал одному жителю Малхисты на заранее обговоренный срок в аренду несколько голов скота. По условию договора сразу после истечения срока аренды малхистинец обязан был вернуть скот с определенным приплодом. Однако малхистинец нарушил свое обязательство и не вернул вовремя скот с приплодом. В таком случае, по действовавшим в то время горским законам, малхистинец вернул свой долг отдачей в рабство мальчика по имени Куш. Таким же образом с предком из рода Бургат-гар расплатились хилдехаройцы: они отдали в рабство девочку.

Дети, отданные в рабство, стали работать на своего хозяина. Когда они подросли и достигли брачного возраста, хозяин их поженил. У них родилось 7 детей, которые стали наследственными рабами. Состарившись, Куш обратился с просьбой к рабовладельцу об освобождении от рабства. Свою просьбу он мотивировал тем, что всю жизнь проработал на хозяина и потому заслужил свободу. Однако хозяин воспринял эту просьбу крайне отрицательно. Тогда Куш взбунтовался и отказался работать. За это рабовладелец посадил Куша на цепь в темнице, предназначенной для содержания пленников, в нижней части башни. Более того, хозяин стал издеваться над Кушем: вместо еды подавал ему, как скотине, солому. Прошло некоторое время. К рабовладельцу пришли его родственники и соседи и стали стыдить за жестокое и уничижительное обращение с рабом. Увещевания добровольных защитников старого раба подействовали на рабовладельца: Куш получил

¹ Последователем исламского братства (вирда) Кунта-Хаджи Кишиева, самого распространенного в Чечне. По-чеченски называется Хъажи-вирд, или Киши-вирд.

долгожданную свободу и продолжил жить со своим семейством на крошечном участке малоплодородной, заболоченной земли, ранее предоставленной бывшим хозяином.

Записывая это предание, мы поинтересовались, был ли Куш отпущен на волю с обязательством исполнять какие-то условия, или без них. Оказалось, что Куш был обязан в отдельные дни бесплатно выпасать скот бывшего рабовладельца. К таковым относились ненастные дни, когда проводить пастьбу было затруднительно, а Куш приобрел большой опыт. По сведениям Н.П. Тульчинского (Тульчинский, 1903: 165), вольноотпущенные рабы (так называемые азаты) у горцев Центрального Кавказа облагались данью в пользу своих бывших хозяев. В случае с Кушем обязанность вольноотпущенного раба ограничивалась только эпизодической повинностью. После смерти Куша дети его стали свободными.

Рассказчик предания о Куше, старый, умудренный жизнью горец, связал далекое прошлое с современностью, прибавив к преданию следующее. С тех пор, как семью Куша поселили на клочке земли, изначально принадлежавшей Бургат-гар, началось активное заселение всех их земель потомками Куша. Значительно увеличившись в численности, они мало-помалу распространились по всей этнической территории Бургат-гар и заняли ее своими хуторами. Следствием подобной экспансии потомков Куша явилось то, что род Бургат-гар оказался на земле своих предков в абсолютном меньшинстве.

Простой горец, незаангажированный политически и идеологически, поведал нам предание о самобытной жизни верхнеаргунских чеченцев, рассказанное ему предками. В этом предании имеются детали, подтверждающие правильность некоторых утверждений К. Самойлова, А.П. Берже, У.Л. Лаудаева и Ф.В. Тотоева. В частности, подтверждается существование долгового рабства у горцев Чечни, при котором чеченцы отдавали своих сородичей в рабство, если не смогли вовремя возратить долг (Лаудаев, 1872: 52; Тотоев, 2009: 215). Верны и утверждения К. Самойлова и А.П. Берже об отпущении в Чечне рабов на волю, после чего они и их дети получали личную свободу (Самойлов, 1855: 34; Берже, 1859: 91). Подтвердилось предположение Ф.В. Тотоева о том, что вольноотпущенничество распространялось на рабов-лаев, оказавшихся в неволе по задолженности (Тотоев, 2009: 221). Прав был Ф.В. Тотоев, когда писал о том, что рабовладельцы указывали своим лаям женщин, на которых они обязаны были жениться (Тотоев, 2009: 217).

Приведем еще одно народное предание, фигурантами которого выступали князья. Предание это в подробностях записать не удалось, хотя рассказывалось оно нам дважды¹, двумя представителями терлоевского тайпа (т'ерлой). В первый раз предание пришлось услышать 09.12.1981 г. на хуторе Тонгухой в Бавлоевском ущелье (в то время Советский район Чечено-Ингушской АССР). Рассказчик – старик Хамид², уроженец терлоевского аула Гезах. Предки его жили в ауле Бассахья на Чанты-Аргуне, возле Кирда б'аьвнаш. Хамид с ярчайшими подробностями поведал историю о завоевании терлоевцами аула Никарой, который прежде принадлежал аккинскому тайпу (аьккхий).

Башенный аул Никарой захватила военная дружина из Кирда б'аьвнаш, ведомая сыном терлоевского князя. Как мы помним, владельцем Кирда б'аьвнаш являлся Бирач Бичи, выходец из Грузии, бравший дань с майстинцев и малхистинцев (Иваненков, 1910: 12-13, 150). В изустном предании Бирач Бичи именуется Берк Бич, или терлоевский князь (т'ерлойн эл). Женой князя Берка Бича являлась аккинка. У нее был брат, возглавлявший г'ерахой. Его боевая дружина похищала детей для последующей их продажи родителям (обычная «такса» составляла тогда 63 коровы). Главную роль в захвате Никарой сыграл сын терлоевского князя (имя его осталось неизвестным; возможно, его звали Аржолик). Княжеский сын приходился племянником аккинскому предводителю г'ерахой. Несмотря на

¹ В первый раз автор настоящей статьи не мог сосредоточиться на фиксации предания по причине головной боли, а во второй раз оно урывками рассказывалось по ходу передвижения в горах.

² Он с легкостью перечислил поименно 15 своих прямых отцовских предков. Первым из них был Чермой, живший сначала в Галанчоже и оттуда переселившийся в Т'ерлойн Мохк. Второй предок – Люнк; после него были предки с именами Боди, Вяшк, Бетчи. Только восьмой отцовский предок Хамида имел мусульманское имя.

это, между племянником и дядей разгорелась война. Племянник убил своего дядю из лука, а дядя перед гибелью успел нанести племяннику ранение¹.

Во второй раз то же самое терлоевское предание довелось услышать 11.09.1987 г. по пути следования из урочища Шунды в с. Итум-Кале. Рассказчик – Хамид Магомедович Батаев, уроженец аула Бассахья, прямой потомок по отцовской линии терлоевского князя (Хамид знал имена 14 своих предков). Предание в интерпретации Х.М. Батаева оказалось близким к тому, которое мы слышали раньше от Хамида из Тонгухоя. Единственно, Х.М. Батаев утверждал, что аул Никарой в древности относился к Галайн Мохк (к территории тайпа галай), а не к аккинской территории. Скорее всего, Х.М. Батаев был прав, поскольку Никарой расположен на южном склоне хребта Юкерлам, а на смежном северном склоне хребта располагались аулы Чууш и Очакх, которые до сталинской депортации чеченцев населялись представителями тайпа галай. Иначе говоря, к аулу Никарой примыкала не аккинская, а галаевская этническая территория.

Теперь попытаемся хотя бы ориентировочно предположить, в какой исторический период могли совершаться события, представленные в предании. С одной стороны, нам известно, что предводитель Герахой был убит стрелой, запущенной из лука. Стало быть, в то время еще использовались луки и стрелы. С другой стороны, известно, когда ингуши – ближайšie соседи горных чеченцев – использовали луки. Как мы уже знаем, по данным Б.К. Далгата, луки (наряду с ружьями) применялись ингушами в конце XVIII в. (Далгат, 1893: 64). Поэтому к указанному (или, скорее всего, к еще более раннему) времени можно отнести предание о борьбе терлоевцев за Никарой. Иначе говоря, не позднее конца XVIII в. верхнеаргунские чеченцы имели еще князей², вопреки С.Ц. Умарову, считавшему, что сословие князей чечено-ингушского происхождения было изжито значительно раньше, а именно к началу XVIII в. (Умаров, 1980: 22).

Фамильное предание, записанное 10.09.1987 г. в урочище Шунды со слов Хадиса Мегаевича Мамаева³, представителя терлоевского тайпа, также содержит упоминание о князе, владевшим КИрда бIаьвнаш. Предок шундинцев пришел в горы Чечни из Осетии через карабулакский аул Галашки (с тех пор в Ингушетии у шундинцев имеются кровные родственники Махлоевы). Первопоселенец (кажется, его звали Дударом) обосновался в Терлойн Мохк в местечке, прозванном позднее Элди-бIаьв (боевая башня Элди). Элди женился на дочери терлоевского князя Берка Бича, который выделил своей дочери и зятю землю (на ней теперь расположены развалины аула Шунды). Однако на этой земле жили уже люди, переселившиеся из Хевсуретии (из ущелья р. Андаки). Они построили Меци-бIаьв и имели языческое кладбище Меци-кешниш. Войной на хевсур пошел Элди Талат. Так же, как и при захвате Никарой, при завоевании Шунды использовались луки и стрелы. Хевсуры, потомки Меци, вынуждены были вернуться на свою прародину.

Фамильное предание, записанное нами со слов Х.М. Мамаева, и два предания из статьи М.Х. Ошаева (Ошаев, 1966: 156-158) созвучны относительно осетино-ингушского происхождения части терлоевцев. На основании фамильного предания Х.М. Мамаева мы можем только уточнить, что правильнее было бы говорить не об осетино-ингушском, а об осетино-карабулакском происхождении Махлоевых⁴. Ведь в те давние времена, когда

¹ Как здесь не вспомнить итумкалинское предание, сюжет которого тоже основан на вооруженном противостоянии близких родственников – внука и его деда-князя.

² По В.И. Марковину, огнестрельное оружие в Чечне и Ингушетии появилось в XV в. и широко распространилось в XVI в. Однако Х.Д. Ошаев полагал, что вряд ли оно появилось у чеченцев и ингушей в сколько-нибудь значительном количестве в указанное время, поскольку еще в 1732 г. чеченцы, наряду с огнестрельным оружием, применяли и лучный бой (Ошаев, 1968: 120). Стало быть, XVIII в. вполне вероятен как время существования князей у верхнеаргунских горцев. Что касается огнестрельного оружия, то по сведениям А.Н. Генко, «калканцы» (предположительно ингуши) при нападении на посольство М. Татищева в ущелье Терека (на отрезке между селениями Ларс и Казбеги) использовали «вогненный бой» в 1604 г. (Генко, 1930: 702). В 1638 г. жители горские и «земли туской» (по-видимому, тушинской. – Авт.) применяли в бою ружья, луки, сабли и копыя (Генко, 1930: 732).

³ Х.М. Мамаев перечислил следующих своих прямых отцовских предков: Дудар (?), Элди, Талат, Шициг, Шицха, Мяхди, Тёлак, Мама, Мега.

⁴ Ш.Э. Дахкильгов сообщает о Махлой (Махулоевых) и Мохлой (Мохолой, Мохулоевых). Мохлой – выходцы из Чечни, переселившиеся в аул Мохале (Цоринское этническое общество) (Дахкильгов,

использовались луки и стрелы, Галашки населяли не ингуши (галгаевцы), а карабулаки (орцхоевцы). Судя по всему, конфликт между Элди Талатом и Берком Бичем, о котором сообщал М.Х. Ошаев (Ошаев, 1966), был урегулирован женитьбой Элди Талата на дочери Берка Бича. Однако судьба жены сына Берка Бича осталась непроясненной.

Мы уже упоминали раньше об особой военной дружине, ссылаясь на работы М.А. Мамакаева (Мамакаев, 1936: 63; 1973: 48, 52), Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 139, 143) и Е.И. Крупнова (Крупнов, 1971: 167), называемой у чеченцев гГерой (варианты гГери/гГера), а у ингушей – гаьр/гГаьр. По сказаниям верхнеаргунских чеченцев, нам эта особая военная дружина была известна как гГерохой.

Поскольку гГерохой внесли свою лепту в наполнение рынка рабов (как в Чечне, так и в Ингушетии), сообщим, что о них известно. Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе определяли ингушский гГаьр как «...институт типично военно-демократического происхождения...», в недрах которого формировались так называемые батыры – личности особого статусного положения (Харадзе, Робакидзе, 1968: 143). По мнению грузинских этнографов, батыр – человек, отошедший от производительного труда и сделавший набег регулярным делом, своего рода ремеслом¹. Профессионализм батыров просматривался во всем: у них были хорошо выезженные лошади, всевозможное дорогое оружие, укрепленное жилье. Батыры в совершенстве владели конем, оружием, тактикой боя и славились верностью в дружбе.

Как считали Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, батыры, строго почитавшие старших и уважительно относившиеся к женщинам, отличавшиеся гостеприимством и готовностью умереть за интересы своей общины, одно время пользовались славой народных героев (Харадзе, Робакидзе, 1968: 144). Однако параллельно с накоплением богатства и ростом авторитета в обществе расширялась и личная власть батыров. Все дальше отдаляясь от общества, они противостояли людям и в конце концов поработали их. Народные герои становились поработителями народа. Процесс классового образования в Ингушетии протекал при разложении сельского общинного быта с участием военно-демократических начал в сторону формирования не рабовладельческого, а раннефеодального общества (Харадзе, Робакидзе, 1968: 144, 146).

В чеченских горских преданиях гГерохой, пленившие людей для взимания выкупа за них или с целью продажи в рабство, упоминаются довольно часто. Приведем несколько дополнительных сведений о гГерохой, относящихся к Верхнеаргунскому региону Чечни.

В предании, услышанном 29.02.1984 г. в с. Пригородном от представителя тайпа чиннахой (чиннахой), говорится о Точе, одном из родоначальников чиннахоевцев. Точ жил в ауле Ушкалой, расположенном на южном склоне Скалистого хребта, а на северном склоне этого хребта находился аул Гучум-Кале. Пройти из одного аула в другой можно было по единственной тропинке, протянувшейся по узкому ущелью Чанты-Аргуна. Но в дебрях этого ущелья, в глухом местечке Пшача, базировались гГерохой. Они занимались воровством людей – их увозили и продавали в далеких краях. Однажды Точ договорился с жителем аула Гучум-Кале о том, что этот житель вспашет ему землю своими быками и плугом. Завершив пахоту, гучумкалинец собрался в обратный путь. Перед выходом он задал Точу вопрос: а что ему делать в том случае, если при возвращении в Гучум-Кале в глухом ущелье столкнется с гГерохой. Точ не без гордости ответил: скажи, что с быками и плугом ты следуешь от меня. Гучумкалинец отправился по тропинке в свой аул, миновал башни под скалой. Но в ущелье его остановили гГерохой и отобрали быков. Вспомнив, что следует говорить при встрече с гГерохой, гучумкалинец заявил, что он возвращается от Точа. Услышав это имя, гГерохой отобрали у гучумкалинца еще и плуг...

Недобрая память о гГерохой сохранялась у чеченских горцев в советское время, о чем свидетельствует следующий случай, рассказанный нам жителем с. Итум-Кале С.Р. Шахбулатовым. После возвращения чеченцев на родину из сталинской ссылки началась прокладка грунтовой автомобильной дороги из Итум-Кале в с. Шарой. Однажды ночью один дорожный строитель, будучи в состоянии сильного опьянения, взобрался на крышу придорожного сарайчика и сильно, пронзительно закричал. Услышав дикий, истошный

1991: 39-40). Связаны ли как-то эти ингуши Махлой/Мохлой с чеченцами (терлоевцами) Махлой, нам достоверно неизвестно.

¹ Может быть, чеченским аналогом ингушского батыра является баьчча.

крик, местный старик недовольно произнес: наверно, когда в старину гѐрахой похищали девушек, то даже они так сильно не кричали.

4. Результаты

Критическо-хронологический обзор, обсуждение и последующее осмысление всего собранного литературного (историко-краеведческого) и полевого изустного (историко-этнографического) материала позволили представить следующие результаты.

Институт рабства существовал на всей территории Чечни и в горах Ингушетии. Присутствие рабовладельцев и двух категорий рабов (ясырей и лаев) на этих территориях общепризнано. Точно установить время, когда у чеченцев и ингушей появилось рабство, не представляется возможным. Согласно Н.П. Гриценко, оно могло появиться в XV в. или немного раньше (Гриценко, 1976: 282). Ф.В. Тотоев отмечал, что первые сведения о рабах предположительно можно отнести к XV – первой половине XVI вв. или к более раннему времени (Тотоев, 2009: 213). Т.С. Магомадова ранний период рабовладения датировала XVI–XVII вв., а поздний период – XVIII–XIX вв. Приведенные данные позволяют считать XV в. в качестве начальной условной даты возникновения рабства в Чечне и горной зоне Ингушетии. Конечная дата существования рабства – 1867 г., когда оно было официально отменено царской властью на всей территории Кавказа (Гриценко, 1976: 298).

Рабство у чеченцев и ингушей, зародившееся в языческий период, продолжилось и после принятия ислама. Важнейшую роль в возникновении и распространении рабства в горах Чечни и Ингушетии, по нашему мнению, сыграли гѐрахой.

Полностью соглашаясь с Ф.В. Тотоевым (Тотоев, 2009: 214-216, 225), выделившим пять источников формирования контингента рабов в Чечне, акцентируем внимание на захвате чеченцами и ингушами пленников как внутри своей этнической среды (то есть чеченцы похищали чеченцев, а ингуши похищали ингушей), так и на захвате чеченцами пленников у ингушей и наоборот. Иначе говоря, в далеком прошлом похищение людей с целью продажи или обращения в рабство носило всеобщий характер. «Богоизбранные», особенные народы, военные дружины которых захватывали пленников исключительно у соседних народов (горных грузин, осетин, русских и других), но не похищали пленников на своей этнической территории, не существовали. Хотя, безусловно, жертвами хищников из Чечни и Ингушетии становились прежде всего представители соседних народов.

Численность рабов, находившихся в горах Чечни и Ингушетии в древности, нельзя определить ни по каким источникам. Официальные данные 60-х гг. XIX в. о численности рабов в Чечне, опубликованные советскими исследователями, не только противоречивы, но и весьма приблизительны. Данные царской администрации учитывали в основном рабов, находившихся в предгорно-плоскостных районах и вряд ли отражали ситуацию с рабами в отдаленных горных районах Чечни (в которых царская власть функционировала номинально). Тем не менее умозрительно можно предположить, что количество рабов в Чечне и Ингушетии было незначительным от общей численности их населения.

Рабовладельцами в горных обществах Чечни и Ингушетии были как зажиточные и влиятельные лица, так и рядовые члены горской общины. Рабовладельцы пользовались всеми правами в отношении своих рабов и смотрели на них как на вещь, с которой можно было поступить, как угодно. Владельцы ясырей и лаев относились к рабам неодинаково, что во многом определялось личностью хозяина и трудоспособностью рабов. Чаще всего фиксируются жестокие, бесчеловечные и даже изуверские действия хозяев по отношению к пленникам и рабам и тяжелые условия их содержания. В том случае, если рабы своим примерным трудом и исполнительностью завоевывали хорошее расположение хозяина, то условия их жизни несколько улучшались. Рабы, проработавшие на хозяина длительное время (от 15–20 лет и до самой старости), по его благоволению могли получить свободу и стать полноправными членами горской общины. Несмотря на это, в народе сохранялась память о лайском прошлом семейств вольноотпущенных рабов¹.

¹ В Чечне считается, что каждый коренной чеченец должен знать как минимум 7 своих прямых отцовских предков. Если кто-то из чеченцев не может назвать 7 своих прямых предков или отвечает, что не знает или не помнит свой тайп, то это есть признаки или иноземного, или бывшего лайского происхождения.

Мы согласны с мнением исследователей о том, что в Чечне и Ингушетии бытовало патриархальное рабство. Возникшее в период разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества (Гриценко, 1976: 281-282) рабство в Чечне и горах Ингушетии не «дожило» до своего расцвета и не оформилось в законченную социально-экономическую формацию (Мамакаев, 1973: 51). Как отмечал Ф.В. Тотоев (Тотоев, 2009: 227-229), у чеченцев (добавим, и у ингушей. – Авт.) сложились только элементы рабовладельческих отношений. Поэтому рабство у этих народов было квалифицировано как неразвитое и зачаточное.

Рабство у горных ингушей носило особый характер, поскольку было направлено не на дальнейшее развитие рабовладельческих отношений, а по факту на принудительную ассимиляцию на местной почве инонациональных элементов с целью их последующего закрепощения (Харадзе, Робакидзе, 1968: 163-164).

Институт княжеской власти географически не распространялся на всю Чечню. Установлено, что князья достоверно присутствовали в 3 обособленных регионах: горы верхнего течения Чанты-Аргуна, предгорная плоскость (Большая Чечня и Надтеречная Чечня)¹, Терский городок (крепость находилась в северной части нынешнего Дагестана). Соответственно, были представлены 3 локальные группы князей. В верховьях Чанты-Аргуна существовали горские чеченские князья («эл»). В восточной части предгорной плоскости Чечни и в Надтеречной Чечне правили князья-иноземцы из Аварии, Кумыкии и Кабарды. Жителями Терского городка являлись чеченские князья («окоцкие мурзы»), по происхождению относившиеся к аккинскому тайпу (ококи, или окочане).

Попытаемся приблизительно определить хронологические рамки существования института княжеской власти в указанных трех регионах. Период существования князей в верховьях Чанты-Аргуна можно датировать по данным, содержащимся в преданиях и публикациях. Согласно преданиям, в период существования князей использовались еще луки и стрелы. По Б.К. Далгату, ингуши применяли луки и ружья в бою в конце XVIII в. (Далгат, 1893: 64), а чеченцы, по Х.Д. Ошаеву (Ошаев, 1968: 120), еще раньше – в 1732 г. По сообщению А.Н. Генко (Генко, 1930: 732), горцы Дарьяльского ущелья Терека (в том числе, полагаем, и ингуши) применяли в бою ружья и луки в 1638 г. Благодаря Н.А. Худадову (Худадов, 1890: 66) мы также знаем, что жестокий князь жил в Верхнеаргунском регионе Чечни до арагвского эристава Зураба, то есть до 1619 г. Наконец, С.Ц. Умаров писал о том, что с конца XVII в. горские князья перестают упоминаться в исторических документах, а до середины XVIII в. княжеское сословие было ликвидировано (Умаров, 1980: 8). Получается, что фиксированные по указанным выше источникам крайние даты существования института княжеской власти в верховьях Чанты-Аргуна – начало XVII – конец XVIII вв.

Княжеская власть на предгорной плоскости Чечни, если судить по мелардойским князьям Турловым, существовала в период с первой половины XVII в. и до конца XVIII в. (История народов Северного Кавказа..., 1988: 295; Иваненков, 1910: 6). После ликвидации княжеской власти в Чечне иноземные князья продолжали жить в регионе (например, в притеречных районах Малой Кабарды) вплоть до установления советской власти.

В Терском городке, кроме кабардинских князей, проживали и окоцкие мурзы. Судя по материалам о рабстве и рабовладении у ококов (Магомадова, 2017: 153-154), их мурзы были известны в Терском городке с конца XVI в. и как минимум в течение XVII в.

Положение горских князей в этнических обществах Горной Чечни в полной мере прояснить не удалось. Судя по малхистинским и ингушским преданиям, горцы избирали себе князей. Претенденты на княжеский титул должны были обладать такими важными в глазах горцев качествами, как сила, смелость, ловкость, и должны были принести какую-либо реальную пользу обществу. Предания не сообщают о том, что княжеский титул мог передаваться по наследству. С другой стороны, существуют сведения о возобновляемости княжеского правления в Чеберлоевском и Шароевском этнических обществах (Великая и др., 1990: 59). Однако откуда заимствованы эти сведения, нам неизвестно. Более того, мы не

¹ Большая Чечня – правобережная сторона р. Аргун на Чеченской плоскости. Надтеречная Чечня – равнинно-возвышенная территория, называемая чеченцами Теркйист и Чергазийн рагІнаш.

располагаем сколько-нибудь надежными сведениями о существовании в этих обществах княжеского правления как такового.

Под начальством горских князей находились военные дружины. Князья владели земельными угодьями и большими стадами. Некоторые из них контролировали важнейшие пути сообщения и получали дань за безопасный проход по своей земле.

Зависимость населения от князей выражалась в безвозмездной пастыбе их стад с возмещением естественной убыли скота и отдачей всего приплода. Малхистинский князь обладал специфическим, унижающим достоинство женихов и невест правом трех первых брачных ночей со всеми горянками, вышедшими замуж. Горские князья, по-видимому, не владели рабами: во всяком случае, предания о них не упоминают.

Иноземные князья, призванные в Чечню, обладали весьма ограниченной властью и правили чеченцами на договорных началах (Умаров, 1980: 8, 22). Власть иноземных князей подрывали и обесценивали нормы адата, которыми руководствовались чеченцы, когда защищали от наказания провинившихся членов своего тайпа или рода.

Окоцкие мурзы верой и правдой служили московским государям. Во главе терских окочан мурзы ходили в походы, сражались с неприятелями России. Как и другие жители Терского городка, окоцкие мурзы имели рабов-ясырей, которых использовали в качестве рабочей силы. По Т.С. Магомадовой, рабы служили также предметом купли и продажи и немаловажным источником дохода в семейный бюджет как рядовых общинников, так и зажиточных рабовладельцев (Магомадова, 2017: 153, 154).

5. Заключение

В целом на основании представленного выше материала можно констатировать, что чеченцы и ингуши прошли путь исторического развития, отчасти сходный с другими кавказскими народами и имеющий несколько отличительных особенностей.

На наш взгляд, особенности исторического развития чеченцев и ингушей были обусловлены природными условиями их жизни и хозяйствования. Во-первых, глубинные горные территории чеченцев и ингушей, их исторические колыбели, находились в почти полной географической изоляции от внешнего мира. К препятствиям, созданным горным рельефом, добавлялось бездорожье и полное отсутствие более или менее удобных путей сообщения, что в совокупности тормозило развитие оживленных торгово-экономических, культурных и прочих связей как между различными этническими обществами чеченцев и ингушей, так и между ними и их соседями. Во-вторых, в горной зоне Чечни и Ингушетии отсутствовали крупные площади, пригодные по рельефу для земледельческой обработки. Поэтому были распространены мелкоконтурные индивидуальные хозяйства, владельцы которых не нуждались в использовании подневольного рабского труда в сколько-нибудь значительных размерах. С этим обстоятельством связана незаинтересованность горских рабовладельцев иметь большое количество рабов, которых необходимо было содержать и которые в условиях небольших хозяйств скорее были бы обузой, чем источником дохода для семейств. Именно поэтому у горных чеченцев и ингушей распространилось домашнее рабство. Поскольку горские рабовладельцы от рабского труда не получали значительной прибавочной стоимости, которая могла бы направляться на расширение производства и получение еще большей прибавочной стоимости, процесс их обогащения происходил в замедленном режиме. Соответственно, социальное расслоение горского общества в Чечне и Ингушетии протекало замедленно, поэтому развитая классовая структура у чеченцев и ингушей так и не успела сформироваться.

В силу вышесказанного, отличительными особенностями горских обществ Чечни и Ингушетии от соседних обществ Дагестана, Осетии и Кабарды являются относительная неразвитость института рабства и рабовладения и немногочисленность класса рабов.

Господствующий класс (представленный у чеченцев «доморощенными» горскими князьями, окоцкими мурзами и иноземными князьями) в своем развитии также не достиг такого высокого уровня, как в горских обществах Дагестана, Осетии и Кабарды, и изжил себя, почти не оставив следов своего существования в исторической памяти народа.

Чеченцы поднялись по социальной лестнице на одну ступень выше, чем ингуши. В историческом прошлом у чеченцев существовали рабы, рабовладельцы и князья, тогда как

у ингушей имелись рабы, рабовладельцы, древние благородные фамилии, бравшие с зависимых фамилий дань, влиятельные богатые люди, но не было князей.

Полагаем, что необходимо продолжить поиск информации по затронутой в статье тематике. Поиск полезной информации может осуществляться по двум направлениям. С одной стороны, это целенаправленный поиск документальных свидетельств в грузинских хрониках и других источниках о том периоде, когда политическое и культурное влияние Грузии распространялось на смежные высокогорные районы Северного Кавказа (XI–XIV вв.). Кроме того, данные о рабах и князьях в горах Чечни и Ингушетии могут содержаться и в русских «статейных списках», в которых описываются маршруты московских послов в Грузию через Чечню и Ингушетию. Для получения дополнительных сведений о рабах и князьях, находившихся в предгорно-плоскостной полосе Чечни и Терском городке, было бы целесообразно детальнее изучить русские архивные документы XVII–XIX вв.

С другой стороны, это поиск чеченских и ингушских исторических преданий. По нашему убеждению, носителей древних народных преданий о жизни верхнеаргунских и ингушских горцев, при заинтересованности исследователей, в Чечне и Ингушетии можно отыскать и сегодня. Предания (в особенности фамильные) передавались из поколения в поколение, поэтому у нас нет сомнения в том, что какие-то предания еще живы и надо только суметь найти их носителей. Таковыми могут быть чеченские горцы, населяющие Итум-Калинский, Шаройский, Галанчожский и Чеберлоевский районы, или вчерашние горцы, ныне живущие на плоскости, но не потерявшие тесные связи с родовыми очагами в горах. То же относится и к тем ингушам, кто живет в Джейрахском районе (в долине Армхи и Таргимской котловине) и на предгорной плоскости Ингушетии.

Хранителями ценной информации о рабах, рабовладельцах, герахой и чеченских горских князьях могут быть прежде всего представители тайпов аьккхий, галай, дишний, кей, маьлхий, тГерлой, чГаянтий, чГеберлой, чИннахой, шарой. Ценная информация о рабах, рабовладельцах и военных набеговых дружинах (гаьраш/ггаьраш) у ингушей могла сохраниться в памяти представителей жГайрахой, кхаькхаллой (тГаргимхой, эгикхалхой, хамхой) и цхьорой.

В деле выявления деталей древней, поистине самобытной истории горцев Чечни и Ингушетии (в том числе и по интересующей нас тематике о рабах и князьях) необходимо отличать в преданиях подлинно народные начала от позднейших привнесенных элементов, возникших в связи с изменениями в мировоззрении чеченцев и ингушей.

Позднейшие идеологизированные напластования в древних народных преданиях, связанные, например, с влиянием мусульманской религии¹ или со стремлением утаить от исследователей «непрестижные» эпизоды из истории собственного тайпа или рода, способствуют искажению и переиначиванию сущности преданий и в целом обедняют и затушевывают яркую и самобытную жизнь чеченских и ингушских горцев в древности.

Литература

Александров, 1871 – Александров М.П. В плену у горцев. Рассказ старого кавказца / М.П. Александров. СПб., 1871. 22 с.

Базоркин, 1964 – Базоркин М.М. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1964. 51 с.

Берже, 1859 – Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. 140 с.

Бларамберг, 2005 – Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. А.Г. Надыршин, 2005. 432 с.

Броневский, 1823 – Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: В Типографии С.И. Селивановского, 1823. 465 с.

¹ Частным примером идеологического влияния на мироощущение чеченских горцев являются утверждения о том, что языческие гробницы («солнечные могилы») якобы принадлежат не их предкам, ибо чеченцы мусульмане и в таких гробницах не хоронят. Хотя некоторые языческие гробницы, действительно, построили не чеченцы (например, Меци-кешнаш в Тгерлойн Мохк построили хевсуры), в большинстве случаев «солнечные могилы», безусловно, чеченские.

Вартапетов, 1932 – *Вартапетов А.С.* Проблемы родового строя ингушей и чеченцев // Советская этнография. 1932. № 4. С. 63-89.

Великая и др., 1990 – *Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю.* Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период): Учеб. пособие / Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, кафедра истории народов Северного Кавказа. Грозный, 1990. 96 с.

Волконский, 1882 – *Волконский Н.А.* Семь лет в плену на Кавказе (1849–1856). Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев // *Русский вестник*. 1882. Т. CLIX. № 5 (май). С. 217-283.

Генко, 1930 – *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С.681-761.

Головинский, 1878 – *Головинский П.И.* Заметки о Чечне и чеченцах // *Сборник сведений о Терской области. Вып. 1* / Под ред. Н.А. Благовещенского; Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1878. С. 241-261.

Головлёв, 1980а – *Головлёв А.А.* Что мы знаем о своем прошлом? Народное предание об основании селения Итум-Кале и происхождении чантийского общества // *Ленинец*. 1980. № 73. С. 3-4.

Головлёв, 1980б – *Головлёв А.А.* Что мы знаем о своем прошлом? Народное предание об основании селения Итум-Кале и происхождении чантийского общества // *Ленинец*. 1980. № 74. С. 3.

Головлёв, 1990 – *Головлёв А.А.* К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия): тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов; Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого. Грозный, 1990. С. 38-42.

Гриценко, 1976 – *Гриценко Н.П.* Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX века) // *Вопросы истории Чечено-Ингушетии*. Т. X. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С. 276-298.

Дахкильгов, 1978 – *Дахкильгов И.А.* Исторический фольклор чеченцев и ингушей: Пособие для студентов вузов / Чечено-Ингушский государственный университет. Грозный: Типография им. И.Н. Заболотного, 1978. 136 с.

Дахкильгов, 1991 – *Дахкильгов Ш.Э.* Происхождение ингушских фамилий. Грозный: Книга, 1991. 64 с.

Документы по взаимоотношениям..., 1968 – Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / АН Грузинской ССР, Государственный музей Грузии им. академика С.Н. Джанашиа; документы подобрал, подготовил к печати и предпослал им исследование В.Н. Гамкрели. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 336 с.

Дударев, 1990 – *Дударев С.Л.* О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. / *Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия): тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции* / Отв. ред. В.Б. Виноградов; Чечено-Ингушский государственный ун-т им. Л.Н. Толстого. Грозный, 1990. С. 42-45.

Дударев, 2022 – *Дударев С.Л.* К истории Северного Кавказа XVI – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. С. 293-376.

Дударев, Дударев, 2017б – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 170-253, 262-364.

Екельн, 1841 – *Екельн Л.Ф.* Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // *Отечественные записки*. 1841. Т. XIX. № 12. С. 91-96.

Иваненков, 1910 – *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // *Терский сборник*. Вып. 7 / Издание Терского областного статистического комитета; под ред. М.А. Караулова 2-го. Владикавказ: Электротипография Типографии Терского областного правления, 1910. 223 с.

- Иванов, 1902** – *Иванов М.А.* Верховья р. Гехи // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1902. Т. XV. № 4. С. 271-302.
- Иноземцева, 2014** – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.
- Ипполитов, 1868** – *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис: В Типографии Главного управления Наместника Кавказского, 1868. С. 1-56.
- Исторический очерк распространения..., 1850** – Исторический очерк распространения русского владычества под Кавказом // *Кавказский календарь на 1851 год*. Отд. III. Тифлис: В Типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1850. С. 43-52.
- История народов Северного Кавказа..., 1988** – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Кокурхаев, 1989** – *Кокурхаев К.-С. А.-К.* Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей / К.-С. А.-К. Кокурхаев. Грозный: Издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1989. 112 с.
- Крупнов, 1971** – *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия / Е.И. Крупнов; под ред. В.И. Марковина, Р.М. Мунчаева. М.: Изд-во «Наука», 1971. 208 с.
- Лаудаев, 1872** – *Лаудаев У.Л.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI / У.Л. Лаудаев. Тифлис: Издание Кавказского Горского управления, 1872. С. 1-62.
- Леонтович, 1883** – *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Адамы осетин, чеченцев и кумыков. Свод адатов горцев Северного Кавказа // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 38. Одесса: Типография П.А. Зелёного, 1883. 396 с.
- Магомадова, 2017** – *Магомадова Т.С.* Рабство и работорговля у чеченцев в XVII в. // Известия Чеченского государственного университета. 2017. № 2(6). С. 147-155.
- Макалатия, 1940** – *Макалатия С.И.* Хевсурети. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940. 227 с.
- Максимов, 1893** – *Максимов Е.Д.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Вып. 3 / Под ред. Г.А. Вертепова; Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1893. С. 3-100.
- Мамакаев, 1936** – *Мамакаев М.А.* Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. I(IV). Вып. 1. Грозный: Типография Чечингиздата, 1936. С. 55-71.
- Мамакаев, 1973** – *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 100 с.
- Мартirosiан, 1928** – *Мартirosiан Г.К.* Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Владикавказ: Государственная типография Автономной области Ингушии, 1928. 151 с.
- Ольшевский, 1893** – *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. 1893. Т. LXXIX. № 7 (июль). С. 89-124.
- Описание Чечни..., 1940** – Описание Чечни с сведениями этнографического и экономического характера, составленное кап. ген. штаба И.И. Норденстаммом // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I (1801–1839). Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. С. 298-329.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967** – Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С древнейших времен по март 1917 года. Т. I / Гл. ред. Н.А. Смирнов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. 316 с.
- Ошаев, 1966** – *Ошаев М.Х.* Рекогносцировочное описание памятников средневековья р. Терлой-Ахк (горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Т. VII. Вып. 1. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. С. 152-162.
- Ошаев, 1928** – *Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни / Издание Чеченского отдела народного образования. Грозный: Типолитография Чеченского издательства «Серло», 1928. 19 с.
- Ошаев, 1930** – *Ошаев Х.Д.* Малхиста (К характеристике пережитков родового строя) // Революция и горец. 1930. № 8(22). С. 58-65.

Ошаев, 1966 – *Ошаев Х.Д.* Пламенные годы: Исторический роман в трёх частях. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. 388 с.

Ошаев, 1968 – *Ошаев Х.Д.* Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 118-126.

Покровский, 2009 – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Институт истории Сибирского отделения РАН. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.

Потоцкий, 2006 – *Потоцкий Я.Ю.* Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов; подготовил В.М. Аталиков. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. С. 365-391.

Россикова, 1895 – *Россикова А.Е.* Путешествие по центральной части горной Чечни. Тифлис: Типография Грузинского издательского товарищества, 1895. 92 с.

Самойлов, 1855 – *Самойлов К.* Заметки о Чечне // *Пантеон*. 1855. Т. XXIII. № 10. С. 29-64.

Семенов, 1928 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. 32 с.

Семенов, 1935 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930–32 гг. // *Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения*. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе-Грозный: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. С. 143-191.

Сказки, сказания и предания..., 1986 – Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахкильгов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1986. 528 с.

Тотоев, 1969 – *Тотоев Ф.В.* Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // *Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы*. 1969. Т. VIII. Вып. 1. С. 185-197.

Тотоев, 2009 – *Тотоев Ф.В.* Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века). Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 376 с.

Умаров, 1980 – *Умаров С.Ц.* О некоторых особенностях классовообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 7-26.

Хамчиев, 2003 – *Хамчиев С.А.* Ингушские личные имена: Справочное издание. Назрань: Издательство «Сердало», 2003. 128 с.

Харадзе, Робакидзе, 1968 – *Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 127-164.

Хасиев, 1986 – *Хасиев С.-М.А.* О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 69-77.

Хожаев, 1993 – *Хожаев Д.А.* Чеченский волк – Солтамурад Беноевский. Грозный: «Книга», 1993. 40 с.

Христианович, 1928 – *Христианович В.П.* Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. 1928. Вып. 2. № 36. С. 1-291.

Худадов, 1890 – *Худадов Н.А.* Заметки о Хевсуретии // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1890. Кн. XIV. Вып. 1. С. 62-96.

Щеблыкин, 1928 – *Щеблыкин И.П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. 30 с.

Яковлев, 1925 – *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. Популярный очерк. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. 135 с.

Dudarev, Dudarev, 2017a – Dudarev D.S., Dudarev S.L. Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18-30.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4-18.

References

Aleksandrov, 1871 – Aleksandrov, M.P. (1871). V plenu u gorcev. Rasskaz starogo kavkazca [In captivity at Highlanders. The story of an old Caucasian]. S.-Peterburg, 1871. 22 p. [in Russian]

Bazorkin, 1964 – Bazorkin, M.M. (1964). Pamyatniki srednevekov'ya v gornoj Checheno-Ingushetii [Medieval monuments in mountainous Chechen-Ingushetia]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 51 p. [in Russian]

Berzhe, 1859 – Berzhe, A.P. (1859). Chechnya i chechency [Chechnya and Chechens]. Tiflis, 140 p. [in Russian]

Blaramberg, 2005 – Blaramberg, I.F. (2005). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. M.: Izd. A.G. Nadyrshin, 432 p. [in Russian]

Bronevskij, 1823 – Bronevskij, S.M. (1823). Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. M.: V Tipografii S.I. Selivanovskogo, 465 p. [in Russian]

Dahkil'gov, 1978 – Dahkil'gov I.A. (1978). Istoricheskij fol'klor chechencev i ingushej [Historical folklore of Chechens and Ingush] / Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet [Chechen-Ingush State University]. Groznyj: Tipografiya im. I.N. Zabolotnogo, 136 p. [in Russian]

Dahkil'gov, 1991 – Dahkil'gov, Sh.E. (1991). Proiskhozhdenie ingushskih familij [Origin of Ingush surnames]. Groznyj: Kniga, 64 p. [in Russian]

Dokumenty po vzaimootnosheniyam..., 1968 – Dokumenty po vzaimootnosheniyam Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII v. (1968) [Documents on Georgia's relations with the North Caucasus in the XVIII century]. AN Gruzinskoj SSR, Gosudarstvennyj muzej Gruzii im. Akad. S.N. Dzhnashia. Tbilisi: Mecniereba, 336 p. [in Russian]

Dudarev, 1990 – Dudarev, S.L. (1990). O beglyh i plennyh rossijskih soldatah i kazakah u gorcev v XIX v. [About the escaped and captured Russian soldiers and Cossacks among the Highlanders in the XIX century]. Istoki i tradicii rusko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolucionnom proshlom (formy, harakter, istoricheskie posledstviya). Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo. Groznyj, pp. 42-45. [in Russian]

Dudarev, 2022 – Dudarev, S.L. (2022). K istorii Severnogo Kavkaza XVI – nachala XXI veka [On the History of the North Caucasus of the XVI – early XXI century]. Sbornik nauchnykh statej i rensenzij. Armavir: AGPU; Stavropol: Dizajn-studiya B, pp. 293-376. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017a – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

Dudarev, Dudarev, 2017b – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Severnyy Kavkaz glazami predstaviteley rossijskogo obshchestva pervoy poloviny – sere diny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – middle of the XIX century]. Armavir; Stavropol: Dizajn-studiya B, pp. 170-253, 262-364.

Ekel'n, 1841 – Ekel'n, L.F. (1841). Iz zapisok russkogo, byvshego v plenu u cherkesov [From the notes of a Russian who was captured by the Circassians]. *Otechestvennye zapiski*. XIX(12): 91-96. [in Russian]

Genko, 1930 – Genko, A.N. (1930). Iz kulturnogo proshlogo ingushey [From the cultural past of the Ingush]. Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzeye AN SSSR. Vol. V. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 681-761. [in Russian]

Golovinskij, 1878 – Golovinskij, P.I. (1878). Zametki o Chechne i chechencah [Notes on Chechnya and Chechens]. Sbornik svedenij o Terskoj oblasti. Vol. 1. Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, pp. 241-261. [in Russian]

Golovlyov, 1980a – Golovlyov, A.A. (1980). Chto my znaem o svoem proshlom? Narodnoe predanie ob osnovanii seleniya Itum-Kale i proiskhozhdenii chantijskogo obshchestva [What do we

know about our past? Folk legend about the foundation of the village of Itum-Kale and the origin of the Chantian society]. *Leninec*. 73: 3-4. [in Russian]

Golovlyov, 1980b – *Golovlyov, A.A.* (1980b). Chto my znaem o svoem proshlom? Narodnoe predanie ob osnovanii seleniya Itum-Kale i proiskhozhdenii chantijskogo obshchestva [What do we know about our past? Folk legend about the foundation of the village of Itum-Kale and the origin of the Chantian society]. *Leninec*. 74: 3. [in Russian]

Golovlyov, 1990 – *Golovlyov, A.A.* (1990). K voprosu o beglyh i plennyh russkikh u Shamilya [On the question of the fugitives and captured Russians at Shamil]. *Istoki i tradicii russko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolucionnom proshlom (formy, harakter, istoricheskie posledstviya)*. Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo. Groznyj, pp. 38-42. [in Russian]

Gricenko, 1976 – *Gricenko, N.P.* (1976). Rabstvo i rabovladienie v Checheno-Ingushetii (XV – pervaya polovina XIX veka) [Slavery and slave-owning in Chechen-Ingushetia (XV – the first half of the XIX century)]. *Voprosy istorii Checheno-Ingushetii*. Vol. X. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 276-298. [in Russian]

Hamchiev, 2003 – *Hamchiev, S.A.* (2003). Ingushskie lichnye imena: Spravochnoe izdanie [Ingush personal names]. Nazran': Izdatel'stvo «Serdalo», 128 p. [in Russian]

Haradze, Robakidze, 1968 – *Haradze, R.L., Robakidze, A.I.* (1968). Harakter soslovnih otnoshenij v gornoj Ingushetii [The nature of class relations in mountainous Ingushetia]. *Kavkazskij etnograficheskiy sbornik*. Issue II. Ocherki etnografii Gornoj Ingushetii. Tbilisi: Mecniereba, pp. 127-164. [in Russian]

Hasiev, 1986 – *Hasiev, S.-M.A.* (1986). O social'nom sodержanii instituta «taip» chechencev (XIX – nachalo XX veka) [About the social content of the institute «taip» of Chechens (XIX – early XX centuries)]. *Voprosy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII – nachalo XX veka)*. Groznyj, pp. 69-77. [in Russian]

Hozhaev, 1993 – *Hozhaev, D.A.* (1993). Chechenskij volk – Soltamurad Benoevskij [The Chechen Wolf – Soltamurad Benoyevsky]. Groznyj: «Kniga», 40 p. [in Russian]

Hristianovich, 1928 – *Hristianovich, V.P.* (1928). Gornaya Ingushiya. K materialam po ekonomike al'pijskogo landshafta [Mountainous Ingushia. To materials on the economics of the Alpine landscape]. *Trudy Severo-Kavkazskoj asociacii nauchno-issledovatel'skih institutov*. 2(36): 1-291. [in Russian]

Hudadov, 1890 – *Hudadov, N.A.* (1890). Zametki o Hevsuretii [Notes on Khevsuretia]. *Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Book XIV, 1: 62-96. [in Russian]

Inozemceva, 2014 – *Inozemceva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [The institution of slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Mahachkala, 298 p. [in Russian]

Ippolitov, 1868 – *Ippolitov, A.P.* (1868). Etnograficheskie ocherki Argun'skogo okruga [Ethnographic essays of the Argun district]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Is. I. Tiflis: V Tipografii Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, pp. 1-56. [in Russian]

Istoricheskij ocherk rasprostraneniya..., 1850 – Istoricheskij ocherk rasprostraneniya russkogo vladychestva pod-Kavkazom [Historical sketch of the spread of Russian rule under the Caucasus]. *Kavkazskij kalendar' na 1851 god*. Part III. Tiflis: V Tipografii Kancelyarii Namestnika Kavkazskogo, 1850, pp. 43-52. [in Russian]

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza..., 1988 – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. M.: Nauka, 1988. 544 p. [in Russian]

Ivanenkov, 1910 – *Ivanenkov, N.S.* (1910). Gornye chechency. Kul'turno-ekonomicheskoe issledovanie Chechenskogo rajona Nagornoj polosy Terskoj oblasti [Mountain Chechens. Cultural and economic research of the Chechen district of the Upland strip of the Terek region]. *Terskij Sbornik*. Is. 7. Vladikavkaz: Elektropechatnaya Tipografii Terskogo oblastnogo pravleniya, 223 p. [in Russian]

Ivanov, 1902 – *Ivanov, M.A.* (1902). Verhov'ya r. Gekhi [Upper reaches of the Gekhi River]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XV(4): 271-302.

Klychnikov, 2020 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Kokurhaev, 1989. – *Kokurhaev K.-S. A.-K.* (1989). Obshchestvenno-politicheskij stroj i pravo chechencev i ingushej [Socio-political system and law of Chechens and Ingush]. Groznyj: Izdatel'sko-poligraficheskoe ob"edinenie «Kniga», 112 p. [in Russian]

Krupnov, 1971 – *Krupnov, E.I.* (1971). Srednevekovaya Ingushetiya [Medieval Ingushetia]. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 208 p. [in Russian]

Laudaev, 1872 – *Laudaev, U.L.* (1872). Chechenskoe plemya [Chechen tribe]. Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Is. VI. Tiflis: Izdanie Kavkazskogo Gorskogo upravleniya, pp. 1-62. [in Russian]

Leontovich, 1883 – *Leontovich, F.I.* (1883). Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza [Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Is. II. Adaty osetin, chechencev i kumykov. Svod adatov gorcev Severnogo Kavkaza. Zapiski imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. Vol. 38. Odessa: Tipografiya P.A. Zelyonogo, 396 p. [in Russian]

Magomadova, 2017 – *Magomadova, T.S.* (2017). Rabstvo i rabotorgovlya u chechencev v XVII v. [Slavery and the slave trade among Chechens in the XVII century]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(6): 147-155. [in Russian]

Makalatiya, 1940 – *Makalatiya, S.I.* (1940). Hevsureti. Istoriko-etnograficheskij ocherk dorevolucionnogo byta hevsurov [Khevsureti. Historical and ethnographic sketch of the pre-revolutionary life of the Khevsurs]. Tbilisi: Gruzinskoe kraevedcheskoe obshchestvo, 227 p. [in Russian]

Maksimov, 1893 – *Maksimov, E.D.* (1893). Chechency. Istoriko-geograficheskij i statistiko-ekonomicheskij ocherk [Chechens. Historical-geographical and statistical-economic essay]. Terskij Sbornik. Is. 3. Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, pp. 3-100. [in Russian]

Mamakaev, 1936 – *Mamakaev, M.A.* (1936). Pravovoj institut tajpizma i process ego razlozheniya [The legal institution of Taipism and the process of its decomposition]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo institute*. I(IV). Issue 1. Groznyj: Tipografiya Chechingizdata, pp. 55-71. [in Russian]

Mamakaev, 1973 – *Mamakaev, M.A.* (1973). Chechenskij tajp (rod) v period ego razlozheniya [Chechen taip (genus) during its decomposition]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 100 p. [in Russian]

Martirosian, 1928 – *Martirosian, G.K.* (1928). Nagornaya Ingushiya. Social'no-ekonomicheskij ocherk [Mountainous Ingushetia. Socio-economic essay]. Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya. Vladikavkaz: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj oblasti Ingushii, 151 p. [in Russian]

Ocherki istorii Checheno-Ingushskoj ASSR..., 1967 – Ocherki istorii Checheno-Ingushskoj ASSR. S drevnejshih vremen po mart 1917 goda [Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR. From ancient times to March 1917]. Vol. I. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 316 p. [in Russian]

Ol'shevskij, 1893 – *Ol'shevskij, M.Ya.* (1893). Kavkaz s 1841 po 1866 god [The Caucasus from 1841 to 1866]. Russkaya starina LXXIX. № 7: 89-124. [in Russian]

Opisanie Chechni..., 1940 – Opisanie Chechni s svedeniyami etnograficheskogo i ekonomicheskogo haraktera, sostavlennoe kap. gen. shtaba I.I. Nordenstammom [Description of Chechnya with information of an ethnographic and economic nature, compiled by the Captain of the General Staff I.I. Nordenstamm]. Materialy po istorii Dagestana i Chechni. Vol. III. Part I (1801-1839). Mahachkala: Dagestanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1940, pp. 298-329. [in Russian]

Oshaev, 1928. – *Oshaev, H.D.* (1928). V serdce Chechni [In the heart of Chechnya]. Izdanie Chechenskogo otdela narodnogo obrazovaniya. Groznyj: Tipo-litografiya Chechenskogo izdatel'stva «Serlo», 19 p. [in Russian]

Oshaev, 1930. – *Oshaev, H.D.* (1930). Malhista (K harakteristike perezhitkov rodovogo stroya) [Malchista (To characterize the remnants of the tribal system)]. *Revolyuciya i gorec*. 8(22): 58-65. [in Russian]

Oshaev, 1966 – *Oshaev, H.D.* (1966). *Plamennye gody: Istoricheskij roman v tryoh chastyah* [The Fiery Years: A Historical Novel in three parts]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 388 p. [in Russian]

Oshaev, 1966 – *Oshaev, M.H.* (1966). *Rekognoscirovochnoe opisanie pamyatnikov srednevekov'ya r. Terloj-Ahk (gornaya Chechnya)* [Reconnaissance description of medieval monuments of the Terloj-Ahk river (mountainous Chechnya)]. *Arheologo-etnograficheskij sbornik*. Vol. VII. Issue 1. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 152-162. [in Russian]

Oshaev, 1968 – *Oshaev, H.D.* (1968). *Nekotorye voprosy ispol'zovaniya nahskih bashen v boyu* [Some questions of the use of the Nakh towers in battle]. *Kavkazskij etnograficheskij sbornik*. Is. II. *Ocherki etnografii Gornoj Ingushetii* [Essays on the ethnography of Mountainous Ingushetia]. Tbilisi: Mecniereba, pp. 118-126. [in Russian]

Pokrovskij, 2009 – *Pokrovskij, N.I.* (2009). *Kavkazskie vojny i imamat Shamilya* [Caucasian Wars and Shamil's Imamate]. 2nd ed., add. M.: ROSSPEN, 592 p. [in Russian]

Potockij, 2006 – *Potockij, Ya.Yu.* (2006). *Puteshestvie po Astrahanskim stepyam i po Kavkazu* [A journey through the Astrakhan steppes and the Caucasus]. *Severnyj Kavkaz v evropejskoj literature XIII-XVIII vekov: Sbornik materialov; podgotovil V.M. Atalikov. Nal'chik*, pp. 365-391. [in Russian]

Rossikova, 1895 – *Rossikova, A.E.* (1895). *Puteshestvie po central'noj chasti gornoj Chechni* [Travel through the central part of mountainous Chechnya]. Tiflis: Tipografiya Gruzinskogo izdatel'skogo tovarishchestva, 92 p. [in Russian]

Samojlov, 1855 – *Samojlov, K.* (1855). *Zametki o Chechne* [Notes about Chechnya]. *Panteon XXIII*. № 10: 29-64. [in Russian]

Semenov, 1928 – *Semenov, L.P.* (1928). *Arheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushii v 1925-27 gg.* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushia in 1925-27]. *Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya. Vladikavkaz: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj Oblasti Ingushii*, 32 p. [in Russian]

Semenov, 1935 – *Semenov, L.P.* (1935). *Arheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushii v 1930-32 gg.* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushia in 1930-32] / *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. IV(2). Ordzhonikidze-Groznyj: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj Oblasti Ingushii, pp. 143-191. [in Russian]

Shcheblykin, 1928 – *Shcheblykin, I.P.* (1928). *Iskusstvo ingushej v pamyatnikah material'noj kul'tury* [Ingush Art in the Monuments of Material Culture]. *Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya. Vladikavkaz: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj Oblasti Ingushii*, 30 p. [in Russian]

Skazki, skazaniya i predaniya..., 1986 – *Skazki, skazaniya i predaniya chechencev i ingushej* (1986) [Fairytale, tales and legends of Chechens and Ingush]. Sost. A.O. Mal'sagov, I.A. Dahkil'gov. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 528 p. [in Russian]

Totoev, 1969 – *Totoev, F.V.* (1969). *Razvitie rabstva i rabotorgovli v Chechne (vtoraya polovina XVIII veka - 40-e gody XIX veka)* [The development of slavery and the slave trade in Chechnya (the second half of the XVIII century – the 40s of the XIX century)]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury*. VIII(1): 185-197. [in Russian]

Totoev, 2009 – *Totoev, F.V.* (2009). *Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gody XIX veka)* [The social system of Chechnya (the second half of the XVIII – 40s of the XIX century)]. *Nal'chik*, 376 p. [in Russian]

Umarov, 1980 – *Umarov, S.C.* (1980). *O nekotoryh osobennostyah klassoobrazovaniya i antifeodal'noj bor'by v srednevekovoj Checheno-Ingushetii* [About some features of class formation and anti-feudal struggle in medieval Chechen-Ingushetia]. *Voprosy istorii klassoobrazovaniya i social'nyh dvizhenij v dorevolucionnoj Checheno-Ingushetii (XVI – nach. XX v.)*. Groznyj, pp. 7-26. [in Russian]

Vartapetov, 1932 – *Vartapetov, A.S.* (1932). *Problemy rodovogo stroya ingushej i chechencev* [Problems of the tribal system of Ingush and Chechens]. *Sovetskaya etnografiya*. 4: 63-89. [in Russian]

Velikaya i dr., 1990 – *Velikaya, N.N., Vinogradov, V.B., Hasbulatova, Z.I., Chahkiev, D.Yu.* (1990). *Ocherki etnografii chechencev i ingushej (dorevolucionnyj period)* [Essays on

Ethnography of Chechens and Ingush (pre-revolutionary period): Ucheb. posobie [Textbook]. Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo, kafedra istorii narodov Severnogo Kavkaza. L.N. Tolstoy Chechen-Ingush State University, Department of History of the Peoples of the North Caucasus. Groznyj, 96 p. [in Russian]

[Volkonskij, 1882](#) – *Volkonskij, N.A.* (1882). Sem' let v plenu na Kavkaze (1849–1856). Oчерki politicheskogo i domashnego byta kavkazskih gorcev [Seven years in captivity in the Caucasus (1849-1856). Essays on the political and domestic life of the Caucasian mountaineers]. *Russkij vestnik*. CLIX(5): 217-283. [in Russian]

[Yakovlev, 1925](#) – *Yakovlev, N.F.* (1925). Ingushi. Populyarnyj oчерk [Ingush. Popular essay]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 135 p. [in Russian]

К вопросу о рабах и князьях у чеченцев и ингушей

Алексей Алексеевич Головлёв^{a, *}

^a Русское географическое общество, Российская Федерация

Аннотация. Статья написана на основе литературного (историко-краеведческого) и полевого (историко-этнографического) материала, анализ которого подтвердил, что в Чечне и горах Ингушетии (начиная ориентировочно с XV в. и до 1867 г.) существовало патриархальное рабство. Основной источник формирования контингента рабов – военнопленные и гражданские лица, захваченные чеченцами и ингушами в соседних регионах. Однако контингент рабов в Чечне и Ингушетии пополнялся также за счет самих чеченцев и ингушей, что доказывается несколькими примерами. Подчеркивается особая роль военных дружин, известных в Чечне как «Герахой» (Герой/Гери/Гера), а в Ингушетии как гаър/Гяър, в возникновении *института рабства*. Народные предания, записанные автором в горах Чечни, подтверждают существование у верхнеаргунских чеченцев долгового рабства и наличие у них вассальной (лайской) зависимости от горского (в частности, от дишнийского) князя.

По материалам народных преданий и опубликованным историческим источникам установлено существование у чеченцев *института княжеской власти* в 3 локальных регионах в период с конца XVI в. и до конца XVIII в. С наибольшей подробностью изучены материалы о чеченских горских князьях, живших в верховьях Чанты-Аргуна и избравшихся населением за силу, храбрость и общественные благодеяния. Князья имели военные дружины, земельные угодья, стада и контролировали горные проходы, за что получали дань. Княжеский скот безвозмездно выпасали горцы, бывшие в лайской зависимости. Некоторые князья имели право первых брачных ночей с невестами своего общества. Существование личных рабов у горских князей не было зафиксировано.

Ключевые слова: рабы, рабство, рабовладение, Герахой, пленники, тайпы, предания, чеченцы, ингуши.

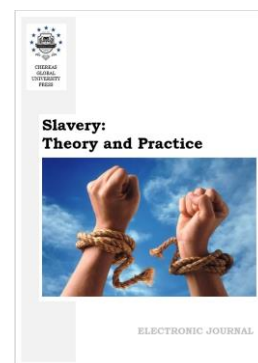
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: progol94@mail.ru (А.А. Головлёв)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2022. 7(1): 57-69

DOI: 10.13187/slave.2022.1.57
<https://stp.cherkasgu.press>

Caucasian Women in the Russian Imperial Record-Keeping Narrative: The Representation of Women in ‘The Circassian Slave Narratives’ (1792–1800)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a,*}

^aCherkas Global University, Washington, USA

Abstract

This article analyzes how Caucasian women were represented in the record-keeping narrative of the Russian Empire in 1792–1800. The principal source relied on in the preparation of this paper is ‘The Circassian Slave Narratives’ by A.A. Cherkasov, a collection of documents on runaways from Circassia to the Russian Empire. Most of the documents under analysis were created by Russian officers (often little-educated Black Sea Cossacks) seeking to describe to their superiors cases of mountain people crossing over to the Russian side of the border. Thus, we are talking here about spontaneous testimonies, meaning the officials had not designed to describe the traditional status of women in Caucasian society.

A key focus is on the lexical representation of Caucasian women in the collection’s documents spanning the period 1792–1800. Caucasian women tend to be lexically objectivized and act as an appendix to men (e.g., the border being crossed by “a mountaineer accompanied by a woman”, rather than by “a mountaineer and a mountaineeress”; the willingness to enter Russian allegiance being articulated by a male for his entire family). In a similar way are objectivized children and servants. Most mountaineeresses’ names are not even mentioned – she is just an unnamed wife of a named mountaineer. This was not the case only in one document.

In the documents, Caucasian women tend to be objectivized and are not represented as a person capable of independent action. As a rule, she crosses the border in company with her father, husband, or master. An exception is widows, although these cases actually go back to the early 1800s, when the border was sometimes crossed by families headed by widows; it is with the widows that the Russian officers would communicate, not their sons (some of whom were already adults and even had children of their own). During that time, there occurs a change in the lexical representation of Caucasian women – we now come across more of them named, with one case even including a description of a woman’s physical appearance.

Keywords: history of slavery, history of the Caucasus, imperial discourse, narrative, gender roles, objectivization of women

1. Introduction

The issue of women in the Caucasus is currently attracting the attention of many a researcher – and there are good reasons for that. The traditions of local communities, including gender-related ones, are being influenced by globalization and the hegemonic advances of Western civilization – in some cases, they are able to withstand this impact, while in others, they end up being destroyed irrevocably. In this climate, there has been a rise of interest in the axiological

* Corresponding author

E-mail addresses: a.peretyatko@cherkasgu.net (A.Yu. Peretyatko)

assessment of local gender traditions, even to the point of patently unscholarly works being produced, some of which laud the traditional treatment of women, while others, on the contrary, condemn it.

Of particular note in this context is the research by L.U. Kurbanova. This Chechen researcher, who speaks of an “intensification of traditionalism and the religious factor in North Caucasus society”, views this trend as an ambivalent one – on one hand, this intensification of traditionalism has a positive side to it, which is that it helps revive “traditional normative practices of an ethical and moral nature”, and, on the other, its downside is that it restricts women’s “personal freedom and individual opportunity” (Kurbanova, 2016: 83-84). According to the sociological surveys cited by L.U. Kurbanova, 78 % of women in the Chechen Republic, the most traditionalist of the Caucasian republics, feel that life for women is better in neighboring republics, with “inequality”, “dominant control by men”, “restriction of women’s freedom”, “strict religious norms”, and “absence of protection from violence and injustice” cited as the most common issues (Kurbanova, 2016: 83). In 2008, L.U. Kurbanova conducted a survey of her own on legal culture among girls attending Grades 8 through 11 in high school (60 respondents) and women living in temporary accommodation, mostly little educated and without a fixed occupation (90 respondents) (Kurbanova, 2012: 43). It is revealing that most of the students, whose formative years were part of the period of “intensification of traditionalism and the religious factor in North Caucasus society”, had a positive attitude toward bride kidnapping, a traditional practice in that region, whilst most of the little educated and socially vulnerable members of the older generation deemed this custom censurable and found it necessary to have bride kidnapers punished in accordance with the laws of the Russian Federation (Kurbanova, 2012: 43). Of note is also the fact that a negative attitude toward bride kidnapping was articulated by those who had been forced into marriage (Kurbanova, 2012: 43). It should, however, be noted that the surveys cited by L.U. Kurbanova are not representative of the entire Chechen population, for one cannot judge the attitude of most Chechen women toward bride kidnapping based exclusively on the views of schoolgirls and socially disadvantaged women. Nevertheless, the research by L.U. Kurbanova provides a good insight into the negative aspects of how women have traditionally been treated in the Caucasus.

It is to be noted, however, that modern Russian researchers tend to refrain from criticizing the traditional treatment of women in the Caucasus. Of interest in this context is the following statement by Z.V. Shoranova, a researcher based in Kabardino-Balkaria: “The the process of entering into and learning the gender roles was incontestably of high significance to Caucasian ethnic groups, had been polished over centuries, and, consequently, was perceived as something commonplace and natural” (Shoranova, 2009: 139). In describing the “process of entering into and learning the gender roles”, Z.V. Shoranova does not mention its compulsory nature but views it as a phenomenon natural for mountain society (“The woman’s world, while taking definite form in a girl’s mind, was clearly delimited by their home, leaving which was regulated”; “From an early age, most females would undergo preparation for the primary role in life for them – motherhood”; “As a child and adolescent, most girls would most of the time hang around with other women and engage in contact with them regularly and for all kinds of reasons” (Shoranova, 2009: 137-139)).

This antagonism does merit discussion. The difference in the conclusions arrived at by L.U. Kurbanova and Z.V. Shoranova is grounded in the actual methodologies underlying their studies. L.U. Kurbanova looks at the Caucasus’s traditional gender roles from without. The social surveys cited by this researcher are constructed in such a way as to have the respondents consider their status based on the rules of communities that are external to them. They are asked to compare their status with that of women in other, less traditionalist, republics; it becomes possible to assess the degree to which it is necessary to punish bride kidnapers not only within the frame of local traditions but Russian laws as well. Thus, what the research by L.U. Kurbanova subjects to assessment is the traditional attitude toward women in the Caucasus. By contrast, Z.V. Shoranova looks at the Caucasus’s traditional gender roles from within – the researcher treats them as a given that is not subject to assessment and focuses on the social mechanism underlying a girl’s adaptation to them.

Of interest is the fact that the sociological surveys conducted by Z.V. Shoranova in 2019 revealed “a transformation of the gender order; a shift away from patriarchal towards more egalitarian gender relationship structures” in Kabardino-Balkaria, Adygea, and Ingushetia

(Shoranova i dr., 2021: 147). What is more, the surveys revealed different attitudes toward preferred gender roles among local males and females. Most local males were found to continue to opt for the preservation of traditional gender roles, whilst most women were found to no longer see themselves in them. The answer ‘a woman of the house; a mother’ to the question ‘What do you think the modern woman considers herself first and foremost?’ was given by 64 % of males versus just 30 % of females, and the answer ‘an independent, unique person’ was given by 25 % of males versus 60 % of females (Shoranova i dr., 2021: 142). However, the organizers of the survey did not pose the question of how comfortable the women felt in the climate where there was such an obvious mismatch between the above-stated gender role preferences. Nor were they asked to compare, in terms of living a comfortable life, the traditional norms of their societies with, say, those of (ethnic) Russian or European ones.

Both approaches to exploring the status of women in the Caucasus (the one involving its criticism and comparison with that in other societies (“external”) and the one involving its acceptance and contemplation from within based exclusively on the logic behind the development of local societies (“internal”)) have their upsides and downsides, and they complement one another. It is only by using the internal approach that we can understand the logic behind the evolution of gender roles in the region. Yet to assess the degree to which the gender role of women has met their own interests we will need the external one. At the same time, it is worth noting that research into the history of women in the Caucasus is dominated by the internal approach, which justifies the harsh treatment of women. For instance, Dagestani researcher S.V. Sirazhudinova states the following in one of her works: “The role of women as a stabilizing factor in the North Caucasus has been highlighted by O.S. Mutiyeva, a researcher who has explored the relationships between the mountaineers and the Cossacks and has noted the special role played by the fact that some Cossack men captured mountain women and married them” (Sirazhudinova, 2022: 131). In this case, the very language of the text is conducive to a sort of objectivization of the woman – mountaineeresses who were ravished by and forced to marry Cossack men turn into a “stabilizing factor” for the region.

Of particular note is the following discussion on mountain woman slavery during the Caucasian War period. In her article ‘Caucasian Women as an Object of Ransom Kidnapping Between the 18th and 19th Centuries’ (Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011: 38-74), Kuban researcher A.A. Tsybulnikova approaches the issue of Caucasian slave women through the lens of the internal approach. The scholar, quite predictably, draws the conclusion that “most Caucasian women had quite an accepting attitude toward the possibility of being sold into slavery”. The work is mainly focused on the social practices and social characteristics of mountain society that made the process of selling a female into slavery as painless for mountaineeresses as possible (Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011: 44). Thus, A.A. Tsybulnikova’s conclusions confirm Z.V. Shoranova’s view that “the the process of entering into and learning the gender roles was incontestably of high significance to Caucasian ethnic groups, had been polished over centuries, and, consequently, was perceived as something commonplace and natural” – in the climate where women were wholly subservient and society was dominated by a positive attitude toward slave trade, it was a social norm for girls from the lower social estates to be brought up as a potential slave.

However, whereas research on the status of women in the Caucasus is dominated by the internal approach, i.e. the one that has you stay away from criticizing the more negative aspects of the traditional division of gender roles, things are somewhat different with research on slavery in that region. Recent decades have witnessed a trend toward exploring the evolution of Caucasian slavery from within, based from the logic behind the development of local communities (a topic for a separate study). However, the external one continues to be the dominant approach, with most researchers today viewing Caucasian slavery through the lens of European culture and painting it in a clearly negative light. Some researchers have even used 19th-century imperial narratives with a strong emotional overtone (e.g., “predatory behavior”) (Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011; Klychnikov, 2020; Gapurov, 2003: 27). Therefore, although the attitude of most modern researchers toward mountain women’s acceptance of their traditional roles tends to be neutral or even positive, their readiness to be sold into slavery as their acceptance of the traditional gender role is not considered and is assessed a lot more strictly.

Quite predictably, the study by A.A. Tsybulnikova is met with heavy criticism from Dagestani researcher O.S. Mutiyeva, who attempts to prove that back in the day a tolerant attitude toward

being a slave was not something typical of Caucasian women. The scholar argues in her article ‘Women as an Object of Captivity and Slave Trade in the Context of the Caucasian War’ that “no sane person, regardless of gender, ethnicity, and religious affiliation, can regard sale into slavery as something normal and natural” (Mutieva, 2017: 47-51). From this statement it is clear that O.S. Mutiyeva considers mountain woman slavery during the Caucasian War from without, based on the values and norms of modern society and modern women. That being said, the researcher provides no facts demonstrating mountain women’s non-acceptance of personally being a slave during the Caucasian War.

The subject of the historical status of women in the Caucasus during, and immediately before, the Caucasian War merits special attention. This is the last period before the firm inclusion of this region into the cultural spaces of the Russian Empire and European civilization. Therefore, if we are to establish how much their traditional gender role met the interests of Caucasian women, we will need to explore this specific period. What adds more relevance to the narrower subject of mountain woman slavery at the time is that, as already discussed earlier, issues related to getting kidnapped, deprived of one’s rights, and having a slave-like status are still relevant to Caucasian women, with phenomena of this kind tending to be justified by their proponents as traditional and thus subject to revival as part of the “intensification of traditionalism and the religious factor in North Caucasus society”.

However, to determine the degree to which the status of women in mountain society matched their own interests, we need to explore this through the lens of the external approach – by comparing the distribution of gender roles in the region with that in other places. With that said, assessing the status of mountain women based on present-day norms and values appears to make little sense – from the standpoint of present-day society and in the light of all the successes of the feminist movement, any society of the period between the 18th and 19th centuries will be seen as sexist and toxically masculine.

In 2020, researcher A.A. Cherkasov published a collection of documents entitled ‘The Circassian Slave Narratives’, which contains nearly 1,200 archival records from the State Archive of Krasnodar Krai dealing with captivity and slavery in mountain society (Cherkasov, 2020). Thanks to these documents, we now have access to materials that describe Caucasian slavery from without – by Russian officers and officials. These materials also mention mountain women – both slaves and free women. What is particularly valuable about these records is that the testimonies they contain were spontaneous (as opposed to those provided by travellers and memorialists whose writings mainly describe the exotics of the Caucasus), as the authors of these texts had not sought to characterize the status of women in mountain society but touched upon it in conjunction with other topics. Furthermore, although a significant portion of the period’s archival materials are not available due to having perished, the numerous documents in this collection have made it possible to determine the typicality of particular situations and get an idea of how mountain women were normally represented in the imperial narrative.

2. Materials and methods

‘The Circassian Slave Narratives’ contains a fairly diverse collection of documents, from decrees from the country’s highest-level officials (including Emperors Paul I and Alexander I) to records of interrogations of mountaineers who fled to the Russians. Arguably, all these texts may be defined as imperial discourse – even the testimonies of mountaineers and the messages of Osman pashas are provided by imperial officers and officials in Russian translation. In certain cases, we can directly observe from the texts how Caucasian Islamic discourse was transforming for inclusion into imperial discourse. For instance, there is documentation containing the so-called “oath of promise”, which was taken in November 1800 by a group of Nogays entering Russian allegiance (Cherkasov, 2020: 1506). A portion of the oath that contains a few novel obligations for its takers is well-aligned with the Russian nationwide tradition (“I wish and ought to be a loyal, kind, and obedient subject to His Imperial Majesty the Lord Emperor and Autocrat of All Russia Pavel Petrovich and His Imperial Highness the Lord Heir Tsesarevich and Grand Prince Aleksandr Pavlovich” (Cherkasov, 2020: 1506). However, what the oath-takers swore by is suggestive of the use of a unique mixture of regional Islam and imperial Orthodox Christianity – they swore by “God Almighty” (i.e., it is not specified in the Russian version of the oath that it was Allah), “Holy Prophet Mohammed Mustafa”, and, best of all, “the four God-given books – the Torah, the Psalms,

the Gospel, and the Quran” (Cherkasov, 2020: 1506). Thus, the pursuit of political interests and the mixing of imperial discourse with Islamic discourse created a formulation that was heretical from the standpoint of Orthodox Christianity and Islam alike.

This group of texts in ‘The Circassian Slave Narratives’ is dominated by short, report-like, as opposed to analytical, record-keeping documents created by company and staff officers of the Russian army. Accordingly, the author of the narrative is typically a person who is characterized by neither a spacious mind nor an analytical mindset, i.e. someone who is not capable of reflecting upon the clash of civilizations and the blending of discourses. Their texts are primitive both lexically and content-wise. Mainly concise descriptions of facts, they tend to introduce mountain realities into imperial discourse in a more or less distorted manner. Besides, some of those authors may very well have not fitted into imperial discourse themselves (e.g., the Cossacks or junior officers of non-ethnic-Russian descent). In other words, the real picture of the Caucasus in ‘The Circassian Slave Narratives’ is simplified and distorted not only by that most local events had to be fitted into the formulations and norms of imperial record-keeping that had not been intended for something like that but also that it was done by individuals who were used more to wielding a sword than using a pen and more to fighting the mountaineers than conducting bureaucratic correspondence.

Therefore, our analysis of ‘The Circassian Slave Narratives’ will be of a dual nature. First and foremost, we will be interested in the factual material, i.e. everything related to the capacity in which mountain women took part in the slavery-related narratives captured in the Russian archival materials. The Russian origin of the latter is of great importance. Research indicates that mountain women were mainly sold into slavery in Islamic countries in the Mediterranean region, where they were regarded as an expensive, exotic commodity (Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011: 38-74; Šmigel', 2020: 19-36). No similar practice of selling them into Russia is known. Accordingly, the available Russian documentation on slavery in the Caucasus is by no means representative enough to permit characterizing local female slavery in an integrated and systematic manner. At the same time, compared with the predominantly Islamic Caucasus, the Orthodox Christian Russian Empire had completely different forms of social order and slaveholding practices, for which reason for most slaves fleeing to its territory meant liberation. The analysis of how women are represented in the Russian documentation on Caucasian slavery makes it possible to find factual material specifically on female runaways who managed to radically change their fate and, most importantly, understand their motivation.

Of no less interest is the way the Russian imperial narrative captures facts about Caucasian women. Of primary interest to us are the very words and formulations used by Russian officers and officials to describe the realities of the status of women in the Caucasus. Once again, our primary focus is on external assessment – in this case, assessments by observers of dubious competence. This kind of assessment is of value for gaining an insight into how ordinary people from a European culture reacted to and introduced into their discourse facts related to the status of Caucasian women.

The study’s chronological scope is the period from 1790 to the early 1800s. The thing is that the number of documents on Caucasian women that ‘The Circassian Slave Narratives’ contains is too large to examine in a single article. The collection has a sufficient number of documents for the 1790s decade (around 150). This period, in which we come across a certain trend that gradually diminishes, is of interest in that during that time Russia’s cultural influence in the Caucasus was only starting to manifest itself, with Russian officers running into what then was an absolutely traditionalist mountain society, one that would not readily lend itself to description by way of then-existing record-keeping templates. The aim of the present work is to reveal what it was initially and why their representation of Caucasian women began to change later. How it would change subsequently will be the focus of another article.

Finally, it is worth caveating that the conclusions drawn in this article are not to be seen in absolute terms. The characteristics of the narrative under examination could have been associated both with the nature of objective facts observed by Russian officers and officials and with that of their subjective perception of those facts. With that said, most of the authors of the documents in ‘The Circassian Slave Narratives’ spanning the period 1792–1800 were Black Sea Cossacks, i.e. members of a community whose picture of the world has been researched fairly little. Therefore, our private observations need to be matched to information obtained from other

sources. Nevertheless, overall, the picture of the status of women in the Caucasus offered by the imperial record-keeping narrative is fairly vibrant, illustrative, and research-worthy.

3. Results

Typical representation of Caucasian women in 1790s documents in ‘The Circassian Slave Narratives’

Overall, A.A. Cherkasov identified 2,878 individuals who between 1792 and 1861 fled or were redeemed from Circassia to Russia (Cherkasov, 2020: 1425). Given the region’s traditional gender roles, it is quite natural that there was a significant gender imbalance among the runaways. Specifically, there were 2,120 males and just 692 females (another 66 individuals were documented as children, with no gender listed) (Cherkasov, 2020: 1425). For the most part, women crossed the border between the Caucasian and imperial spaces in company with their husband or father.

What draws attention here is the language used by Russian officers in documenting the crossing of the border by Caucasian women. Chronologically, the earliest document in ‘The Circassian Slave Narratives’ to mention the crossing of the border by a mountain woman goes back to March 1795. It represents an order given by Sublieutenant Ul’yanchenko to Sublieutenant Semenok. It reads as follows: “From the Circassian side . . . a Khatukay nobleman will be sending two Circassians, Deunez and Unazhuk, accompanied by two wives and some children, who ran away from Psheduk Prince Batyr Girey. Please take them to our side, Sir” (Cherkasov, 2020: 1446). As we can see, the women and children in this text have no subjectness (not even their names are provided), acting as a sort of appendix to the male head of the family.

This way to represent Caucasian women – not by name but by marital status and as the wives or daughters of males fleeing to the Russian side – is typical of 1790s documents in ‘The Circassian Slave Narratives’. For instance, in the winter of 1796, Colonel Geldish wrote of “Tatar or Nogay Abdula accompanied by a wife”, who “wishes to come over to our side in order to live here and convert to Christianity” (Cherkasov, 2020: 1452-1453). As we can see, in this case, lexical objectivization is taken even further, with the woman not only having no name but also being in a position to do nothing about her fate. Although the source does say that the border was crossed by a husband and a wife, it mentions only the male’s motivation to do so – i.e., the wording is such that it is clear that the woman will accept his choice no matter what. The name is not mentioned even in the imperial documentation for the only 1790s case in ‘The Circassian Slave Narratives’ where a certain degree of independence is displayed by mountain women. On October 27, 1796, “two Nogay women accompanied by some children and subordinates” crossed over to the Russian side. However, the documentation does not mention any names; nor does it mention the reasons they did it – first Colonel Kulik and then Black Sea Ataman Z.A. Chepega merely report this crossing as a fact (Cherkasov, 2020: 1461-1462). The women’s husbands arrived only the following day. Their names (Gadzhe Ali and Muradi) were documented immediately, with the local officials also requesting that Z.A. Chepega provide an interpreter to translate during the interrogation (Cherkasov, 2020: 1461). Based on the documentation, whilst the male runaways “expressed a willingness to live under Russian rule on the Crimean peninsula”, there again is no mention of the women’s position on the matter and their personal input into the escape (Cherkasov, 2020: 1462).

Yet it is worth noting that certain documents for that period in ‘The Circassian Slave Narratives’ contain cases where even mountain men and ethnic Russian women are not mentioned by name. For instance, in 1797 there was a Russian officer (Lieutenant Mirgorodsky) who would document only the ethnicity of men, women, and children crossing over to the Russian side of the border and their numbers (e.g., “two Nogay men accompanied by a wife and a minor boy, who came here from the Transkuban region in a two-horse wagon”; “five Nogay men accompanied by two women, who came here from the left side of the River Kuban” (Cherkasov, 2020: 1465-1466)). As we can see, the women in this case, likewise, are treated as an appendix to the men – as someone who is inadequate and not capable of independent action.

As far as ethnic Russian women are concerned, ‘The Circassian Slave Narratives’ contains the following case: on September 18, 1796, a group of mountaineers “captured a woman” when robbing two Russian officers – Lieutenants Nabokov and Gagrinov (Cherkasov, 2020: 1454). On one hand, the woman’s ethnicity in this case is not mentioned, so, theoretically, she may have been a mountaineeress. On the other hand, there is one important nuance here – no relation of this woman to any man is mentioned; she is mentioned just as a kidnapped woman and not someone’s

wife or daughter. This is atypical. The collection's 1790s materials tend to mention ethnic Russian women beside their husbands. At the same time, these women tend to be referred to by name and have a certain degree of subjectness. For instance, when in October 1796 a Cossack named Nichipor Zholob had his wife kidnapped, it was mentioned in the corresponding documentation that her name was Varvara (Cherkasov, 2020: 1459). In another case, Lieutenant Krutofal's wife, who had died of wounds, was referred to as Marina in a document capturing in March 1797 those killed and captured by the mountaineers (Cherkasov, 2020: 1467).

'The Circassian Slave Narratives' also contains 1790s documents that mention both the name and marital status of a mountain woman. Yet their emergence was associated not with their authors regarding this information as important but with the Empire's peculiar record-keeping practices. One of the first such documents, dated April 27, 1798, captures the names of several Caucasian women. It is a form containing information about 49 Circassians (with nobleman Shostan Ali at the head) who crossed over to the Russian side (Cherkasov, 2020: 1479). Understandably, the very genre in which this information was documented involved capturing the names of all the participants in an escape, regardless of their gender and age. Owing to this, the women and children (as little as a year old) in this case were included in the imperial narrative (Cherkasov, 2020: 1479-1480). Shostan Ali's subordinates included as many as six women not bound to any of the men by marital ties (the rest were documented as someone's daughters or wives). There were three childless widows aged 18 to 60 and a 30-year-old widow with two minor daughters (Cherkasov, 2020: 1479-1480). Thus, generally speaking, Caucasian women crossing over to the Russian side included not only wives and daughters but also lone individuals (i.e., someone without a husband or father) who were subjects to male aristocrats fleeing to the Empire. Nevertheless, here, too, the mountain woman has no subjectness – being a mere appendix to the male they are accompanying, which can be not only their husband or father but their master or the master of their male relatives as well.

Furthermore, in an earlier document, a Russian officer (Major Gulik) cites the following statement, allegedly made by Shostan Ali when crossing over to the imperial side (based on the interpreter's rendering of his words): "Because of my longtime commitment to Russia and my intention to receive Russian protection and patronage for myself and for my family members and subordinates, my life is now in mortal danger at the hands of the vindictive and merciless Abazinians. Thus, I have decided that I would rather die in full view of the Christians, whose patronage I've long sought, by drowning myself and my family members and subordinates in the Kuban than be brutally killed, the very thing the Abazinians have been eager to do all along" (Cherkasov, 2020: 1479). While we can question the authenticity of the above statement, which appears to have been distorted by the interpreter with the aim of smoothly incorporating it into imperial discourse, of note is that Shostan Ali, unwilling to die at the hands of the enemy, was ready to drown not only himself in the River Kuban but also all of his subordinates, including the women and children. An even more curious one is the fact that Major Gulik then describes the way Shostan Ali's subjects shared in his emotional outburst: "Upon uttering these words, he was joined by all his companions in acting like an insane person because of his grief" (Cherkasov, 2020: 1479). This is a great example of how in 'The Circassian Slave Narratives' not only females but male subordinates, too, are deprived of subjectness when it comes to expressing one's emotions and deciding one's own fate.

Lastly, the collection's 1790s materials also contain an in-between case of referring to mountain women – by marital status and by marital status *and* name in a single document. In January 1798, "a man named Ivan Mamsin, accompanied by his two wives, who had escaped from Georgian captivity in the Transkuban region, approached the Mar'yinsky post" (Cherkasov, 2020: 1475). Of note is that the verb 'approach' is used here in the singular form – i.e., it is only the male who is seen as fleeing from captivity, whilst the females are seen as just an appendix to him. Mamsin's first wife in the narrative documenting this event, put together by the same Gulik who covered the case of Shostan Ali, is referred to not by name but as "a noble Circassian woman", and his second wife is referred to as "Nogay woman Bezzoya" (Cherkasov, 2020: 1475-1476). In this case, Gulik, who lists the runaways in a report for his superiors, mentions the names of all of Mamsin's companions, including his second wife, three sons, and two daughters, except his first wife – for reasons unknown (Cherkasov, 2020: 1475).

We have examined enough material to draw some conclusions now. There are relatively not so many narratives in the collection as a whole and in the 1790s corpus in particular relating to slave mountain women and mountain women in general. It is not only that women fled Circassia to the Empire less frequently back then. In the collection's 1790s materials dealing with runaway slaves, the woman is almost exclusively treated not as a subject but as an object – a powerless, voiceless appendix to the man. Even lexically speaking, the border is normally crossed not by a man and a woman but by a man accompanied by a woman, and mountain women are referred to by name a lot less frequently than mountain men are. Russian officials tend to learn the reasons behind an escape by engaging in conversation with a male only. At the same time, of note is the fact that ethnic Russian females, too, tend to be mentioned in 'The Circassian Slave Narratives' strictly beside males, as someone's wife or daughter; yet their names tend to be captured. On the other hand, objectivized are not only women but children and subordinates – these individuals tend to be in no position to decide their own fate (e.g., the case where the man is ready to drown himself, his family, and his servants but his decision is not questioned or contested by anyone).

Thus, in the 1790s, in describing cases of escape from Circassia in their official documentation, Russian officers captured lexically the fact that Caucasian women were in total subjection to men – they were not independent subjects.

Atypical representation of Caucasian women in 1790s documents in 'The Circassian Slave Narratives'

Unfortunately, most of the documentation in 'The Circassian Slave Narratives' is not characterized by much focus on details and particulars. Russian officials were mainly interested in hard facts – how many people and why crossed the border and what they planned to do next. Given the nature of this approach, it must have been difficult to describe unusual, nonstandard stories, so such stories were normally reduced to mere facts.

The first unusual story of a Caucasian woman in 'The Circassian Slave Narratives' is described in two documents produced in July 1798. The situation described in these materials is quite a puzzling one. Anapa Pasha Osman informs the Russians of a Nekrasov Cossack named Andrey having taken an unnamed captive, accompanied by his wife and four children, across the border (Cherkasov, 2020: 1483). The curious fact is that, whilst the captive's name remains a mystery, the pasha does mention the name of his wife – Khazina (judging by the name, she hailed from one of the Turkic tribes) (Cherkasov, 2020: 1483). However, the documented fact is that no group consisting of a Nekrasov Cossack, a captive mountaineer, and the latter's wife and four children crossed the Russian border around that time. At the same time, there is a documented crossing by a Nekrasov Cossack, a woman, whom he referred to as his wife, their four children, and two captive "Great Russians" (Cherkasov, 2020: 1483-1484). The Black Sea Host officials presume that Pasha Osman is interested in this very group of people and that Khazina's real husband is one of the two captive "Great Russians" (Cherkasov, 2020: 1484). However, the investigation is cut short – just a few days later, the mountaineers kidnap Khazina and her children from the place of detention. The Cossacks who reported the incident are convinced that Khazina was the wife of "Nekrasovite Andrey Fazonov" (Cherkasov, 2020: 1484).

This story is of interest in several respects. The woman is related in them not to one but two men – both Pasha Osman and the Black Sea Host officials are convinced that Khazina is the wife of the unnamed captive; however, the individuals who spoke to her directly are convinced that she is the wife of the Nekrasov Cossack, Andrey Fazonov. Besides, it is her and her children that the mountaineers later kidnap from the Russians, not the males who were with her. This can be explained in several ways. It may have been an inaccurate translation from the Old Ottoman language into Russian – it may have been meant in the original document that the captive listed as Khazina's husband was actually Andrey Fazonov himself. Of note in this context is the fact that in the 1790s the Russian authorities in the Caucasus had serious problems with interpreters, with this role mainly performed by local residents or officers with only limited education (Kolesov, Sen', 2020: 610-616). However, it may also be that Khazina did, indeed, change husband when crossing the border – from the unnamed captive mountaineer to Andrey Fazonov. It may even be that the willingness of the Nekrasov Cossack to save her, her children, and the two males was driven by certain romantic motives. Thus, whilst we can only guess what it really was, this mysterious case, clearly, stands out in 'The Circassian Slave Narratives' for its openness to multiple interpretations.

Furthermore, this is the only story in the 1790s corpus where we observe an inversion of gender rhetoric – it is not the female whose name is not mentioned and who is just referred to as a spouse but it is the male.

The second, and last, unique case on the subject from the corpus under examination goes back to November 1800. Just shortly before this, the Black Sea Host appointed F.Ya. Bursak as its new ataman. This man would go on to become one of Black Sea Cossackdom's most successful and prominent figures. In 1800, he launched tough measures against the mountaineers. In their classic studies, V.A. Potto and F.A. Shcherbina view these measures as a response to mountaineer incursions; these studies mention no mountaineers captured by the Cossacks as a result (Potto, 1887: 580-581; Shcherbina, 1913: 155-157). Here is how F.Ya. Bursak's campaign is described by V.A. Potto (F.A. Shcherbina's description is more detailed and drier but is close in terms of content): "The Circassians would time and time again venture into Cossack territory in pursuit of loot. And every time, after repelling these predators and chasing them off, would the Cossacks halt at the uncrossable border, which would stop them from charging on to victory. This was an unequal contest. . . . Offensive action on the part of the Black Sea Cossacks began as early as the summer of 1800. Two thousand Black Sea Cossacks, under the personal command of Ataman Bursak, entered Circassian territory and the first time around sacked the villages of two of their bitter enemies – Aslan Girey and Devlet Girey. The rich loot secured by the Cossacks not only made up for their former losses but beckoned them on to new raids" (Potto, 1887: 580-581). 'The Circassian Slave Narratives' contains a document entitled 'Report on Those Captured During the Raid on the Transkuban Side', according to which the Black Sea Cossacks took captive 15 people during their punitive campaigns undertaken in 1800 (Cherkasov, 2020: 1506-1507). Tellingly, different fates awaited the males and the females captured. Most of the males (which included two Nogays freed by the Cossacks from Circassian captivity) either were held in custody or were swapped for captive Cossacks (Cherkasov, 2020: 1506-1507). A woman with four children was handed over to a friendly mountain potentate (Cherkasov, 2020: 1507). The most curious is the case of the unmarried Circassian girls. Three girls, ages 15, 12, and 4, were temporarily placed with the families of top-ranking officers, with the oldest, Dsitse, going to no other than F.Ya. Bursak's (Cherkasov, 2020: 1507). Unfortunately, no more information is available on them in 'The Circassian Slave Narratives' or any other source. What is significant here is the very fact that the mountaineeresses captured by the Russians would receive much better treatment than their male counterparts would, with most of those women likely to come under the influence of educated Russian families.

Transformation in the representation of Caucasian women in early-1800s documents in 'The Circassian Slave Narratives'

It is for a reason that 1790–1800 was chosen as the study's upper chronological limit. This period witnessed a change in the representation of Caucasian women in the imperial record-keeping narrative. They now tend to be documented in the same way as ethnic Russian women – still as an appendix to males, but at least referred to by name. There even are cases where women are on par with men in terms of lexical representation.

Of particular interest is the case of a group of Nogays who came out of the Transkuban region in 1803. Although the documentation does not mention any independent activity on the part of the Caucasian women (as a reminder, normally Russian officers would deny subjectness to subordinates who would come out in company with their masters), of note is the way it captures the facts about the families. As we may remember, in an earlier case, the one dealing with the crossing of Shostan Ali and his subordinates over to the Russian side, the women are viewed either as someone's wives (or daughters) or as widows, for whom the relationship to the males is not documented. The 1803 documentation contains a new category – mothers. Quite predictably, if a widowed mother has a son who has a wife, she is documented as someone related to him, not as an independent subject – i.e., the family is documented in the following fashion: "32. Karamurza; 33. Bebey-Dzhane, his wife; 34. Kokuz, his brother; 35. Ayevidzhe, his mother" (Cherkasov, 2020: 1515). However, the documentation also lists several mothers – in whose case, by contrast, a married son is lexically subordinate to his mother even if he has children himself: "205. Seratli, a widow; her children: 206. Kozakay; 207. Arukhan, his wife; their children (daughters): 208. Naslukhan; 209. Kutlukhan; 210. Mambet" (Cherkasov, 2020: 1518-1519). Unfortunately, we do not know why the Russian author of this document (collegiate assessor Lintavrev

(Cherkasov, 2020: 1521)) documented different families differently. One possible explanation for this is that the priority is with the de-facto head of the family, i.e. the person who has the primary say over the family's affairs. In some cases, that person was a woman.

A case where it is a Caucasian woman who does the talking, not her grown-up son, is described in a document that goes back to the first half of the 1800s. In April 1804, a group of Armenians came out to the Ekaterinoslav outpost, and, as was the usual procedure at that time, the Russian officials documented them family by family. This time, there was no aristocrat leader involved. As usual, most of the families (three out of the four) were documented in such a way that lexically only the oldest free male had subjectness (Cherkasov, 2020: 1536). Tellingly, here, too, deprived of subjectness are the slave mountaineers – the document states that the Russians received “some Armenian residents of the Transkuban region”, although, if we look at the list that is provided later in it, there also were a few Circassians, who belonged to the Armenian families (Cherkasov, 2020: 1536). Here is an excerpt from the documentation: “Khachadur Temirov, accompanied by his wife, Duspiche, and his children (sons Kaspar, Titu, Samun, and Anznam) and by his Circassian captives – widow Chelin Khatme, her children (sons Sulaakh and Abrech and daughters Gachekosh and Tatma), and a girl named Nav” (Cherkasov, 2020: 1536).

Yet listed as the head of the last, fourth, family is a widow – “Armenian widow Shirin, accompanied by her children (sons Mikhail and Avanes), the latter's wife, Zalizan, and their children (daughters Fizh, Malenkha, and Ipusug)” (Cherkasov, 2020: 1536). We have here a situation similar to the one with the Nogays who came out of the Transkuban region in 1803 – the family is headed not by the oldest free man but by the widow. Of particular interest is that in this case the “desire to be in Russian allegiance and live in the village of Grivenoye beside people of similar ethnicities” was expressed by “the Armenians” crossing the border, i.e. the heads of the four families – Khachadur Temirov, widow Shirin, Ipusug Karambiy, and Tich Baronov (Cherkasov, 2020: 1536). Thus, it turns out that it is widow Shirin who communicated with the Russian officers on behalf of her family, and it is she who expressed the desire to enter Russian allegiance for herself and her children, including her married son.

Of interest is the fact that in April 1804, the border was crossed by another two widows accompanied by children – “Circassian widow Gushepak, accompanied by her son, Gazov” and “Armenian widow Dam, accompanied by her children – son Nakhupsh and daughter Naskh” (Cherkasov, 2020: 1537, 1539). The case of the latter is of particular interest – compared with widows Shirin and Gushepaks, Dam was not accompanied by other families when crossing the border. Thus, this is the first time we have come across a situation where a woman crosses over to the Russian side of the border not in company with males unrelated to her. Of note is also the fact that in this case there is a change in the way a family is typically documented by the officials – here they document not a female head of the family *accompanied by* some people who are dependent on her but a female head of the family *and* the people dependent on her. For some reason (perhaps, the Russian officers did not wish to speak only to the woman), in this case the subjects engaging in communication with the Russian officers are both the widow and her children – all three of them, together, express “the desire to be in Russian allegiance” (Cherkasov, 2020: 1539).

The woman's name is used increasingly more often in the collection's 1800s corpus – even in the cases where she is still seen as an objectified appendix to the man. This may have been associated with a boost in the level of record keeping in the Russian Caucasus – subjects to the Empire begin to turn from abstract mountain people into specific persons whom it is necessary to document personally. In September 1807, a Russian officer even captured the appearance of a mountain woman, one wholly objectified. The document given to the mountaineer, written in a style we are now perfectly familiar with, mentions “Kalabat Oglu, accompanied by his wife, proceeding with the aim of entering Russian allegiance”. However, subsequently, the document also describes the physical appearance of Kalabat himself and that of his wife, a Circassian woman named Nagaytsuk, who has “white skin [and] black hair, eyebrows, and eyelashes” (Cherkasov, 2020: 1568).

Also of note is the fact that the 1800s witnessed a sharp increase in the number of captive exchanges (previously, to get their men freed both sides would mainly resort to official (diplomatic) channels; captives could be ransomed or exchanged only on the initiative of private individuals (Peretyatko, 2021: 219-222)). In this regard, during that time Caucasian women begin to be documented in ‘The Circassian Slave Narratives’ in one more status – as exchange material for

getting Russian captives freed. However, in the documents on this, both mountain men and women are equally and maximally objectivized – ethnic Russians whose social background and name are mentioned (e.g., “an Astrakhan resident named Larion Smakhtin” or “a young lady from the Black Sea Host named Tat’yana”) are swapped for unidentified mountain men and women (Cherkasov, 2020: 1522, 1531-1532, 1542). Thus, these materials are of little interest to this study – they reveal not the status of mountaineeresses in a particular society but the attitude of Russian officers and officials toward mountaineers who found themselves in Russian captivity.

4. Conclusion

Many Caucasus residents share the view that by the end of the 18th century “the process of entering into and learning the gender roles was incontestably of high significance to Caucasian ethnic groups, had been polished over centuries, and, consequently, was perceived as something commonplace and natural”. However, from the viewpoint of outside observers, mainly Russian officers who did the documenting of border crossings by mountain people at that time, the picture may have been not as rosy. Fleeing from captivity by themselves was problematic for most mountain women. As a rule, Russian officers would document only a male runaway’s desire to enter into Russian allegiance, whereas his wife, children, and servants would be treated as objectivized property. Lexically speaking, in the imperial Russian record-keeping narrative, the border was normally crossed not by a man, a woman, some children, and some servants but by a man *accompanied by* a woman, some children, and some servants. In the 1790s corpus of ‘The Circassian Slave Narratives’, the trend toward objectivization is underlined by another lexical characteristic (which gradually diminishes) – the names of women crossing over to the Russian side of the border are often not mentioned; these women are only listed as belonging to certain men as a daughter or wife of theirs. Of note, however, is the fact that in some cases Russian officers did not document the names of runaway mountain men either, and in most cases they documented both the names of ethnic Russian women and their status in relation to their husband or father.

In the 1790s, it was common for mountain women to run away to the Russian side in company with their father, husband, or master. There are two exceptions to this in ‘The Circassian Slave Narratives’. In the first case, in 1798, a female named Khazina crosses the border in company not with her husband but a Nekrasov Cossack named Andrey Fazonov. To be more accurate, the Black Sea Host officials are convinced, by way of the information received from the Turkish pasha, that Khazina’s husband is an unnamed captive. Thus, we have here a unique inversion of gender rhetoric – it is not the female whose name is not mentioned and who is just referred to as a spouse but it is the male. The Cossacks who communicated with Andrey Fazonov and Khazina personally are convinced that these were husband and wife. Thus, there may have been a translation error, with the Russian authorities simply misunderstanding the pasha. However, if we regard the documents as describing the situation correctly, it turns out that Khazina crossed the border in company with a stranger, passing herself off as his wife. In the second case, in 1800, the Cossacks capture several mountain women during a special raid on the residents of the Transkuban region. Whereas the captured males in the story end up being deprived of freedom, their female counterparts get much milder treatment, with the younger mountaineeresses ending up being temporarily placed with potent Russian families, including that of the Black Sea Host ataman.

The situation began to change with the start of the 19th century. First, there appeared a new phenomenon in the imperial record-keeping narrative – the widow being positioned as the head of the family. Although there were such cases in the 1790s too, back then it exclusively was about mothers with minor children who crossed the border in the footsteps of their aristocrat masters. By contrast, in the 1800s, several widows crossed the border as the heads of their family, and that was despite the fact that their children were married and some even were already parents themselves. There also were a few cases where families whose heads, as per the official documentation, were widows crossed the border not in company with a master but together with other families fleeing to the Russian side. Of particular note is the case of a widow named Dam. In 1804, accompanied by two children, whose age is not known but who are known to have been unmarried at the time, she managed to cross the border all by herself and not together with male-headed families.

However, cases of this kind were rare, and it remained typical for women to cross over to the Russian side as objectivized wives, daughters, or maids. One cannot rule out that similar cases of

families with grown-up males headed by widows crossing over to the Russian side did take place in the 1790s too – it is just that the imperial documents capturing them did not survive to the present day. In any case, it can be stated with confidence that, based on the materials in ‘The Circassian Slave Narratives’, only widows who had become the head of the family after the death of their husband were in a position to be considered full subjects in mountain society on the cusp of the 19th and 20th centuries. In such cases, entering Russian allegiance would be discussed by the officers with no other than the woman.

Second, the strengthening of the Empire’s influence in the Caucasus gradually facilitated documentation becoming systematized and more detailed. Consequently, beginning in the 1800s, even objectivized Caucasian women were increasingly referred to in the imperial record-keeping narrative both by relation to the man and by name.

Thus, despite the absence in the 1790s imperial record-keeping narrative of willful assessments of the status of Caucasian women, it can be stated with confidence that for the overwhelmingly most part to Russian officers they mattered only as a sort of appendix to mountain men, if not their property. Both content-wise and lexically, for the most part, except where widows are involved, the imperial record-keeping narrative is permeated with not even gender inequality and imbalance but by women having no real subjectness. With that said, the collection’s documentation spanning the period between 1790 and the early 1800s does not seem to have captured either mountain women’s disgruntlement with their status or, with the rare exception of a few widows’, any attempts to rectify it by crossing over to the Russian side of the border. Thus, it is obvious that the traditional practices of mountain society employed back then did indeed facilitate the adaptation of Caucasian women to their gender role. Besides, this role was viewed as something sufficiently normal in the mind of Russian officers and officials for them to refrain from trying to change it – no information has been found showing a change in the status of Caucasian women subsequent to their crossing over to the Russian side of the border in the 1790s, with most retaining the status of a sort of appendix to their husband. Therefore, the Caucasus’s traditional division of gender roles cannot be regarded as something peculiar for that time (there is more than one case in ‘The Circassian Slave Narratives’ where we also come across ethnic Russian women with no lexical subjectness, which is testimony to there having been gender inequality in their case as well).

At the same time, the materials examined in this study seem to confirm the view of F. DuBois de Montperreux that “in Circassian society, women were wholly subordinate to their husbands and were more of a slave to them than a mistress” (Šmigel, 2020: 28). Thus, as is argued by researcher L.U. Kurbanova, an intensification of traditionalism and religiousness in the Caucasus may be detrimental to women’s interests. That said, unlike in the 1790s, today Caucasian women are in a position to imagine a different division of gender roles for themselves.

References

- Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. Is. 3-1 (Special issue): 1415-2265.
- Gapurov, 2003 – Gapurov, Sh.A. (2003). K voprosu o "nabegovoi sisteme gortsev" [About the question of the "raiding system of the highlanders"]. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region*. 4: 27-33. [in Russian]
- Klychnikov, 2020 – Klychnikov, Yu.Yu. (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.
- Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011 – Klychnikov, Yu.Yu., Tsybul'nikova, A.A. (2011). «Tak buinuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) [«So the laws are oppressing violent liberty...»: the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. *Pyatigorsk*. P. 255. [in Russian]
- Kolesov, Sen', 2020 – Kolesov, D.I., Sen', D.V. (2020). "Preprovozhdaya zdes' doshedshee ot pochtenneishego anapskogo Mustafy-pashi oreginal'noe pis'mo i perevod s onogo...": praktiki rossiisko-osmanskoj kommunikatsii v Severnom Prichernomor'e (1792-1828 gg.) ["Accompanying here the original paper came from the most venerated Mustafa pasha of Anapa and a translation from it...": Russian-Ottoman communication's practices at the Northern Black Sea coastshore (1792-1828)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 12: 602-645. [in Russian]

[Kurbanova, 2012](#) – *Kurbanova, L.U.* (2012). Pravovaya kul'tura kak faktor gendernoi identifikatsii zhenshchiny-chechenki [Legal culture as a factor of gender identification of a Chechen woman]. *Teoriya i praktika sotsial'nogo razvitiya*. 3: 42-44. [in Russian]

[Kurbanova, 2016](#) – *Kurbanova, L.U.* (2016). Smena sotsial'nykh gendernykh praktik v menyayushchemsya mire: problemy i protivorechiya (na primere sotsiologicheskikh issledovaniy sredi zhenshchin Severnogo Kavkaza) [Changing Social Gender Practices in a Changing World: Problems and Contradictions (on the Example of Sociological Research among Women in the North Caucasus)]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*. 11-1(15): 82-84. [in Russian]

[Mutieva, 2017](#) – *Mutieva, O.S.* (2017). Zhenshchiny kak ob'ekt pleneniya i rabotorgovli v kontekste Kavkazskoi voyny [Women as an object of captivity and slave trade in the context of the Caucasian War]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. 3: 47-51. [in Russian]

[Peretyatko, 2021](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2021). Slavery as an Element of the Culture of Crossborder Dialogue in the Caucasus on the Cusp of the Eighteenth and Nineteenth Centuries (based on the Circassian Slave Narratives by A. A. Cherkasov). *Terra Sebus*. 13: 207-229.

[Potto, 1887](#) – *Potto, V.A.* (1887). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. Vol. I. SPb. P. 737. [in Russian]

[Shcherbina, 1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack Host]. Vol. II. Ekaterinodar, 1913. P. 848 [in Russian]

[Shoranova et al., 2021](#) – *Shoranova, Z.V., Vindizheva, A.O., Zhelegotova, R.M., Reshetnikova, N.N.* (2021). Dekonstruksiya traditsionnogo gendernogo poryadka v severokavkazskom obshchestve v nachale XXI veka [Deconstruction of traditional gender order in the North Caucasian society at the beginning of the XXI century]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii*. 2(48): 138-149. [in Russian]

[Shoranova, 2009](#) – *Shoranova, Z.V.* (2009). K voprosu o traditsionnykh sotsiokul'turnykh rolyakh zhenshchin na Severnom Kavkaze [Traditional female roles in North Caucasus]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 12-2: 136-140. [in Russian]

[Sirazhudinova, 2022](#) – *Sirazhudinova, S.V.* (2022). Gender i frontir na Severnom Kavkaze [Gender and the Frontier in the North Caucasus Region]. *Vestnik Antropologii*. 2: 128-140.

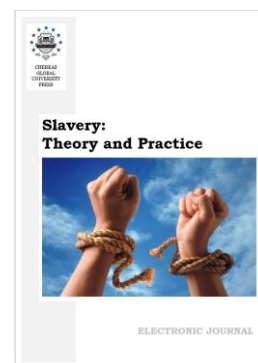
[Šmigel', 2020](#) – *Šmigel', M.* (2020). Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods". *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 19-36.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Slavery: Theory and Practice
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2500-3755
2022. 7(1): 70-85

DOI: 10.13187/slave.2022.1.70
<https://stp.cherkasgu.press>

On the Representatives of the Russian Side with Deviant Behavior, including the Trade in Prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th – mid-19th centuries

Sergei L. Dudarev ^{a,*}

^a Russian Geographical Society, Russian Federation

Abstract

The article deals with the stories of Russians who found themselves among the highlanders of the Trans-Kuban region at the end of the 18th - the middle of the 19th centuries, as a result of the raiding activities of the Circassian parties during military operations, or some other circumstances inherent in military everyday life, or voluntarily. It should be noted that the original reason for the capture of these specific individuals was the desire to end their dependent position and their usual, legal, but somewhat inconvenient way of existence (serfs, Cossacks burdened by service, soldiers tired of drill, etc.). In other words, this is a category of people prone to deviant behavior. Among them were those who can be called “double” fugitives: initially they fled from their landowners, and then fled from the mountaineers back to the Russian side.

The author identifies 5 groups of Russians, which are characterized by deviant deviations: group 1 – Cossacks – “slave owners”; Group 2 – people prone to escape, or vagrancy; Group 3 – serfs who fled to gain freedom in the Don and the Caucasus; Group 4 – people who fled from punishment and by chance were captured by the mountaineers; Group 5 – representatives of the civil service, who entered into a criminal conspiracy with the mountaineers-slavers. Such cases of deviant behavior are, according to the author, part of the human panorama of the frontier with its uncertainty. According to some modern Russian historians, the Caucasus, as a hidden space in the system of the empire, remained relevant for a long time for a large number of people who wanted to hide from justice. Their movements can be considered from the point of view of the definition of “local resettlement”.

Keywords: frontier, deviant behavior, vagrancy, local resettlement, defectors, mountaineers, Circassians, slave trade.

1. Введение

В тематике пленопродавства/рабовладения на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – середине XIX вв. присутствует один аспект, который представляет интерес для отдельного рассмотрения. Он имеет отношение к судьбам россиян, которые оказались, как это нередко бывало в ту эпоху, среди горцев в результате их захвата при набеговой деятельности черкесских партий или в ходе военных действий, или каких-то других обстоятельств, присущих военной повседневности (пленение солдат, казаков, крестьян, занимавшихся заготовкой сена, дров, и т.п., отправлявших личные надобности, и пр.), либо добровольно (дезертирство из воинских команд или казачьих куреней). Но изначальной причиной того, что эти конкретные лица в конечном счете оказались в неволе у северокавказцев, было то,

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

что они попали туда вследствие стремления покончить со своим зависимым положением и привычным, законным, но чем-либо неудобным способом существования или желания изменить «правила игры», характерные для конкретного социального статуса (крепостные крестьяне, казаки, отягощаемые службой, солдаты, уставшие от муштры и т.д.). Другими словами, это категория людей, склонных к *девиантному поведению*, вплоть до авантюризма. Подобные случаи девиации являются частью человеческой панорамы фронта с его неопределенностью (Т.М. Барретт). Они характеризуют определенные социопсихологические типы людей, которые в специфических условиях фронта получили свое выражение и своеобразную самореализацию. Для нашей темы весьма существенно и то, что важной частью модели поведения ряда россиян, склонных к девиации, *была причастность к захвату пленников и торговля ими*. При этом этих субъектов не смущало то, что захваченные ими люди были соотечественниками, принадлежали к одному с ними этносу и вероисповеданию.

Целью данного исследования является характеристика тех категорий россиян, которые оказались в близких контактах с горцами, в том числе были и пленены ими, в силу своего стремления нарушить привычный уклад жизни, рискнуть пойти против общепринятого порядка, но не путем прямого бунта, а с помощью перемещения в те края, где этот порядок еще не работал по всей своей строгости.

Задачи – выяснить причины, приведшие к миграции ряда россиян на территорию Северо-Западного Кавказа, специфику их пребывания в черкесской среде, особенности поведения, их социальную и материальную поддержку, возможные градации лиц, представлявших Россию на левом берегу Кубани и личные качества «девиантников».

2. Материалы и методы

Источниками по исследованию данной темы для нас служат, прежде всего, обширные архивные материалы из ГАКК, изданные недавно А.А. Черкасовым (Cherkasov, 2020: 1415-2266), среди которых нами выделены те, которые имеют отношение к интересующему нас аспекту деятельности российских перебежчиков и плененных в Закубанье (Ф. 249, 250, 261, 324, 686). Они позволяют охарактеризовать особенности девиантного поведения россиян в контексте тогдашней действительности, яркой чертой которого у ряда этих людей были их занятия по захвату и продаже плененных.

Объектом исследования служат российские подданные, в силу тех или иных обстоятельств оказавшиеся в черкесском Закубанье в конце XVIII – середине XIX вв.; предметом – социально-политическое поведение этих лиц.

Общенаучные принципы, применяемые при написании статьи, – историзм и объективность. Принцип историзма способствует исследованию феномена российских перебежчиков в русле тех или иных социально-экономических, политических и других реалий конца XVIII – середины XIX вв., имевших место в изучаемом регионе. С опорой на принцип научной объективности нами выполняется анализ имеющихся источников, содержащих сведения о деятельности российских перебежчиков и пленников среди горцев.

Методы, применяемые в данной статье: анализ источников, с помощью которого устанавливается наиболее объективная и полная информация о предмете исследования; историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический методы, которые дают возможность выяснить специфику поведения представителей России, ставших перебежчиками к горцам или оказавшихся у них в плену и воспринявших несвойственные им ранее стереотипы поведения, особенно связанные с работоторговлей; а также оказавшихся у них в связи со своими попытками скрыться от владельцев или властей либо находившихся на российской службе, но вступивших в сговор с противоположной стороной в целях личного обогащения.

3. Обсуждение

Тема беглых россиян, оказавшихся у горцев, ранее неоднократно рассматривалась рядом историков-кавказоведов. Она имела место еще у дореволюционных авторов, повествовавших о жизни дезертиров в имамате Шамиля и у черкесов Северо-Западного Кавказа (Волконский, 2011: 8-35, 41-48; Загорский, 2011: 8, 18; Кавказский офицер, 2011: 28-31, 42-44; Вердеревский, 2013: 263, 280 и др.). Проявляли к ней интерес и иностранные

наблюдатели (Лапинский, 1995: 143-148; Лонгворт, 2002: 144, 171-172; Белл, 2007а: 90-91, 102, 269; 2007б: 110, 116, 152-153). Тема русских перебежчиков и пленников была поднята в обобщающих трудах конца советской эпохи (История народов Северного Кавказа..., 1988: 154-155) и отдельных работах авторов того времени (Головлев, 1990: 38-42; Дударев, 1990: 42-45), крайне редко встречаясь ранее (Косвен, 1961: 254-256). Современные российские исследователи – В.В. Лапин, Е.В. Брацун, Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян, Н.Н. Великая, Д.С. Дударев, С.Л. Дударев и др. – ранее неоднократно освещали положение и статус российских перебежчиков в горских обществах в исследуемый период, а также причины их появления там (Лапин, 2008: 250-254; Письменная, 2010: 49-51; Клычников, Лазарян, 2018: 31, 34-35; Klychnikov, Lazaryan, 2018: 31-39; Клычников, Лазарян, 2019; Великая, 2013: 84-91; Великая, Белецкая, 2014: 80-90; Брацун, 2014: 19; Дударев С., 1994: 13-15; Дударев Д., 2016: 19-20; Дударев Д., Дударев С., 2017: 201-202; Лазарян, Маслова, 2022: 404-409). Особенно выделим в данном случае труды Ю.Ю. Клычковой и С.С. Лазаряна, которые наиболее подробно изучили ситуацию с польскими беглецами в стан горцев. Однако новым словом, на наш взгляд, в этом вопросе стали работы молодого краснодарского историка Н.С. Степаненко (Степаненко, 2019), в том числе его совсем недавнее квалификационное исследование (Степаненко, 2022). Этот автор дал концептуальное осмысление явления перебежчиков, включив его в феномен «локальных переселений» на Северо-Западном Кавказе. Он произвел сравнительное исследование причин бегства к горцам военнослужащих регулярных и иррегулярных формирований, особенности социального положения беглецов в горской среде, отношение к ним властей и т.д.

Не обошли вниманием эту тему и зарубежные ученые, к которым относится американец М. Ходарковский, исследовавший перипетии жизненной судьбы одного из самых известных российских перебежчиков – С. Атарщикова (Ходарковский, 2016).

Таким образом, тема перебежчиков, а также пленных и тех, важной чертой деятельности которых была торговля невольниками, и в целом – лиц, оказавшихся у горцев как добровольно, так и вынужденно, требует дальнейших исследований, в том числе с точки зрения характеристики их ментальных свойств и особенностей поведения, питательной средой для которых была обстановка фронта.

4. Результаты

В результате изучения опубликованного архивного материала (Cherkasov, 2020: 1415-2266), имеющегося в нашем распоряжении, удалось выделить несколько групп перебежчиков и пленных, отличающихся друг от друга по мотивам и способам действия.

1 группа – казаки-«рабовладельцы», т.е. те, кто занимался захватом в плен своих соотечественников и продавал их горцам. Опишем несколько типичных ситуаций, связанных со спецификой их «деятельности». Так, два казака Черноморского войска Щербиновского куреня – Юначенко и Бадрак – в 1803 г. получили от полкового командира Кухаренко билеты для заработков на войсковой земле. Затем они отправились в г. Керчь и поступили на рыбный завод некоего грека Лолуды Посполитаки, где находились на лодке вместе с еникольскими (от Еникале – Новой крепости, основанной османами в 1699 г.) мещанами Я. Кубавцем (иногда в документе – Кубанцем), Н. Боярченко и Н. Орловым. Когда казаки хотели вернуться назад по окончании осеннего лова после расчета с хозяином, Я. Кубавец принес от него водку и передал, что хозяин якобы велел им идти для ловли рыбы в Бугаз – бухту в районе Судака. Юначенко и Бадрак согласились, вооружившись снастями для рыболовства, основательно выпили водку и отправились в путь со своими сотоварищами. Кубавец, который был в этой группе за главного, поскольку описан потерпевшими как атаман, приказал своим подопечным спать. Сам же направил лодку совсем в другое место. Когда казаки проснулись на рассвете, то увидели перед собой незнакомый город. На их вопросы атаман ответил, что это город Анап (т.е. турецкая крепость Анапа) и здесь его отечество. При высадке на берег все были взяты под арест. Поскольку Кубавец (Кубанец) и Боярченко назвались турецкоподданными, то со всем своим имуществом были оставлены в Анапе. Юначенко и Бадрака вместе с Орловым, не пожелавшими оставаться здесь, отправили в Бугазский карантин, т.е. в распоряжение российских властей. Прибыв туда, казаки дали показания, что были не в курсе о замысле своих товарищей похитить их. Юначенко и Бадраку повезло: анапский паша в данной

ситуации не пошел на поводу у «своих» Кубавца и Бадаченко и передал пленных российской стороне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 1-10б).

Еще один случай, который можно отнести к первой группе, связан с тем, что 19 сентября 1815 г. на Новоекатери́нинский кордон черкесы представили (привели на обмен) казака Кирило Головню и солдат Анапского гарнизонного полка П. Тимофеева и М. Гусарченко. Последние были подвергнуты допросу и показали следующее: К. Головня 10 или 11 числа прошлого августа (т.е. 1814 г.), будучи отпущен сотником «для справления разной надобности в селении Титаревском» (нынешняя станица Старотитаровская – Авт.), на Рахмановской косе был захвачен пятью человеками в черкесском одеянии, но русскими по происхождению. Впрочем, имя одного – Бесурмян – вызывает сомнение в таковом. Скорее всего, это прозвище данного субъекта. Оно может указывать как на вероисповедание, так и на историю контактов данного лица (или его предков?) с окружающим миром. Все пятеро были вооружены. Головня, которого целый день держали в камышах, был подвергнут допросу о расположении близлежащих (?) хуторов и их населении. После захода солнца вся компания проследовала по дороге на Тамань к Ахтанизовскому лиману. На берегу они встретили двух солдат Анапского гарнизонного полка Тимофеева и Гусарченка (Гусарченко) и взяли их с собой. По пути «инициативная группа» хотела разграбить хутор полкового есаула Безуглого, но этому помешало то обстоятельство, что на хуторе было много солдат. Добыв там хлеба (вероятно, скрытно послав туда кого-то из членов группы), двинулись к Кубани и натолкнулись на бахчу Безуглого, которую охранял хорунжий Муравейник. Бесурмян ранил Безуглого выстрелом из ружья, а Нечипоренко добил раненого пикой. Набрав арбузов, группа вышла к Кубани, где была их лодка. На ней они прибыли на черкесский (т.е. левый) берег. Отправившись в горы, группа прибыла к аулам. Здесь пленные были проданы черкесам, которые купили их для обмена и привели на Новоекатери́нинский кордон (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 693. Л. 79-800б.). Очевидно, что казаки-«рабовладельцы», или (если быть более точными) пленовладельцы (и пленопродавцы), являлись дезертирами по отношению, по-видимому, к Черноморскому войску, и вообще российским властям Черномории.

2 группа – фигуранты, склонные к побегам либо бродяжничеству, в том числе неоднократно переходившие с одной стороны на другую.

Один из документов ГАКК повествует о том, что в мае 1810 г. из черкесского плена бежали однодворец Воронежской губернии Павловского уезда И. Антонов и казаки Черноморского войска Аксентий (Авксентий) Веселий, Николай Дмитренко и Степан Зенченко. Причины, по которым они оказались в плену, были различными. Если Антонов, находившийся в Одессе, пытался бежать к запорожцам, находившимся в турецких владениях, но был по пути схвачен турками и продан ими черкесам (которые и привезли его на Кубань), то казаки были захвачены при набеге закубанцев на селение Ивонивское (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 604. Л. 39-390б.).

В другом случае нахичеванский¹ армянин Д. Хачиков в августе 1811 г. сообщал российским властям, что три года назад (т.е. в 1808 г.), выполняя просьбу полковника российской службы Султана Али, по торговым делам был в Закубанье, где в шапсугских владениях видел у закубанского армянина Чантемира (судя по имени – черкесога) российскоподданного Давида, который являлся ясырем у Чантемира. При этом Хачиков сообщил о том, что там же купил четырех пленных казаков, которые более года назад бежали от него (случай имел место, по-видимому, в первой половине 1810 г.), при этом с ними бежал и россиянин Давид, содержавшийся отдельно от этих казаков (вероятно, имел место сговор для побега лиц, находившихся в одном населенном пункте). Но затем в апреле 1811 г. Хачиков вновь видел Давида у черкесов, который, по его собственным словам, бежал к ним добровольно (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 604. Л. 70). Судя по всему, Давид – типичный представитель «девиантников», один из типов фронта.

¹ Имеется в виду Нахичевань-на-Дону, город, основанный армянами, переселенными из Крыма по указу Екатерины II в 1790 г.

Еще одним представителем данной группы является другой бежавший из Закубанья, первоначально назвавший себя при опросе – Степан, Федоров сын. Впоследствии выяснилось, что беглец на самом деле является Петром Степановым.

Первоначально этот фигурант сообщал, что 15 лет назад горцы напали на село Пашковку (Пашковский курень) и, как и многих жителей села захватили его самого, всех его родных и увели в аул Бадышеева, напротив укрепления Шапсуго, где Лжестепан находился 10 лет и использовался на разных работах. Затем пленник бежал, был схвачен и продан в аул Бухи, где прожил еще 5 лет. Оттуда бежал в форт Лазарев. При опросе он сообщил сведения о горцах, которые могли иметь ценность для командирования, а именно, что в этом году у горцев хороший урожай, хотя еще совсем недавно был голод, свинец им доставляют турки, причем горцы очень надеются на то, что турки помогут и с припасами, порох сами делают из травы (?). Заразная болезнь, т.е. эпидемии, существует по некоторым аулам, вызывая сильную смертность у черкесов. В ауле Бадышеева эпидемии не было. Беглец сообщал, что не совершал преступлений, будучи в плену (т.е. не участвовал в набегах; сам этот факт указывает на то, что некоторые россияне, оказавшиеся у горцев, были замечены в этом деле). О намерениях черкесов совершить нападение на российскую сторону ему неизвестно. Впоследствии беглец признался, что имеет другое имя и фамилию. Он не знает своих родителей, с малых лет бродяжничал по разным местам Черномории, к горцам попал в 10 лет при захвате Пашковского куреня. Изменение показаний, причем неоднократно, как и попытка изменить имя и фамилию, возможно, было связано с тем, что первоначально Петр Степанов, по-видимому, боялся наказания за бродяжничество (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1516. Л. 1-3. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1516. Л. 5-6).

Следующая, 3 группа, – крепостные крестьяне, бежавшие для обретения свободы на Дон и Кавказ и затем попавшие в неволю к горцам.

Лица, истории которых будут описаны ниже, можно назвать «двойными» беглецами: первоначально они бежали от своих владельцев-помещиков, по воле случая оказались в плену, а затем уже бежали от горцев обратно на российскую сторону.

В сентябре 1823 г. из Закубанья «выбежал» российскоподданный крестьянин (фамилия и имя не обозначены) Тульской губернии Каширова уезда, села Машинова, принадлежавший майору Воронину, от которого бежал в 1812 г. в г. Георгиевске. После этого бродяжничал в линейных станицах, а в 1814 г. бежал через р. Сунжу к черкесам (т.е. к чеченцам). Там он, видимо, оказался в плену. Новые хозяева продали его абадзеху дворянину (уорку) Седихаю, от которого фигурант и бежал на российскую сторону. Здесь полагали, что задержанный может знать черкесский язык и дать информацию о враждебных намерениях шапсугов и натухайцев (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 34. Л. 70-71). Данный случай указывает на то, что побег мог быть совершен во время нахождения крестьянина с владельцем на кавказской территории.

Приводимые ниже прецеденты указывают на то, что чаще побеги совершались из европейской части Российского государства. Так, человек, бежавший из Закубанья в январе 1841 г., первоначально дал следующие показания. Он представился крестьянином Воронежской губернии Волчанского уезда селения Голодаевка помещика графа Шереметьева Василием Федоровым, 45 лет, который весной 1837 г. якобы отлучился по паспорту в пределы войска Донского на заработки. Здесь он-де жил у разных людей по временным паспортам, пока в сентябре 1839 г. не отправился в Черноморию, сначала в курень Старокорсунский, затем в курень Пашковский с намерением дойти до Екатеринодара. По пути Федоров был схвачен 4 черкесами, выбежавшими из-за кустов. Они обобрали его, отняли 50 руб. заработанных ранее денег и паспорт. Затем пленник прошел через руки нескольких владельцев, последним из которых был черкес Нагой, использовавший пленного на разных работах. От него пленник и бежал в укр. Абинское. Но дальнейшее расследование выяснило, что задержанный был вовсе не Василием Федоровым, а Григорием Шаповаленко (он же Шевченко), крестьянином Екатеринославской губернии Славяносербского уезда слободы Бобредаровки, принадлежавшим помещику Мийоковичу, самовольно бежавшим в Ростов, потом в Таганрог и затем оказавшимся на Кубани. В отношении его истории в плену уточнений не последовало, видимо, все, сказанное им по поводу нахождения у горцев, было на самом деле.

Несмотря на выявленный обман, задержанный был взят на поруки, но в ноябре 1842 г. бежал от поручителя, сманив с собой крепостную девицу войскового старшины Литевского (который, видимо, и поручился за Федорова-Шаповаленко-Шевченко) Параскеву Логвиненкову, после чего следы беглецов теряются (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1544. Л. 2-3, 7, 29-29об.).

Близкий случай выявлен в другом документе из ГАКК. В нем фигурируют материалы допроса двух пленных крестьян, назвавшихся Иваном и Василием Смирновыми – дядей и племянником. Они сообщили о себе, что якобы являются уроженцами Саратовской губернии Кузнецкого уезда села Терехиотовой. Оба были женаты, преступлений не совершали и бежали-де в поисках «единственно для сыскания себе пропитания и зарабатывания денег на уплату подушных податей» на Кавказскую линию. Здесь они находились у жителя слободы Сенгилеевской Ивана Маншина, договорившегося с ними взять их на работу для косьбы сена. Во время работы на покосе в 10 верстах от этой слободы были взяты в плен ночью шестью закубанцами. В плену находились с 1838 года до апреля 1841 года. Выбрав удобный случай, бежали и прибыли к Славянскому посту, где были переправлены через реку Кубань по распоряжению начальника поста. Но дальнейшее расследование показало, что оба беглеца скрывали свои настоящие имена и место происхождения для того, чтобы замести следы. Иван Смирнов оказался Иваном Самокруткиным, Саратовской губернии Кузнецкого уезда села Трахиотова, крестьянином помещицы княгини Белосельской-Белозерской. Взят в плен в июне 1838 года близ Ставрополя, где работал на сенокосе. Василий же Смирнов оказался Василием Якимовым Витебской губернии Полоцкого уезда слободы Куликовой. После бегства бродяжничал. В 1842 году Василий Смирнов был определен в острог, но бежал и не был отыскан казаками (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1317. Л. 3-4об., 16, 18-19).

В эту же группу входит и история двух беглых крестьян Екатеринославской губернии Бахмутского уезда хутора Грузского – Федора Андреева и Василия Каплуна. Они бежали от помещика в крепость Анапу с намерением «причислиться в закубанские поселенцы». По прибытии на место три недели находились на работах у разных жителей, после чего, отправившись в лес с отрядом для рубки дров, были захвачены закубанцами в плен. В марте 1841 г. бежали в укрепление Афипское (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1505. Л. 3-4). Их случай в принципе аналогичен двум рассмотренным выше, но отличается тем, что беглые крестьяне не пытались скрыть факт своего бегства от владельца-крепостника. Родственность этой группы предыдущей заключается в том, что большинство описанных случаев связано с тем, что возвращение из плена у горцев вовсе не остановило некоторых беглецов от новых авантур.

4 группу составляют лица, бежавшие от наказаний и по воле случая оказавшиеся в плену у горцев.

Таков был некто Федор Ковжик, который, принадлежа к Березанскому куреню Черноморского войска, не состоял на военной службе, но был «при Бейсутском воинском начальстве сторожем при арестантской тюрьме». Однажды он был послан за преступником Петром Жеребцем, который занимался шитьем сапог у неизвестного ему чиновника (случай использования арестанта для личных нужд знакомыми начальствующими над исправительными работами). При этом, возможно, ожидая своего подопечного, Ковжик заснул и преступнику удалось бежать. Незадачливый конвоир, боясь ответственности за недосмотр преступника, и сам бежал в Екатеринославскую губернию, где был пойман и отдан за бродяжничество в арестантскую роту. Отбывая наказание на Кавказской линии в Кавказской крепости, однажды находился на работе с двумя такими же арестантами и двумя караульными солдатами. На них напали черкесы и увели за Кубань, в горы. Здесь Коржик пробыл 20 лет, неоднократно пытаясь бежать. От своего последнего владельца князя Анчока Кончукова бежал вместе с пленным солдатом из того же аула в крепость Подмогильную (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1483. Л. 2-2об., 7).

Из рапорта о задержании казака Черноморского войска, Брюховецкого куреня Саввы Нещадима от июля 1816 г. явствует, что он был под судом в «Таманском начальстве». Нещадим в мае того же года, находясь с другим подсудным казаком Иваном Бороздкою на покосе у местного начальника Б. Тищенко, бежали из района Бугаза в направлении Калауса. Но по пути они были захвачены группой черкесов из 7 человек, переправившихся на российскую сторону. Пленных разделили и отвели в горы. Через две недели Нещадим

бежал, прихватив в собой похищенное им имущество у черкесов (два казана, ружье, две сабли и пр.). Переправившись на плоту через Кара-Кубань¹, он нашел затем черкесскую лодку и поплыл с намерением пробраться в пределы Черноморского войска, но был при этом задержан. О судьбе другого похищенного ничего не знал. Находившиеся при задержанном кожаный мешок с зерном (тулук) и одежда сожжены (видимо, из соображений безопасности) (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 29-30).

Наконец, 5 группу составляли субъекты, находившиеся на государственной службе и вступившие с горцами, занимавшимися торговлей людьми, в преступный сговор.

К ним относится пока что всего один выявленный фигурант, но зато с весьма подробно документированной историей. Это гвардион, т.е. карантинный сторож, Влас Степанов, служивший в Сухум-Кале, который с 1853 г. стал главным российским терминалом на восточном берегу Черного моря.

21-го сентября 1852 года он вышел из Сухум-кале на турецком баркасе шкипера Али Мустафы. При этом гвардион Степанов имел предписание: не приставать к берегам, фактически не находящимся под прямым российским управлением; в случае же необходимости высадки на берег при возникновении, говоря современным языком, нештатной ситуации, отслеживать, чтобы пассажиры «не смели нисколько общаться» (с посторонними лицами), и не позволять шкиперу принимать на борт пассажиров и груз без ведома российского начальства и фиксации в судовом журнале. Если же шкипер не будет выполнять указаний гвардиона и не следовать инструкциям, то по прибытии в порт об этом необходимо немедленно сообщить российским властям. Говоря о дальнейшем следовании судна, укажем, что время его прибытия в пункт назначения – форт Головинский (нынешняя Головинка – осталось неизвестным. 18-го октября 1852 года упомянутый баркас отправился из форта Головинского в укрепление Бомборы (Абхазия), т.е. двинулся в обратную сторону (через 27 дней после выхода из Сухума).

28-го октября 1852 г., т.е. через 10 дней, черкесские лазутчики дали знать властям, что баркас пристал к неприятельскому берегу между фортами Головинским и Навагинским (в Вардане), т.е. остановился по дороге и намерен нагрузить рабов («50 душ девок») для продажи в Турции, и что гвардион баркаса отдан в плен горцам. Однако баркас не мог так долго идти из Головинки до Навагинского форта (недалеко от нынешней Хосты). Возможно, что баркас пришел еще раньше и маскировался, что обычно делалось контрабандистами и работорговцами в таких случаях, по берегам местных небольших речек, впадающих в море. Но лазутчики этого сразу не зафиксировали (?).

Интересно то, что 5-го ноября 1852 года лазутчики повторно (?) сообщали, что баркас (кочерма) приставал в урочище Вардане; но поскольку тогда еще не были собраны все «пассажиры», т.е. рабы, предназначенные к отправлению в Турцию (на месте оказалось слишком мало людей для вывоза), то баркас, приняв некоторое число пассажиров из горцев, потом выгрузил их на месте и отплыл в укрепление Св. Духа (в направлении нынешнего Адлера), оттуда возвратился в Вардане уже в ночь на 5 ноября, т.е. очень быстро. Но если в это время гвардион Степанов был уже пленен, то как кочерма смогла так быстро вернуться в Вардане? Судно не выпустили бы в плавание в укреплении, не будь на нем гвардиона. На следствии Степанов сознался, что баркас приставал к неприятельскому берегу еще до 5 ноября 1852 года, что объясняет такую длительность путешествия из Головинского до Вардане и укр. Св. Духа.

Сведения о маневрах баркаса были переданы, как указано в документе из ГАКК, начальнику 1-й половины команд азовских казаков – подполковнику Бараловичу², который,

¹ Согласно словарю Брокгауза и Ефрона, Кара-Кубань — часть р. Кубани, которая начинается в 90 верстах от моря, ниже отделения от нее рукава, известного под названием Протоки и впадающего в Азовское море. Кара-Кубань на протяжении нескольких десятков верст протекает по очень болотистой местности, заросшей камышами и усеянной многочисленными озерцами и лиманами, по так называемым плавням. По этой причине на берегах ее почти нет никаких поселений. URL: <https://broukgaufefon.slovaronline.com/48427-KARA-KUBAN> (Дата обращения: 4.10.22).

² Скорее всего, имеется в виду Яков Никифорович Барахович. См его в Неполном реестре казаков Азовского казачьего войска (<https://textarchive.ru/c-2363146.html>) (Неполный реестр..., 2022) (дата

донося об этом вице-адмиралу Л.М. Серебрякову, добавил, что преданный российским властям горец из убыхов Пата Чизма видел гвардиона Степанова (в Вардане?) в доме одного почетного горца из того же племени, который угощал его как лучшего гостя. Сам же Степанов на следствии, наконец, сознался, что баркас действительно приставал к берегу на половине пути между фортами Навагинским и Головинским, но для того, чтобы набрать дрова. Во время этой остановки к шкиперу приходили из гор два турка, с которым он имел беседу не более часа. После окончания разговора и трапезы турки ушли обратно, а баркас направился в укрепление Св. Духа. Здесь Степанов по совету шкипера, пугавшего гвардиона тем, ему же будет хуже, а взятие дров – дело вполне невинное, ничего не сообщил властям об этой остановке.

После того как баркас вернулся в Вардане за нужной партией «живого товара», судя по показаниям Степанова на следствии, шкипер втащил баркас в речку и оставался более 20 дней в горах, выжидая удобного случая для отправки за границу. Степанова передали какому-то горцу верстах в 5 от берега. У этого горца гвардион и находился до дня отправки баркаса, нагруженного более «40 душами обоого пола», в османские владения. Степанов-де упрекал шкипера в его противозаконных действиях, но тот обещал дать ему восемьдесят рублей в качестве взятки, а потом, когда гвардион отказался от денег, стал угрожать смертью. После этого Степанова посадили на баркас, отплыли в море и по прибытии через три дня к турецким берегам сгрузили невольников городе Нризо (возможно, город Ризе?)¹, а российского представителя отправили на фелюге в город Батум, дав ему при этом двадцать один рубль серебром (вероятно, в качестве платы за молчание). Степанов вначале якобы не принял этих денег, но затем ввиду отсутствия средств к существованию взял их на том-де основании, что не знал, как долго пробудет за границей. Затем в Батуме он явился к российскому вице-консулу и по наущению шкипера и матросов, как сказано в документе – «по глупости», не сказал ему правды, а объяснил, что прибыл сюда ввиду неблагоприятной погоды, и, получив от консула бумагу, 6 декабря отправился из Батума на баркасе другого шкипера в Редут-Кале², а оттуда 14 декабря 1852 года был препровожден в г. Сухум.

В конце концов, вице-адмирал Л.М. Серебряков обратился к командующему Отдельным Кавказским корпусом³ с представлением за № 297 от 18 мая 1854 года, касающимся судьбы В. Степанова.

Он отметил, что подсудимый Степанов не сознался в согласии на вывоз в Турцию горцев обоого пола, объяснив, что нагрузка баркаса людьми сделана во время задержания его в горах и что шкипер угрожал ему лишением жизни. По мнению Серебрякова, это показание не может быть принято ввиду того что: 1. баркас в первый раз своего прибытия в урочище Вардане принял некоторое число пассажиров из горцев и потом выгрузил их на месте; имело место действительное отправление из этого пункта горцев в пределы Турции; эти факты подтверждаются лазутчиками. Показания Степанова о времени

обращения: 5.10.22). В указанном реестре он фигурирует как Никитович. Проф. О.В. Матвеев нашел в РГВИА формулярный список войскового старшины Азовского войска Якова Никифоровича Бараховича. Он был, как указывает историк, блестящим организатором борьбы с контрабандой и черкесским пиратством. Весьма интересно, что по мнению покойного В.А. Захарова, этот деятель послужил М.Ю. Лермонтову прототипом контрабандиста Янко в повести «Тамань». О.В. Матвеев привел убедительные доказательства того, что это не так (Матвеев, 2014: 247-250).

¹ Ризе – город в северо-восточной Турции, в Лазистане. Находится относительно недалеко от границы с современной Грузией и г. Батуми (в интересующее нас время – границы Российской империи).

² Редут-Кале – город-крепость, заложенный русскими войсками на побережье Черного моря в 1804 г. в семнадцати верстах к северу от Поты в устье р. Хопи. После распада Российской империи Редут-Кале был переименован в Кулеви.

³ Любопытно, что в это время М.С. Воронцов, который еще совсем недавно был наместником и командующим ОКК, уже покинул Тифлис (март 1854 г.), а Н.Н. Муравьев (будущий Муравьев-Карский) еще не заступил на эту должность (назначен 29.11.1854). Поэтому судьбу гвардиона Степанова, по-видимому, решали чиновники, исправлявшие функции управления Кавказом в отсутствие «первого лица». Трудно сказать, утвердили ли они представление Л.М. Серебрякова, но если дело «долежало» до нового наместника, то нет сомнений в том, что, с учетом характера этого администратора, предложенные вице-адмирала по части шпицрутенов и каторжных работ были утверждены во всех своих жестоких подробностях (Берже, 2022).

стояния в урочище Вардане «несообразны фактам». 2. Степанов, позволив шкиперу пристать в Вардане в первый раз, скрыл этот факт в укр. Св. Духа и впоследствии перед русским вице-консулом в Батуми. Он скрыл вывоз горцев в Турцию и ложно объяснил свое прибытие в Батум неблагоприятной погодой. 3. Степанов взял от шкипера взятку в размере 21 руб. серебром, предложенную по выгрузке в Турции привезенных на баркасе горцев. 4. Один из лазутчиков сообщил о пребывании Степанова в то время, когда баркас приставал к черкесскому берегу (т.е. в Вардане), в гостях у одного почетного горца, который оказал ему прием как лучшему гостю. В итоге подсудимого Степанова за содействие турецкому шкиперу в вывозе горцев в пределы Турции, получение взятки и ложные показания наказать шпицрутенами «через пятьсот человек три раза» и на основании «432 ст. 1 кн. 1 час. СВП(?) и 1861 и 2132 ст. уложения о наказаниях уголовных и исправительных», лишить воинского звания и всех прав состояния и приговорить к каторжным работам в крепостях на шесть лет. Это решение было представлено на рассмотрение вышестоящего начальства [ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1364. Л. 12-16об].

Следует заметить, что, несмотря на допущенные им нарушения, Степанов (и любой другой гвардион) объективно обладал минимальными возможностями для исполнения своего долга, ибо длительно находился один перед враждебно настроенными иностранными моряками и не имел возможности принудить их к неуклонному выполнению требований, что значило обречь себя на большую опасность. Другими словами, Влас Степанов, оказавшись в непрестом положении, по-видимому, решил не усложнять себе жизнь и оказаться на положении настоящего пленника, дав себя уговорить тем, кто хотел приобрести его лояльность и сговорчивость в деликатном деле. Но это все же не пошло ему на пользу. Гвардион Степанов получил очень тяжелое наказание. Эта история показывает, насколько трудно было российским представителям вести в тех условиях борьбу с контрабандистами и работорговцами на восточном берегу Черного моря. Данное противостояние в условиях слабой таможенной сети требовало большого личного мужества, добросовестности и высокой профессиональной подготовки, которой обладали далеко не все российские служащие.

5. Заключение

Переходя к выводам по проведенному анализу, следует заметить следующее: из приведенных 5 групп две – 1 и 5 – имели отношение к лицам, прямо или косвенно замешанным в работорговле. Наиболее откровенно в этом отношении проявляли себя «казаки-рабовладельцы», которые сотрудничали с горцами в деле порабощения своих соплеменников и единоверцев, совершая это в корыстных целях. В данной группе носители криминальных замыслов могли действовать как скрытно, используя для своих намерений совместную производственную деятельность с потенциальными жертвами, так и открыто, перехватывая в пути тех российских военнослужащих, которые по каким-либо причинам отбились от своих воинских частей либо выполняли те или иные поручения. О подобных лицах писал и Н.С. Степаненко (Степаненко, 2019: 29-34).

Единственный представитель 5-й группы, гвардион В. Степанов, не принимал прямого участия в торговле невольниками¹, но способствовал этому собственной позицией по отношению к служебным обязанностям (сговор с работорговцами в целях личного обогащения), не считая возможным идти до конца в исполнении своего долга.

Показательны представители 2-й и 3-й групп, весьма близкие друг другу. Они являются наиболее репрезентативными с точки зрения склонности к «вольной жизни», «экстриму», авантюрам. Люди, включенные во 2-ю группу, самую пеструю из всех, либо хотели бежать к запорожцам, находящимся в Османской империи (одноворец И. Антонов), либо бродяжничали и могли попасть к горцам без специального намерения оказаться у них, по причине форс-мажорных обстоятельств (выходец из казачества Петр Степанов). Здесь их ждало рабство. Еще одним участником этой группы был любитель «приключений»

¹Кстати, не будем забывать о том, что не всех невольников, вывозимых из Черкесии, следует строго рассматривать в качестве таковых: некоторые современные российские исследователи, например докторант Кембриджа А. Кумыков, рассматривают самопродажу в рабство теми ими иными западными черкесами как средство социальной мобильности, поскольку это давало им возможность помочь семье или сделать карьеру в Османской империи (Черкесия в планах великих держав, 2022).

россиянин Давид (социальное положение неизвестно), являвшийся ясырем, т.е. рабом-пленником (военнопленным)¹, у черкесогая Чантемира, бежавший от него, но тем не менее добровольно вернувшийся в Закубанье. О людях восточнославянского происхождения, сходных судьбой с Давидом, не спешивших возвращаться на российскую сторону и адаптировавшихся у горцев, Е.С. Тютюниной и нам приходилось писать ранее ([Судьбы кавказских пленников, 1998](#); [Сборник научных работ..., 2011: 389](#)).

Представители 3-й группы, беглые крестьяне, имели явные намерения скрываться от своих владельцев на Дону (который в изучаемое время был уже, скорее, промежуточной «станцией» по пути на юг), но особенно на Северном Кавказе – Ставрополье, Черномории или у сунженских чеченцев (Федоров-Шаповаленко-Шевченко, Иван Смирнов-Самокруткин, Василий Смирнов-Якимов, Федор Андреев, Василий Каплун) – либо имели склонность к бродяжничеству (безымянный крестьянин Тульской губернии). От представителей предыдущей группы отличались прежде всего тем, что меняли имена и фамилии или тщательно скрывали их, стремясь уйти от наказания за побег от владельца (назовем их условно «конспираторами»).

Как уже отмечалось выше, лица, отнесенные к 4-й группе, боялись ответственности за допущенную провинность, что привело к обстоятельствам, приведшим к плену (Ф. Ковжик, С. Нецадим).

При всем том мало кто из названных фигурантов бежал к горцам сознательно (Давид и безымянный крестьянин Тульской губернии), что четко указывает на то, что большинство из представленных в нашей работе лиц, находившихся у горцев, не имели иллюзий относительно сочувствия к себе с их стороны, что и выразилось в бегстве большинства из них обратно к «своим». В литературе, приведенной в начале статьи, неоднократно упоминаются факты того, что черкесы, как правило, порабощали беглых солдат, казаков и крестьян. По-другому поступали имам Шамиль и его наиб Магомет-Амин, правивший у абадзехов, по-своему использовавшие беглых россиян в борьбе с Российским государством. И дело было не только в использовании тогдашних, условно говоря, «диссидентов» для подрыва российской системы на Кавказе. Исследователи уже отмечали, что на беглых чужаков имаму и его ближайшим сподвижникам можно было опереться как на своего рода «преторианцев», свои же горцы были, как правило, связаны сетью патриархально-клановых обязательств и установок, которые могли входить в противоречие со строящейся имаматской государственностью.

В проанализированном материале лишь представители 1-й группы напрямую сотрудничали с горцами и сознательно укрывались у них, имея с таковыми общие интересы по части продажи пленных. Таких людей в своих работах приводят Ю.Ю. Клычников, Н.Н. Великая и Е.М. Белецкая, Н.С. Степаненко и др. К этой группе в определенной степени тяготеет россиянин Давид ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 604. Л. 70](#)), включенный нами в группу 2. Феномен подобных персонажей В.В. Лапин толкует как результат «приватизации» войны, когда абреки легко находили общий язык с русскими дезертирами. Он рассматривает прежде всего солдат, которые принадлежали к кавказским полкам, превратившихся в особое «племя» ([Лапин, 2008: 254](#))².

Что же касается изучаемой эпохи, то появлению персонажей вроде представителей нашей 1-й группы или того же Давида, а также всей описанной совокупности людей 1-5 групп и им подобных, то следует хорошо понимать, что возникновение феномена беглецов, бродяг, авантюристов и прочих носителей девиантного поведения, которых было в те времена немало не только на Северо-Западном Кавказе, но и во всем этом самобытном

¹ Esir – узник войны, пленный (тур.).

² Беря шире, по пути данной «приватизации», или, говоря по-другому, «окавказивания» россиян, попадавших на Кавказ служить и жить, постепенно шли не только военные, но и гражданские лица. В свое время М.Ю. Лермонтов отказал «статским» в праве называться настоящими кавказцами ([Лермонтов, 1965: 140](#)). Но время неизбежно привело в будущем к возникновению еще не одной популяции «гражданских» кавказцев ([Дударев, 2022: 145-158](#)). Они не мыслят себя вне России, но отличаются глубоким интересом к истории и культуре многонационального Кавказа, им более понятны ментальность, традиции и психология кавказцев, нежели представителям Центра. Впрочем, это уже другая история.

крае, было обязано своим появлением обстановке фронта, территории неопределенности (по Т.М. Барретту) (Барретт, 2000), которая рождала человеческие и социальные типы, отличавшиеся порой большим колоритом, что хорошо увидел А. Дюма (Великая, Белецкая, 2014: 86). Не употребляя термина «фронт», С.С. Лазарян и О.Б. Маслова, развивая, в частности, наблюдения некоторых известных современников изучаемой эпохи (Л.Н. Толстой, Г.И. Филипсон), а также отдельных российских авторов начала XXI в. (Я. Гордин), указывают на то, что кавказская географическая среда была готова поглотить и спрятать кого угодно, а местный дух свободы и традиции кавказской вольницы в здешних социумах давали шанс скрыться от властей. Они верно отмечают тот факт, что Кавказ как *потайное пространство в системе империи* довольно долго оставался актуальным для большого числа людей (Лазарян, Маслова, 2022: 404-409).

Впрочем, установление имперской стабильности во всех ее вариациях (самодержавная, советская) привело фактически к его исчезновению. Но как только советская империя пошатнулась в 1980-е гг., а затем и была обрушена, как откуда ни возмись в горах Кавказа снова завелись подневольные работники, возобновились набеги, которые трансформировались в терроризм, возникли рабские рынки (Грозный времен Дудаева и Масхадова), кирпичные заводы с применением практически рабского труда и т.п. А это со всей необходимостью говорит о том, что фронт, который, казалось бы, давно прекратил свое существование, никуда не делся. Он ушел в ментальность (Ю.Ю. Клычников), откуда, как выяснилось, этот феномен при определенных условиях (ослабление российской государственности) может легко конвертироваться в повседневную жизнь. Ныне обстановка в регионе характеризуется относительной стабильностью.

Реалии Северо-Западного (и в целом Северного) Кавказа рассматриваемого периода, в том числе феномен локальных переселений, приведший к перемещениям человеческих масс по обе стороны тогдашнего противостояния между немирными горцами и Россией в условиях трудной, но неизбежной интеграции северокавказцев в состав Российского государства, как видим, по-прежнему являются предметом пристального внимания и изучения историков-кавказоведов. Несмотря на достигнутые успехи в исследовании данной темы, следует выявлять новые архивные материалы, которые помогут полнее раскрыть социально-политические и иные процессы на российском Кавказе. Это залог того, что исследователи будут неуклонно приближаться ко все более глубокому познанию специфики рассмотренных выше процессов, и особенно их человеческой составляющей.

Литература

Барретт, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский фронт России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Самара, 2000. Т. 2. Императорский период. С. 163-194. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.greenactor.ru/?bookid=706> (дата обращения: 2.09.2021).

Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 407 с.

Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. В двух томах. Т. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 327 с.

Берже, 2022 – Берже А.П. Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе. [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Muravjev_Karskij_N_N/text7.php (дата обращения: 24.10.2022).

Брацун, 2014 – Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. 26 с.

Вердеревский, 2013 – Вердеревский Е. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854–1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. В трех частях / Кавказ: В плену у горцев. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. Вып. 13. Т. 2. С. 155-348.

Великая, 2013 – Великая Н.Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар: «Эдви», 2013. С. 84-91.

Великая, Белецкая, 2014 – *Великая Н.Н.* Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: АГПА, 2014. 232 с.

Волконский, 2011 – *Волконский Н.* Семь лет в плену у горцев (1849–1856). Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев // *В плену у горцев*. Вып. 4. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 3-67.

Головлев, 1990 – *Головлев А.А.* К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля / Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 38-42.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Дударев, 1990 – *Дударев С.Л.* О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. / Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 42-45.

Дударев, 1994 – *Дударев С.Л.* Эпизод у Прочноокопа: еще раз о беглых и пленных русских солдатах и казаках у горцев в XIX в. / *Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции (сентябрь 1994 г.)*. Армавир, 1994. С. 13-15.

Дударев, 2016 – *Дударев Д.С.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2016. 26 с.

Дударев, Дударев, 2017 – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Дударев, 2022 – *Дударев С.Л.* К истории Северного Кавказа XVI – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 382 с.

Загорский, 2011 – *Загорский И.* Восемь месяцев в плену у горцев // *В плену у горцев*. Вып. 6. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011 (Народы Кавказа: страницы прошлого), 2011. С. 3-24.

История народов Северного Кавказа, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т. 2. М.: Наука, 1988. 659 с.

Кавказский офицер, 2011 – *Кавказский офицер.* В плену у шапсугов // *В плену у горцев*. Вып. 2. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 24-45.

Клычников, Лазарян, 2018 – *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

Клычников, Лазарян, 2019 – *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* Польские инсургенты в рядах немирных горцев. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 84-90.

Косвен, 1961 – *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961. С. 254-256.

Лазарян, Маслова, 2022 – *Лазарян С.С., Маслова О.Б.* Кавказское пограничье как потаенное пространство в реалиях России XIX века // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022. Т. 9(3). С. 404-409.

Лапинский, 1995 – *Лапинский Т. (Тэффик-бей).* Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 463 с.

Лапин, 2008 – *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: «Европейский дом», 2008. 400 с.

Лермонтов, 1965 – *Лермонтов М.Ю.* Кавказец / *Собрание сочинений*. Т. 4. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. С. 137-140.

Лонгворт, 2022 – *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов. В 2 т. Лондон, 1840. Нальчик, 2002. 541 с.

Матвеев, 2014 – *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.

Неполный реестр..., 2022 – Неполный реестр казаков Азовского казачьего войска (1829–1865 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2363146.html> (дата обращения: 05.10.22).

Письменная, 2010 – *Письменная Т.Г.* О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. // *Вопросы южнороссийской истории*. М.-Армавир, 2010. Вып. 16. С. 49-51.

Сборник научных работ..., 2011 – Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. 558 с.

Степаненко, 2022 – *Степаненко С.Н.* Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830–1860-е гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2022. 30 с.

Судьбы кавказских пленников, 1998 – Судьбы кавказских пленников (1817–1853 гг.) / Сост. Е.С. Тютюнина; под ред. В.Б. Виноградова. Армавир-Нальчик, 1998. 58 с.

Ходарковский, 2016 – *Ходарковский М.* Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. 232 с.

Cherkasov, 2020 – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266.

Черкесия в планах великих держав, 2022 – Черкесия в планах великих держав. Хроника с Вачагаевым. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/QEO47CFptyg> (дата обращения: 24.10.22).

Klychnikov, Lazaryan, 2018 – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 31-39.

Stepanenko, 2019 – *Stepanenko N.S.* Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. 4(1): 29-34.

References

Barrett, 2000 – *Barrett, T.M.* (2000). *Linii neopredelennosti: severokavkazskij frontir Rossii* [Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasian Frontier]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya*. Samara, 2000. T.2. Imperatorskij period. Pp. 163-194. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (date of access: 02.09.2021). [in Russian]

Bell, 2007 – *Bell, Dzh.* (2007). *Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov* [Diary of stay in Circassia during 1837–1839]. V dvuh tomah. T.1. Nal'chik: El'-Fa, 407 p. [in Russian]

Bell, 2007 – *Bell, Dzh.* (2007). *Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov* [Diary of stay in Circassia during 1837–1839]. V dvuh tomah. T.2. Nal'chik: El'-Fa, 327 p. [in Russian]

Berzhe, 2022 – *Berzhe, A.P.* (2022). *Nikolaj Nikolaevich Murav'ev vo vremya ego namestnichestva na Kavkaze* [Nikolai Nikolaevich Muravyov during his governorship in the Caucasus]. [Electronic resource]. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Muravjev_Karskij_N_N/text7.php (date of access: 24.10.2022). [in Russian]

Bracun, 2014 – *Bracun, E.V.* (2014). *Gorcy Severo-Zapadnogo Kavkaza na voinskoj sluzhbe Rossii (konec XVIII – XIX vv.)* [Mountaineers of the North-Western Caucasus in the military service of Russia (late 18th – 19th centuries)]: thesis dis. ... kand. ist. nauk. Krasnodar, 26 p. [in Russian]

Cherkasov, 2020 – *Cherkasov, A.A.* (2020). *The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)*. *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Cherkesiya v planah velikih derzhav, 2022 – Черкесия в планах великих держав. Хроника с Вачагаевым [Circassia in the plans of the great powers. Chronicle with Vachagaev]. [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/QEO47CFptyg> (date of access: 24.10.22). [in Russian]

Dudarev, 2016 – *Dudarev, D.S.* (2016). *Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny XIX veka*: thesis diss. kand. ist. nauk [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half of the 19th century: author. diss. cand. ist. sciences]. Armavir, 26 p. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – the middle of the 19th century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

Dudarev, 1990 – *Dudarev, S.L.* (1990). O beglyh i plennyh rossijskih soldatah i kazakah u gorcev v XIX v. [About fugitive and captured Russian soldiers and Cossacks among the mountaineers in the 19th century]. *Istoki i tradicii russko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolucionnom proshlom*. Groznyj, pp. 42-45. [in Russian]

Dudarev, 1994 – *Dudarev, S.L.* (1994). Epizod u Prochnookopa: eshche raz o beglyh i plennyh russkih soldata i kazakah u gorcev v XIX v. [The episode at Prochnookop: once again about the fugitive and captured Russian soldiers and Cossacks among the mountaineers in the 19th century]. *Prochnookopskij istoriko-kul'turnyj mnogougol'nik. Materialy konferencii (sentyabr' 1994 g.)*. Armavir, pp. 13-15. [in Russian]

Dudarev, 2022 – *Dudarev, S.L.* (2022). K istorii Severnogo Kavkaza XVI – nachala XXI veka. Sbornik nauchnyh statej i recenzij [On the history of the North Caucasus in the 16th – early 21st century. Collection of scientific articles and reviews]. Armavir: AGPU; Stavropol': Dizajn-studiya B, 382 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Territory].

Golovlev, 1990 – *Golovlev, A.A.* (1990). K voprosu o beglyh i plennyh russkih u Shamilya [On the issue of fugitive and captured Russians from Shamil]. *Istoki i tradicii russko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolucionnom proshlom*. Groznyj, pp. 38-42. [in Russian]

Hodarkovskij, 2016 – *Hodarkovskij, M.* (2016). Gor'kij vybor: vernost' i predatel'stvo v epohu rossijskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza [A Bitter Choice: Loyalty and Betrayal in the Era of the Russian Conquest of the North Caucasus]. M., 232 p. [in Russian]

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza, 1988 – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza* (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. T.2. M.: Nauka. 659 p. [in Russian]

Kavkazskij oficer, 2011 – *Kavkazskij oficer*. V plenu u shapsugov [Captured by the Shapsugs]. *V plenu u gorcev*. Vyp.2. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»), 2011. Pp. 24-45. [in Russian]

Klychnikov, Lazaryan, 2018 – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 31-39.

Klychnikov, Lazaryan 2018 – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). «Nabezhavshimi hishchnikami vzyat v plen...»: polyaki v nevole u gorcev Severnogo Kavkaza [“Captured by ran-on predators...”: Poles in captivity among the mountaineers of the North Caucasus]. Pyatigorsk: PGU, 84 p. [in Russian]

Klychnikov, Lazaryan, 2019 – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2019). Pol'skie insurgenty v ryadah nemirnyh gorcev [Polish insurgents in the ranks of non-peaceful mountaineers]. Pyatigorsk: PGU. Pp. 84-90. [in Russian]

Kosven, 1961 – *Kosven, M.O.* (1961). Etnografiya i istoriya Kavkaza: Issledovaniya i materialy [Ethnography and history of the Caucasus: Research and materials]. M., pp. 254-256. [in Russian]

Lapin, 2008 – *Lapin, V.V.* (2008). Armiya Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII-XIX vv. [The Russian army in the Caucasian war of the XVIII-XIX centuries] SPb.: «Evropejskij dom», 400 p. [in Russian]

Lapinskij, 1995 – *Lapinskij, T. (Teffik-bej)* (1995). Gorcy Severnogo Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba protiv russkih. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkazcev [Mountaineers of the North Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik Bey), colonel and commander of the Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Nal'chik: El'-Fa, 463 p. [in Russian]

Lazaryan, Maslova, 2022 – *Lazaryan, S.S., Maslova, O.B.* (2022). Kavkazskoe pogranich'e kak potayonnoe prostranstvo v realiyah Rossii XIX veka [The Caucasian borderland as a hidden

space in the realities of Russia in the 19th century]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 9(3): 404-409. [in Russian]

Lermontov, 1965 – *Lermontov, M.Yu.* (1965). Kavkazec [Caucasian]. *Sobranie sochinenij*. T.4. M.: Izd-vo «Hudozhestvennaya literatura», pp. 137-140. [in Russian]

Longvort, 2022 – *Longvort, Dzh.A.* (2022). God sredi cherkesov [Year among the Circassians]. V dvuh tomah. London 1840. Nal'chik, 541 p. [in Russian]

Matveev, 2014 – *Matveev, O.V.* (2014). Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [Caucasian war: from the front to the frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi, 272 p. [in Russian]

Nepolnyj reestr..., 2022 – *Nepolnyj reestr kazakov azovskogo kazach'ego vojska (1829–1865 gg.)* [Incomplete register of the Cossacks of the Azov Cossack army (1829–1865)]. [Electronic resource]. URL: <https://textarchive.ru/c-2363146.html> (date of access: 05.10.22). [in Russian]

Pis'mennaya, 2010 – *Pis'mennaya, T.G.* (2010). O begstve staroverov na territorii severokavkazskih gorcev v pervoj polovine XIX v. [About the flight of the Old Believers in the territory of the North Caucasian mountaineers in the first half of the 19th century]. *Voprosy yuzhnorossijskoj istorii*. M.; Armavir. Vyp. 16. Pp. 49-51. [in Russian]

Sbornik nauchnyh rabot, 2011 – *Sbornik nauchnyh rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya* [Collection of scientific works of Sergei Leonidovich Dudarev: articles, materials, reviews. To the 60th anniversary of his birth]. M.: Ileksa, 2011. 558 p. [in Russian]

Stepanenko, 2019 – *Stepanenko, N.S.* (2019). Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 29-34.

Stepanenko, 2022 – *Stepanenko, S.N.* (2022). Lokal'nye pereseleniya na Severo-Zapadnom Kavkaze v usloviyah integracii regiona v sostav Rossijskoj imperii (1830–1860-e gg.): avtoref. diss. kand. ist. nauk [Local migrations in the Northwestern Caucasus in the context of the integration of the region into the Russian Empire (1830–1860s): Thesis. diss. cand. hist. sciences]. Pyatigorsk, 30 p. [in Russian]

Sud'by kavkazskih plennikov, 1998 – *Sud'by kavkazskih plennikov (1817–1853 gg.)* The fate of the Caucasian captives (1817-1853) [The fate of the Caucasian captives (1817–1853)]. Sost. E.S. Tyutyunin; pod red. V.B. Vinogradova. Armavir-Nalchik, 1998. 58 p. [in Russian]

Velikaya, 2013 – *Velikaya, N.N.* (2013). Plennye slavyane v gorah Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captured Slavs in the mountains of the North-Western Caucasus]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza*. Vyp. 7. Nauchn. red, sost. O.V. Matveev. Krasnodar: «Edvi», pp. 84-91. [in Russian]

Velikaya, Beleckaya, 2014 – *Velikaya, N.N.* (2014). Kazaki Severo-Vostochnogo Kavkaza i ih sosedi v dorevolucionnom proshlom (po istoricheskim, fol'klornym i literaturnym istochnikam) [Cossacks of the North-Eastern Caucasus and their neighbors in the pre-revolutionary past (according to historical, folklore and literary sources)]. Armavir: AGPA, 232 p. [in Russian]

Verderevskij, 2013 – *Verderevskij, E.* (2013). Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' o vos'mimesyachnom i shestidnevnom (1854–1855) prebyvanii v plenu u Shamilya semejstv pokojnogo general-majora knyazya Orbeliani i podpolkovnika knyazya Chavchavadze, osnovannaya na pokazanii lic, uchastvovavshih v sobytii. V trekh chastyah [Captivity at Shamil. A true story about the eight-month and six-day (1854–1855) stay in captivity by Shamil of the families of the late Major General Prince Orbeliani and Lieutenant Colonel Prince Chavchavadze, based on the testimony of persons participating in the event. In three parts]. *Kavkaz: V plenu u gorcev*. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»). Vyp.13. T.2. pp. 155-348. [in Russian]

Volkonskij, 2011 – *Volkonskij, N.* (2011). Sem' let v plenu u gorcev (1849-1856). Ocherki politicheskogo i domashnego byta kavkazskih gorcev [Seven years in captivity among the highlanders (1849-1856). Essays on the political and domestic life of the Caucasian mountaineers]. *V plenu u gorcev*. Vyp. 4. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»), pp. 3-67. [in Russian]

Zagorskij, 2011 – Zagorskij, I. (2011). Vosem' mesyacev v plenu u gorcev [Eight months in captivity at the mountaineers]. V plenu u gorcev. Vyp.6. Nal'chik. Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (ООО «Poligrafservis» i Т»). (Narody Kavkaza: stranicy proshlogo), pp. 3-24. [in Russian]

О представителях российской стороны с девиантными чертами поведения, включая торговлю пленными, на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – середине XIX вв.

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Русское географическое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются истории россиян, оказавшихся среди горцев Закубанья в конце XVIII – середине XIX вв. в результате набеговой деятельности черкесских партий в ходе военных действий или каких-то других обстоятельств, присущих военной повседневности, либо добровольно. Следует обратить внимание на то, что изначальной причиной пленения этих конкретных лиц было стремление покончить со своим зависимым положением и привычным, законным, но чем-либо неудобным способом существования (крепостные крестьяне, казаки, отягощаемые службой, солдаты, уставшие от муштры и т.д.). Другими словами, это категория людей, склонных к девиантному поведению. Среди нее были и те, кого можно назвать «двойными» беглецами: первоначально они бежали от своих владельцев-помещиков, а затем бежали от горцев обратно на российскую сторону.

Автор выделяет 5 групп россиян, для которых характерны девиантные отклонения: 1 группа – казаки-«рабовладельцы»; 2 группа – люди, склонные к побегам либо бродяжничеству; 3 группа – крепостные крестьяне, бежавшие для обретения свободы на Дон и Кавказ; 4 группа – лица, бежавшие от наказаний и по воле случая оказавшиеся в плену у горцев; 5 группа – представители государственной службы, вступавшие с горцами-работоторговцами в преступный сговор. Подобные случаи девиантного поведения являются, по мнению автора, частью человеческой панорамы фронта с его неопределенностью. По мнению некоторых современных российских историков, Кавказ как потаенное пространство в системе империи довольно долго оставался актуальным для большого числа людей, желавших скрыться от правосудия. Их перемещения можно рассматривать с точки зрения дефиниции «локальные переселения».

Ключевые слова: фронт, девиантное поведение, бродяжничество, пленники, перебежчики, локальные переселения, горцы, черкесы, работоторговля.

* Корреспондирующий автор

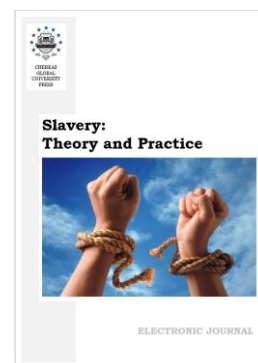
Адреса электронной почты: dudarev51@mail.com (С.Л. Дударев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2022. 7(1): 86-94

DOI: 10.13187/slave.2022.1.86
<https://stp.cherkasgu.press>

To the Issue of the System of Punishment of Slaves in the Caucasus in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries

Anatolii V. Honcharenko ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the analysis of the system of punishment of slaves in the Caucasus during the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries. The collection of documents of the State Archive of the Krasnodar Krai, published by A.A. Cherkasov, as well as memoir sources (memoirs of F.F. Tornau, Ed. Spencer, Ad. Berger, etc.) were used as sources. The methodological basis was the content analysis method, historical-system, historical-genetic and historical-semiotic methods, synthesis, as well as mathematical/statistical method.

The highlanders had three categories of slaves: unautas – the personal property of the owner, pshitli – serfs, ogi – financially dependent. Punishments were applied to the first two categories.

The system of punishment included a wide list of penalties, which consisted of physical violence, namely: murder, mutilation, beatings, starvation, detention in a pit.

The most common punishment was beatings, the severity of which depended on the severity of the offense. Murder was a rare punishment that was used for serious violations, in particular when using or attempting to use any violence against the owner, his relatives or guests, as well as (in extreme cases) to intimidate Russian prisoners of war slaves and captured Russian deserters-slaves. Even theft and escape were not punished by murder, although they brought a loss to the owner. Mutilation as a form of punishment was usually applied to slaves who committed theft, but it was rarely practiced, since it significantly reduced the price of a slave. Keeping slaves in a pit as a form of punishment was used for prisoners of war or deserters of the Russian army during escape attempts (in anticipation of ransom) or in cases of insubordination (along with beatings). Starvation as a punishment was usually applied to escaped or obstinate slaves and was combined with the above punishment – holding in a pit. They also practiced selling for hard work or using for hard labor.

Keywords: slavery, slaves, slave relations, slavery in the Caucasus, punishments for slaves.

1. Введение

Проблема невольничьих отношений на территории Кавказа является достаточно дискуссионной темой, причем полемика вокруг нее началась еще в конце XVIII века, когда путешественники, военные, дипломаты стали привозить сведения оттуда.

Как известно, рабство и работорговля были весьма прибыльным делом, поэтому и первое, и второе весьма процветали на Кавказе в первой половине XIX века. Тяжелое положение зависимого населения (прежде всего – лично зависимых категорий и крепостных крестьян) вынуждало его бежать к русским крепостям, о чем содержится масса

* Corresponding author

E-mail addresses: a.goncharenko@yur.sumdu.edu.ua (A.V. Honcharenko)

подтверждений в архивных материалах. Также среди рабов на Кавказе был весьма распространен суицид.

Почему положение рабов было таким тяжелым и каким образом их наказывали за провинности? В данной работе мы попробуем осветить систему наказания рабов на Кавказе на основе источников – архивных материалов и мемуаров.

2. Материалы и методы

Материалом для данной работы послужили документы Государственного архива Краснодарского края, а также воспоминания очевидцев, военных и путешественников XIX века на Кавказе.

Основным источником стала коллекция из 1200 документов Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), посвященная невольничьим отношениям на Кавказе, опубликованная А.А. Черкасовым в работе «The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)» (Cherkasov, 2020).

Из мемуарных источников были привлечены воспоминания Дж. Белла «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1838 гг.» (Белл, 2007), Ад. Берже «Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского географического общества» (Берже, 1858), Ф.Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» (Торнау, 1864), А. Фонвиля «Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца» (Фонвиль, 1927), С. Смоленского «Воспоминания кавказца» (Смоленский, 1875), Эд. Спенсера «Путешествия в Черкесию» (Спенсер, 1839), М. Вагнера о казахах, проживавших на Кавказе в 1843–1846 годах (Вагнер, 1974), Фр. Монпере «Путешествие вокруг Кавказа» (Монпере, 2010) и др.

Много материалов о Кавказе в целом и невольничьих отношениях в частности содержится в трехтомной работе П.Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год» (Бутков, 1869), а также в «Сборнике статистических сведений о Кавказе» (в масштабах данной работы нами использован 1-й том сборника) (Сборник статистических сведений, 1869).

Методологическую основу составляет комплекс специальных исторических и общенаучных методов исследования:

- метод контент-анализа (историографический/источниковый анализ) применялся для анализа источников и литературы по вопросам системы наказаний для невольников, проживавших на кавказской территории;
- историко-системный метод – анализ системы наказаний невольников был произведен в связи с экономической, демографической, социальной, политической обстановкой на Кавказе;
- историко-генетический метод применялся для выявления причинно-следственных связей института рабовладения и социально-экономической и политической обстановки кавказских территорий;
- метод синтеза был использован для резюмирования результатов исследования системы наказаний для невольников на Кавказе;
- математический (статистический) метод применялся для подсчета процентного соотношения социальных групп на Кавказе и количественного сравнения;
- историко-семиотический метод применялся для обозначения категорий зависимого населения Кавказа; он подразумевает также использование исторических и военно-исторических терминов, определений, понятий.

3. Обсуждение

Проблему невольничьих отношений исследователи начали активно обсуждать еще с момента появления русских экспедиционных военных сил и переселенцев на Кавказе. Традиционно мы выделяем дореволюционную, советскую и современную историографию.

Среди дореволюционных исследователей рабства на Кавказе отметим труд Д. Зубарева об этнографическом составе населения Кавказа и его нравах (Зубарев, 1842), этнографический очерк быта и нравов черкесов К.Ф. Сталя (Сталь, 1900), работу Ф.А. Щербина, в которой рассматривается история Кубанского казачьего войска, однако тема рабства у горцев в ней затрагивается весьма глубоко (Щербина, 1913), а также сборник

«Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа», изданный А.А. Каспари (Каспари, 1904).

Из советских исследований отметим работы Г. Кокиева, в которых автор делает этнографический и социально-культурный анализ народов Осетии (Кокиев, 1926), М.В. Покровского, анализирующего аналогичные аспекты быта и нравов адыгов в конце XVIII – первой половине XIX вв. (Покровский, 1989), а также исследование В.А. Золотарева и И.А. Козлова, посвященное деятельности российского военного флота на Черном море и в Восточном Средиземноморье, в котором среди прочего затрагивается тема работорговли и рейдерских операций против турецких рабовладельческих судов (Золотарев, Козлов, 1988).

Из современных исследователей проблемой рабства на Кавказе занимались А.А. Черкасов, В.Г. Иванцов, М. Шмигель, А. Валу, В.С. Молчанова (Ivantsov et al., 2017; Cherkasov et al., 2018; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2016a и др.), Г. Раджович, Д. Ежевски, А. Вазерова, М. Трайлович (Rajović et al., 2018), В.Б. Виноградов, Н.А. Гусева, Е.И. Иноземцева (Виноградов, Гусева, 2001; Иноземцева, Виноградов, 2000), Д.Г. Анучин (Анучин, 2001), Л.Н. Хлудова, А.А. Цыбулькинова (Хлудова, Цыбулькинова, 2016), Чуприна Е.А. (Чуприна, 1997), Ю.Ю. Клычников, С.И. Линец (Клычников, 2004; Клычников, Линец, 2006), Т. Лапинский (Лапинский, 1995) и др.

Вместе с тем указанные работы не акцентировали внимание на системе наказаний, принятых для невольников на Кавказе; этим обуславливается актуальность данной работы.

4. Результаты

Как известно, невольничьи отношения были весьма широко распространены на Кавказе.

В частности, А.А. Черкасов, опираясь на данные Сборника статистических сведений (Сборник статистических сведений, 1869: 29), указывает, что население¹ одного только Закубанского края (Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский, Эльборусский округа) составляло 79 459 жителей, из которых 17 630 так или иначе подпадали под определенную долю зависимости. Здесь необходимо отметить, что зависимое население делилось на три категории: унауты (рабы), пшитли (зависимые/закрепощенные крестьяне) и оги (люди, находящиеся в денежной зависимости, а именно – обязанные уплачивать оброк). Полноценными невольниками были лишь унауты – 3 172 чел. (из которых 1 056 мужского и 2 116 женского пола) из почти 80 тыс. населения, или около 4 %. Пшитли (обоих полов) было 14 325 чел., то есть закрепощенных крестьян было около 18 % населения; если сравнивать данное процентное соотношение с Российской империей до отмены крепостного права, то в сравнении с ней ситуация на Кавказе выглядела значительно лучше, так как в России крепостные крестьяне составляли основу населения. Количество оги было ничтожным (всего 163 чел.), поэтому на статистику представители данной категории зависимых никак не влияли. Предметом работорговли были только унауты (то есть «полноценные» рабы – личная собственность своего хозяина), следовательно, в данном исследовании речь идет в основном об этой социальной группе, хотя наказания применялись и к пшитли. Также нельзя не отметить тот факт, что среди унаутов лиц женского пола было в два раза больше, чем мужского (до учета отправки в Турцию, где история их теряется), что говорит о ценности в качестве невольников именно лиц женского пола.

Что касается наказаний, то наиболее распространенным было физическое насилие, а именно – побои, которые применялись при любом удобном случае: «...поднялся было скочить в воду, как еще небольшая глубина; то с них один вдруг ударил его наземь в бок, так что порезал платье и малую часть тела, от чего он пришел с страх, на дальней глубине не осмелился, за друзей поступить надо» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 12-120б.). Побои были самым распространенным и наиболее часто применяемым видом наказания (Берже, 1858).

Другим, хотя и весьма редким наказанием, было убийство, которое применялось за серьезные нарушения, в частности при применении (или попытке применения) насилия к хозяину, его родственникам или гостям. За побег такое наказание обычно не применялось, так как раб стоил немалых денег/скота (и прочих благ), а экономическую выгоду горцы

¹ По состоянию на 1865 год.

ценили превыше всего, о чем указывают многие мемуаристы XIX века, в частности Ф.Ф. Торнау (см., например, [Торнау, 1864](#)) или А. Берже (см., например, [Берже, 1858](#)).

Если дело касалось военных русских пленников, то убивали их в том числе и при неповиновении, с одной стороны, с целью острастки других дезертиров/военнопленных невольников, с другой стороны – из боязни причинения насилия горцам при попытке побега. В частности, это подтверждает письмо европейских военнослужащих на службе у Османской империи, переданное вместе с вызволенными у работорговцев русскими военнопленными, которые попали в плен к горцам во время рыбной ловли на реке Кубань: «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы паши оригинальное письмо и перевод с оногo, предписываю Вашему высокоблагородию захваченных верного войска Черноморского казаков Андрея, Егора, Карпа, Авагима и Дмитрия, бывших на Кубани для рыбной ловли, из коих один уже убит, а прочие связаны и доставлены в возможной скорости, отыскав непременно обратить их в прежнее жительство, дабы тем по силе заключенных с Портою Оттоманской мирных договоров избежать всякого произойти могущего неудовольствия, и по исполнении мне отрапортовать» ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 34](#)).

Убийство рабов, как уже было сказано, на Кавказе практиковалось редко, так как даже престарелый раб обладал определенной ценностью и был полезен в хозяйстве; зачастую, как правило, раба было выгоднее продать, чем убить. Известен случай, когда даже 73-летнего невольника мужского пола постоянно перепродавали (однако в итоге ему удалось бежать; за 4 месяца до бегства он был перепродан вновь) ([ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 448. Л. 12-15](#)).

Но когда убивали рабов часто, так это контрабандистами при угрозе захвата судна русским патрулем. Убийство (прежде всего русских пленников) применялось турецкими рабовладельцами при захвате судна русским рейдером, хотя данная мера наказанием может служить весьма косвенно, так как больше является деянием, целью которого является сокрытие преступления. Ф.А. Щербина указывает, что в 1830–1840-х годах турецкие капитаны возили в Турцию, помимо горских рабов, и русских пленных, однако при обнаружении судна русским патрульным кораблем топили последних, боясь гнева российских моряков; иногда «компанию» русским рабам в подобных случаях составляли и черкесские невольники – контрабандисты из-за страха наказания экстренно избавлялись от «живого товара». Вместе с тем автор указывает, что черкешенок было весьма много спасено с контрабандистских судов, но русских – никогда ([Щербина, 1913: 219-221](#)).

Мемуаристы (в частности, Эдмонд Спенсер, Федор Торнау и др.) указывают, помимо вышеуказанных наказаний, еще и морение голодом (как правило, это касалось русских военнопленных в 1830–1840-х годах), дабы сделать их менее строптивыми и ослабить их для предотвращения побега из специальных ям, где держали военнопленных (см., например, [Спенсер, 1839: 80](#)).

Также в качестве наказания в случае неповиновения использовали импровизированный «карцер» – глубокую яму, из которой было невозможно выбраться и в которой иногда сидело по несколько пленников, «в ней же принимая пищу и справляя всякую нужду» ([Торнау, 1864: 241](#)). Описание подобных случаев нашло широкое отражение в художественной литературе, в частности в повести Л.Н. Толстого «Кавказский пленник», где главным героям – Жилину и Костылину – предстояло провести некоторое время в таком «карцере».

И, наконец, своего рода наказанием для невольника была продажа на тяжелые работы (или использование в каторжном труде за провинность). К таковым принуждали даже родственников: «...остался малолетним живущим в помянутом ауле у черкеса дальнего родственника..., но... принуждал тяжелейшими работами, за труды не давал денег и не одевал равно и пищи мало давал, то он намерение возымел бежать в оную крепость и явиться к русскому Генералу под покровительство, просить его переселить на всегдашнее жительство в российские пределы» ([ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 94. Л. 7-70б.](#)).

Практиковавшиеся в разные времена и у различных народов увечья применялись у горцев в отношении рабов достаточно редко, так как это значительно снижало цену потенциального «живого товара» ([Каспари, 1904: 329-330](#)). Хотя в архивных материалах случаи нанесения увечий изредка, но упоминаются: «Материалы опроса Павла Бодреченко. 28 апреля 1839 г. ...Этот последний мой хозяин как он, так и дети его обходились со мной

весьма жестоко с нанесением мне... побоев. ...Нестерпимое сие истязание склонило меня оставить проживать среди такого народа, где нет снисхождения к человечеству». Как следует из материалов опроса, допрашиваемый был весьма плутоват, за что и подвергался наказаниям, в чем признается сам: «...хозяин Аписалко будучи неблагодарным к моим ему трудам, то я вознаградил себя тайным изъятием из его дома хорошей одной шашкой ножны серебром облитые двумя объемами полоса частая особенной шлифовки, из турецкой материи шелковых двух концов 15 аршин желтой, 16 аршин ситца, 16 аршин миткалю, 28 аршин со всем этим счастли прошел в укрепление Николаевское...» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1594. Л. 171-172об.). Косвенно можно предположить, что увечьем в основном каралось воровство.

Подтверждений других наказаний, таких как разлучение с семьей, различного рода пытки и пр. мы в источниках не нашли. Принуждение к принятию веры (Лапинский, 1995: 145) вряд ли справедливо считать наказанием, так как, во-первых, это делалось рабом в целом добровольно (при помощи обмана, угрозы, лести, плохого обращения и пр.), во-вторых, его не применяли в качестве взыскания за какой-либо проступок.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. У горцев было несколько категорий невольников: унауты (рабы – личная собственность хозяина), пшитли (крепостные крестьяне) и оги (люди, находящиеся в финансовой зависимости; они не влияли на статистику, так как их количество было исключительно малым). Наказания применялись к первым двум категориям.

2. Наиболее распространенным было физическое насилие, а именно – побои, тяжесть которых зависела от содеянного.

3. Другим, хотя и весьма редким наказанием, было убийство, которое применялось за серьезные нарушения, в частности при применении или попытке применения любого насилия к хозяину, его родственникам или гостям. Побег не наказывался убийством, так как приносил хозяину убыток.

Русских дезертиров и пленных рабов иногда убивали для устрашения остальных (в том числе и из опасения насилия со стороны пленных при попытке побега).

4. Одной из форм наказания было морение голодом (здесь имеется в виду не экономия продуктов питания, а именно мера взыскания). Данное наказание обычно применялось к сбежавшим или строптивым рабам и сочеталось с другим наказанием – держанием в яме.

5. Держание в яме как форма наказания рабов применялось для военнопленных или дезертиров русской армии при попытках побега (в ожидании выкупа) или в случаях неподчинения (наряду с побоями). Данное наказание получило широкое освещение в художественной литературе.

6. Увечье как форма наказания обычно применялось к рабам, совершившим кражу. Практиковалось редко, так как значительно снижало цену невольника. В случае, если увечье не позволяло использовать раба на работах, в быту или продать, применялось убийство. Вместе с тем горцы убивали рабов (даже пожилых) крайне редко, так как даже престарелый невольник был ценным имуществом и мог быть полезен в хозяйстве.

Литература

Анучин, 2001 – Анучин Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской Линии / Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Ч. 2. Нальчик, 2001.

Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1838 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.

Берже, 1858 – Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского географического общества. Тифлис, 1858.

Бутков, 1869 – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1869.

- Вагнер, 1974 – Вагнер М. Кавказ и земля казахов в годы с 1843 по 1846 / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
- Виноградов, Гусева, 2001 – Виноградов В.Б., Гусева Н.А. «И с боя взятыми рабами суда в Анапе нагружать» (к изучению горской парадигмы работорговли) // *Археология, этнография и краеведение Кубани*. Армавир-Краснодар, 2001.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Золотарев, Козлов, 1988 – Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном средиземноморье. М., 1988.
- Зубарев, 1842 – Зубарев Д. О народонаселении за Кавказом // *Русский вестник*. 1842. № 6.
- Иноземцева, Виноградов, 2000 – Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX века // *Вопросы северокавказской истории*. Вып. 5. Армавир, 2000.
- Каспари, 1904 – Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа / Издатель А.А. Каспари. СПб., 1904.
- Клычников, 2004 – Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.
- Клычников, Линец, 2006 – Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006.
- Кокиев, 1926 – Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Часть 1. Владикавказ, 1926.
- Лапинский, 1995 – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Монпере, 2010 – Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов. Майкоп, 2010.
- Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.
- Сборник статистических сведений, 1869 – Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. / Под ред. Н.И. Воронова. Тифлис, 1869.
- Смоленский, 1875 – Смоленский С. Воспоминания кавказца // *Военный сборник*. 1875. № 10.
- Спенсер, 1839 – Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Лондон, 1839. Репринт / Пер. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994.
- Сталь, 1900 – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. 1900. Т. 21. С. 60-173.
- Торнау, 1864 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Репринт: М., 2000.
- Фонвиль, 1927 – Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Краснодар: Общество изучения автономной области и адыгейского историко-этнографического музея, 1927.
- Фукс, 1994 – Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994.
- Хлудова, Цыбулькинова, 2016 – Хлудова Л.Н., Цыбулькинова А.А. Торговля невольницами на черноморском побережье Северо-западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. № 3/2.
- Чуприна, 1997 – Чуприна Е.А. Когда Таманью владели турки... (Краеведческие очерки). Армавир, 1997.
- Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. История края. Екатеринодар: Печатник, 1913. Репринт: Краснодар, 2001.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.
- Cherkasov et al., 2016a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.

[Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N.* Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1334-1346.

[Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).

[Ivantsov et al., 2017](#) – *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A.* The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 871-877.

[Rajović et al., 2018](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1: 153-160.

References

[Anuchin, 2001](#) – *Anuchin, D.G.* (2001). Oчерk gorskikh narodov Pravogo kryla Kavkazskoi Linii [Essay on the mountain peoples of the Right Wing of the Caucasian Line]. Russkie avtory XIX v. o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. Ch. 2. Nal'chik. [in Russian]

[Bell, 2007](#) – *Bell, Dzh.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1838 gg. [Diary of stay in Circassia during 1837–1838]. V 2 t. T. 1. Nal'chik. [in Russian]

[Berzhe, 1858](#) – *Berzhe, A.P.* (1858). Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyy Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva [A brief overview of the mountain tribes in the Caucasus, compiled by Ad. Berger, governor of affairs of the Caucasian department of the Imperial Geographical Societ]. Tiflis. [in Russian]

[Butkov, 1869](#) – *Butkov, P.G.* (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803.]. V 3 ch. Ch. 2. SPb. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.

[Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel' M., Bratanovskii, S.N.* (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 50(4): 1334-1346.

[Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1) (Special issue).

[Chuprina, 1997](#) – *Chuprina, E.A.* (1997). Kogda Taman'yu vladeli turki... (Kraevedcheskie oчерki) [When the Turks owned Tamanya ... (Local history essays)]. Armavir. [in Russian]

[Fonvil', 1927](#) – *Fonvil', A.* (1927). Poslednii god voyny Cherkesii za nezavisimost' 1863–1864 gg. Iz zapisok uchastnika-inostrantsa [The last year of the Circassian war for independence 1863–1864. From the notes of a foreign participant]. Krasnodar: Obshchestvo izucheniya avtonomnoi oblasti i adygeiskogo istoriko-etnograficheskogo muzeya. [in Russian]

[Fuks, 1994](#) – *Fuks, E.* (1994). Illyustrirovannaya istoriya nravov [An illustrated history of morals. Gallant age]. Galantnyi vek. M. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai].

[Inozemtseva, Vinogradov, 2000](#) – *Inozemtseva, E.I., Vinogradov, B.V.* (2000). K voprosu o rabotorgovle v Dagestane v XVII – nachale XIX veka [To the issue of the slave trade in Dagestan in the 17th – early 19th centuries]. *Voprosy severokavkazskoi istorii*. Vyp. 5. Armavir. [in Russian]

[Ivantsov et al., 2017](#) – *Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Smigel, M., Valleau, A.* (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.

[Kaspari, 1904](#) – *Pokorenniy Kavkaz. Oчерki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza* [Conquered Caucasus. Essays on the Historical Past and the Present Situation of the Caucasus]. Izdatel' A.A. Kaspari. SPb., 1904. [in Russian]

[Khludova, Tsybul'nikova, 2016](#) – *Khludova, L.N., Tsybul'nikova, A.A.* (2016). Torgovlya nevol'nitsami na chernomorskom poberezh'e Severo-zapadnogo Kavkaza v zhivopisnykh i pis'mennykh istochnikakh XIX v. [Slave trade on the Black Sea coast of the North-Western

Caucasus in the picturesque and written sources of the 19th century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 3/2. [in Russian]

[Klychnikov, 2004](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2004). Ocherki istorii proshlogo narodov Severnogo Kavkaza [Essays on the history of the past of the peoples of the North Caucasus]. Pod red. prof. V.A. Kaznacheeva. Pyatigorsk. [in Russian]

[Klychnikov, Linets, 2006](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Linets, S.I.* (2006). Severokavkazskii uzel: osobennosti konflikt'nogo potentsiala (istoricheskie ocherki) [The North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential (Historical Essays)]. Pyatigorsk. [in Russian]

[Kokiev, 1926](#) – *Kokiev, G.* (1926). Ocherki po istorii Osetii [Essays on the history of Ossetia]. Chast' 1. Vladikavkaz. [in Russian]

[Lapinskii, 1995](#) – *Lapinskii, T.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. Nal'chik. [in Russian]

[Monpere, 2010](#) – *Monpere, F.D.* (2010). Puteshestvie vokrug Kavkaza [Journey around the Caucasus]. T. 1. U cherkesov i abkhazov. Maikop. [in Russian]

[Pokrovskii, 1989](#) – *Pokrovskii, M.V.* (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Krasnodar. [in Russian]

[Rajović et al., 2018](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.

[Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [Collection of statistical information about the Caucasus]. T. I. Pod red. N.I. Voronova. Tiflis, 1869. [in Russian]

[Shcherbina, 1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack army]. T. 2. Istoriya kraja. Ekaterinodar: Pechatnik, 1913. Reprint: Krasnodar. [in Russian]

[Smolenskii, 1875](#) – *Smolenskii, S.* (1875). Vospominaniya kavkaztsa [Memoirs of a Caucasian]. *Voennyi sbornik*. 10. [in Russian]

[Spenser, 1839](#) – *Spenser, Ed.* (1839). Puteshestviya v Cherkesiyu [Travel to Circassia. London, 1839]. London. Reprint. Per. N. Neflyashevoi. Maikop: Adygeya, 1994. [in Russian]

[Stal', 1900](#) – *Stal', K.F.* (1900). Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. 21: 60-173. [in Russian]

[Tornau, 1864](#) – *Tornau, F.F.* (1864). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. M., Reprint: M., 2000. [in Russian]

[Vagner, 1974](#) – *Vagner, M.* (1974). Kavkaz i zemlya kazakhov v gody s 1843 po 1846 [The Caucasus and the land of the Kazakhs in the years from 1843 to 1846]. Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik. [in Russian]

[Vinogradov, Guseva, 2001](#) – *Vinogradov, V.B., Guseva, N.A.* (2001). «I s boya vzyatymi rabami suda v Anape nagruzhat'» (k izucheniyu gorskoi paradigmy rabotorgovli) [“And to load ships from the battle taken by slaves in Anapa” (to the study of the mountain paradigm of the slave trade)]. Arkheologiya, etnografiya i kraevedenie Kubani. Armavir-Krasnodar. [in Russian]

[Zolotarev, Kozlov, 1988](#) – *Zolotarev, V.A., Kozlov, I.A.* (1988). Rossiiskii voennyi flot na Chernom more i v Vostochnom sredizemnomore [Russian navy in the Black Sea and the Eastern Mediterranean]. M. [in Russian]

[Zubarev, 1842](#) – *Zubarev, D.* (1842). O narodonaselenii za Kavkazom [On the population beyond the Caucasus]. *Russkii vestnik*. 6. [in Russian]

К вопросу о системе наказания рабов на Кавказе во второй половине XVIII – первой половине XIX веков

Анатолий Владимирович Гончаренко^{а, *}

^а Сумский государственный университет, Украина

Аннотация. Статья посвящена анализу системы наказания рабов на Кавказе в период второй половины XVIII – первой половины XIX века. В качестве источников была использована коллекция документов Государственного архива Краснодарского края, опубликованная А.А. Черкасовым, а также мемуарные источники (воспоминания Ф.Ф. Торнау, Эд. Спенсера, Ад. Берже и др.). Методологическую основу составили метод контент-анализа, историко-системный, историко-генетический и историко-семиотический методы, синтез, а также математический/статистический метод.

У горцев было три категории невольников: унауты – личная собственность хозяина, пшитли – крепостные крестьяне, оги – финансово зависимые. Наказания применялись к первым двум категориям.

Система наказания включала в себя широкий перечень взысканий, которые представляли из себя физическое насильственное воздействие, а именно: убийство, увечье, побои, морение голодом, содержание в яме.

Наиболее распространенным наказанием были побои, тяжесть которых зависела от степени тяжести содеянного. Убийство было редким наказанием, которое применялось за серьезные нарушения, в частности при применении или попытке применения любого насилия к хозяину, его родственникам или гостям, а также (в крайних случаях) для устрашения русских военнопленных рабов и пойманных русских дезертиров-рабов. Даже воровство и побег не наказывались убийством, хотя и приносили хозяину убыток. Увечье как форма наказания обычно применялось к рабам, совершившим кражу, однако практиковалось редко, так как значительно снижало цену невольника. Содержание в яме как форма наказания рабов применялось для военнопленных или дезертиров русской армии при попытках побега (в ожидании выкупа) или в случаях неподчинения (наряду с побоями). Морение голодом как наказание обычно применялось к сбежавшим или строптивым рабам и сочеталось с вышеуказанным наказанием – держанием в яме. Также практиковались продажа на тяжелые работы или использование на каторжных работах.

Ключевые слова: рабство, невольники, невольничьи отношения, рабство на Кавказе, наказания для невольников.

* Корреспондирующий автор

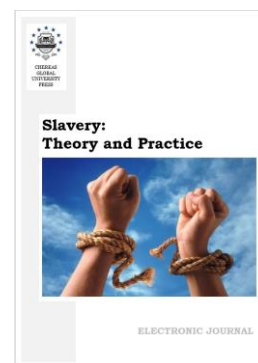
Адреса электронной почты: a.goncharenko@yur.sumdu.edu.ua (А.В. Гончаренко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Slavery: Theory and Practice
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2500-3755
2022. 7(1): 95-96

DOI: 10.13187/slave.2022.1.95
<https://stp.cherkasgu.press>

Letters to the Editorial Office

About the Results of the Third International Competition “Slavery in the Past and Present”

Aleksandr A. Cherkasov ^{a,*}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

On July 10, 2020, the annual international competition for the best scientific work “Slavery in the past and present” was established. The founders of the competition were the Eastern European Historical Society, the International Network Center for Fundamental and Applied Research, now transformed into Cherkas Global University (Washington, USA), as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana). In 2021, the second similar competition took place, and on February 17, 2022, the third international competition was announced. December 2, 2022 on the International Day of the Abolition of Slavery, the expert commission of the competition summed up its work and selected the 5 best works. The winners represented such countries as the USA, Russia, Ukraine and Uzbekistan. The works of the winners are published in the “Slavery: Theory and Practice” journal for 2022.

Keywords: the third international competition, “Slavery in the past and present”, 2022.

The international competition “Slavery in the past and present” was established on July 10, 2020 and was held for the first time in the same year (Cherkas Global..., 2022: 164). The purpose of this competition was an attempt to attract the attention of the world scientific and pedagogical community to the history of slavery in the world, and on the African and Eurasian continents, in particular.

So, on July 10, 2020, the First (annual) competition “Slavery in the past and present” was announced. The prize fund of the competition will be 2250 US dollars. Initially, the organizing committee of the competition was supposed to award the three winners: first place – \$ 100, second place – \$ 750 and third place – \$ 500 (Cherkas Global..., 2022: 166). However, by the end of the competition on November 15, 2020, a significant number of works highly appreciated by the expert commission were submitted. As a result, it was decided to divide the prize fund of the Competition in equal parts among the five best works. The same principle was applied when evaluating the works of the Second Competition, which took place from February 14 to October 23, 2021 (Cherkas Global..., 2022: 167).

On February 17, 2022, the Third (annual) international competition of scientific works “Slavery in the past and present” was announced. The founders, as in previous times (2020–2021), were the

* Corresponding author
E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

Eastern European Historical Society, Cherkas Global University (Washington, USA), as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana).

In 2022, the prize fund of the competition remained unchanged at \$2,250.

Summing up the results of the competition was timed to December 2, 2022 (this day is the international day for the abolition of slavery and has been celebrated since 1949). The organizing committee plans to make this date of summing up the results of the competition permanent.

So, according to protocol, the works from the following countries were submitted to the competition: USA, Uzbekistan, Ukraine and Russian Federation.

The committee on summing up the results of the competition, as before, decided to distribute the prize fund in equal shares (\$ 450 each) among the five best works.

The following works were selected among the best:

- Peretyatko A.Yu. (USA). Caucasian women in Russian imperial clerical work narrative: representation of women in the “Circassian Slave Narrative” (1792–1800);

- Dudarev S.L. (Russian Federation). On the representatives of the Russian side with deviant behavior, including the trade in prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th - mid-19th centuries;

- Tadjieva F.J. (Uzbekistan). The emergence and specific aspects of slavery in Khiva Khanate. Sources of slavery, slave markets, and their prices;

- Golovlyov A.A. (Russian Federation). On the question of slaves and princes among Chechens and Ingush;

- Honcharenko A.V. (Ukraine). To the issue of the system of punishment of slaves in the Caucasus in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries.

References

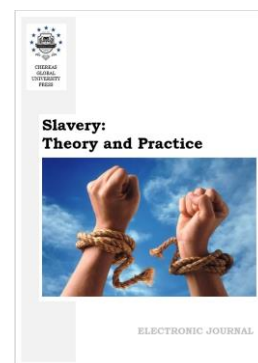
[Cherkas Global...](#), 2022 – Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents. Los Angeles, Washington DC, 2022.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2022. 7(1): 97-102

DOI: 10.13187/slave.2022.1.97
<https://stp.cherkasgu.press>

In Memory of Gocha Revazovich Tsetsckhladze

Sergei L. Dudarev ^{a,*}, Vladimir R. Erlikh ^b

^a Russian Geographical Society, Russian Federation

^b State Museum of the East, Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the memory of a scientist with wide international fame, a major organizer of science, archaeologist and historian, professor at Oxford University Gocha Tsetsckhladze. A native of Georgia, G. Tsetsckhladze was educated in Soviet times at the University of Kharkov (Ukrainian SSR), and then studied at the graduate school of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences. In 1988, among the best Soviet graduate students, he was sent to the University of Oxford (Great Britain), where he subsequently defended his dissertation for the degree of DPhil in Classical Archeology on the topic “Cultural History of Colchis (6th–2nd Centuries BC)” under the guidance of Sir John Boardman. He worked at the universities of London, Melbourne, Oxford, taught as a visiting professor at the universities of Copenhagen, British Columbia (Vancouver), Pennsylvania, Texas, Chicago, Tbilisi, Moscow (RSHU). He made presentations at various scientific European and world conferences and congresses, advised applicants for scientific degrees. Possessing wide competence and scientific authority, G.R. Tsetsckhladze was a member of the editorial boards of a number of scientific journals, including “Slavery: theory and practice”, the organizing committees of the conference, etc. He worked constantly as a field archaeologist, taking part in excavations of ancient monuments in Georgia, Ukraine, Russia, was the director of an archaeological expedition in Pessinunte (Turkey).

He was the organizer of important scientific platforms for discussing materials and problems of antiquity for many scientists of the world – the journal “Ancient West & East”, as well as the International Congress on Black Sea Antiquities (Pontic Congress). Their main task is to explore the ancient civilization in its contact with the barbarian periphery in the east and west of the ecumene – from Gibraltar to Phasis. The journal and the congress are very representative both geographically and scientifically, bringing together the most competent experts in the field of antiquity from around the world, which is the best memory of the ascetic activity of the deceased G.R. Tsetsckhladze.

Keywords: Georgia, Kharkov University, Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, universities of London, Melbourne, Oxford, classical archeology, visiting professor, Ancient West&East, International Congress on Black Sea Antiquities.

11 сентября 2022 г. безвременно ушел от нас ученый с широкой международной известностью, крупный организатор науки, археолог и историк, профессор Оксфордского университета Гоча Ревазович Цецкхладзе ([Рисунок 1](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.com (S.L. Dudarev), verlikh@bk.ru (V.R. Erlikh)

Г.Р. Цецхладзе родился 18 декабря 1962 г. в селе Лихаури в Западной Грузии (так вышло, что официальная, но неверная дата рождения Г.Р. Цецхладзе – 18 января 1963 г.). Позже семья переехала в г. Кобулет. У школьника Г. Цецхладзе пробудился интерес к археологии: раскопки велись на окраине города, в котором он жил. Уже тогда он стал постоянным участником экспедиции, которую возглавлял известный грузинский археолог Амиран Кахидзе, исследовавший древнеколхидский могильник V в. до н.э. Пичвнари. Нет ничего удивительного в том, что именно античная тематика, проблемы греческой колонизации Причерноморья на всю жизнь стали темой научных исследований для Г. Цецхладзе. Впрочем, это не означает, что он не интересовался и другими древностями Кавказа. В школьные годы он однажды побывал на отдыхе в г. Кисловодске, где познакомился с известным ныне археологом-кавказоведом Я.Б. Березиным, в то время директором Кисловодского краеведческого музея. С большим интересом грузинский школьник вместе с Я.Б. Березиным посетил ряд местных памятников археологии. Пройдут годы, и совместно с коллегами Я.Б. Березина по Кавказоведческой школе В.Б. Виноградова профессор Г.Р. Цецхладзе издаст монографию об археологических источниках, рассказывающих о происхождении народов Северного Кавказа... (Дударев и др., 2020). Но не будем торопить события.

Еще в юном возрасте Г. Цецхладзе проявил себя не просто как интересант археологической экзотики, но как человек, имеющий и научные, и организационные способности. Будучи старшим школьником, он несколько раз участвовал в республиканских конференциях и постоянно был их лауреатом, получая грамоту 1 степени от Минобразования Грузии. Более того, его участие в раскопках в Пичвнари было удостоено высшей награды АН ГССР, которую он получил из рук самого президента Академии. Казалось бы, юному дарованию были открыты все пути в науку. Но все вышло совершенно иначе.

Три года поступал Гоча Цецхладзе в Тбилисский государственный университет, но безуспешно – «не хватало» баллов. Мощная «коррупционная составляющая» оказалась сильнее знаний молодого ученого. Да-да, именно так. Как еще назвать парня, который, будучи еще абитуриентом, а потом студентом (но другого вуза!), получал личные приглашения от одного из столпов кавказской археологии, профессора О.Д. Лордкипанидзе, к участию во всесоюзных научных симпозиумах по древней истории Причерноморья, проводившихся регулярно в Цхалтубо и Вани... В конце концов, по совету старших коллег из других республик тогдашнего Союза Г. Цецхладзе поступил в Харьковский государственный университет. И талантливый студент не потерялся на новом месте. Каждое лето, как и положено археологу, он был в поле. Г. Цецхладзе не изменил своей изначальной стезе – античной археологии Причерноморья, на памятниках северной части которого ему теперь довелось вести раскопки в составе археологической экспедиции Харьковского университета (Херсонес).

Он стал заметной фигурой в студенческом сообществе, будучи организатором студенческих конференций по археологии, что, по сути, явилось предвестником его грядущего научного менеджества на «взрослом» уровне. Г. Цецхладзе, разумеется, и сам неоднократно выступал на всесоюзных форумах молодых археологов и поощрялся почетными грамотами, в том числе ректора МГУ. В студенческие годы стартовала и научная публикационная деятельность Г.Р. Цецхладзе, которой было суждено стать весьма плодотворной: к моменту его безвременной кончины свет увидело многим более 300 печатных работ ученого – монографий, статей, рецензий. Научным руководителем Г. Цецхладзе стал видный специалист по истории и археологии Северного Причерноморья профессор В.И. Кадеев. В годы учебы в университете Харькова грузинский студент познакомился и с другими выдающимися учеными-археологами страны, например профессором Б.А. Шрамко, дружба с учениками которого не прекращалась до самых последних лет жизни Г.Р. Цецхладзе. Вспоминается не столь давний его визит в город студенческой юности и на близлежащие памятники археологии, когда уже всюду свирепствовал ковид, что не остановило Гочу Ревазовича...

После окончания учебы в Харькове Г.Р. Цецхладзе ненадолго оказывается на родине, в Грузии, где работает в отделе археологии и древней истории Батумского научно-исследовательского института. И вот новый вызов. В 1988 г. Г.Р. Цецхладзе поступает в аспирантуру Института археологии РАН в Москве. Здесь он начинает работу над кандидатской диссертацией под руководством известного археолога и историка

Г.А. Кошеленко. В 1993 г. усилия молодого специалиста увенчались успехом: им была защищена кандидатская диссертация «Греки в Колхиде: Экономические и культурные взаимоотношения в VI–II вв. до н. э.».

Но вернемся немного назад. В 1990 г. в судьбе Г.Р. Цецхладзе произошли судьбоносные изменения. В числе 20 лучших советских аспирантов он был направлен на обучение в Оксфордский университет. Здесь, в колледже Бэллиол, его научным руководителем стал крупный ученый, археолог и историк сэра Джон Бордман. В 1998 г. Г.Р. Цецхладзе защищает в Оксфорде вторую диссертацию на степень DPhil in Classical Archaeology на тему «Cultural History of Colchis (6th–2nd Centuries BC)». К этому времени он уже 4 года работал в университете Лондона (Department of Classics, Royal Holloway and Bedford New College, University of London). Здесь Г.Р. Цецхладзе трудился в течение 10 лет, читая античную историю, археологию и искусство. В 2004 г. он уезжает в Австралию, университет Мельбурна, где получает место профессора классической археологии и остается здесь надолго. В то же время вузовская судьба Г.Р. Цецхладзе была богатой: он также преподавал в качестве visiting professor в университетах Копенгагена, Британской Колумбии (Ванкувер), Пенсильвании, Техаса, Чикаго, Тбилиси, Москвы (в РГГУ) (К 50-летию, 2012: 272). Эти путешествия давались профессору нелегко: длительные перелеты были серьезной нагрузкой на здоровье. Подобный образ жизни типичен для западного преподавателя, который в течение жизни может неоднократно сменить место работы и вообще очень мобилен. Впрочем, дело было не только в неких привычных стереотипах. Большой объем преподавания в разных вузах мира мотивировался еще и материальными соображениями. Г.Р. Цецхладзе как истинный кавказский, грузинский мужчина на протяжении целого ряда лет помогал своей семье в Грузии. Несколько лет назад «австралийский период» в жизни Г.Р. Цецхладзе завершается – ученый перебирается обратно в Великобританию, становится профессором университета Оксфорда и поселяется в Уэльсе, в местечке с поэтичным кельтским названием Llandrindod.

Рис. 1. Гоча Ревазович Цецхладзе

Коснемся теперь той сферы деятельности Г.Р. Цецхладзе, которая принесла ему поистине мировую известность и признание в кругах ученых-античников. В силу своих непростых жизненных коллизий, разнообразного научного и человеческого общения со

многими учеными бывшего СССР, а затем и других стран нашему коллеге удалось синтезировать опыт различных научных школ – отечественных и зарубежных, что дало богатые возможности для восприятия как мировых археологических и исторических материалов, так и неодинаковых подходов к их исследованию. Г.Р. Цецхладзе стал уникальным медиатором в общении ученых-античников Европы, США, Канады, Ближнего Востока, Австралии. Очень важными площадками для обсуждения материалов и проблем античности для многих ученых мира стали журнал «Ancient West&East», издававшийся в Голландии и Бельгии (выходит и поныне) и задуманный Г.Р. Цецхладзе совместно с сэром Д. Бордманом, а также International Congress on Black Sea Antiquities, называемый коллегами обычно Понтийский конгресс. Основная задача обоих детищ Г.Р. Цецхладзе заключалась в том, чтобы исследовать античную цивилизацию в ее соприкосновении с варварской периферией на востоке и западе ойкумены – от Гибралтара до Фасиса ([К 50-летию, 2012: 273](#)). Как приложение к журналу «Ancient West&East» под редакторством Г.Р. Цецхладзе выходила в свет серия монографий под общим названием Colloquia Pontica (переименованная в 2007 г. в Colloquia Antiqua).

International Congress on Black Sea Antiquities вообще стал для античников чем-то вроде научной Мекки. К слову сказать, именно на одном из конгрессов мы и познакомились с нашим дорогим другом, генеральным секретарем этого форума (в этом специфическом обозначении функций Г.Р. Цецхладзе нам видится некая ностальгия по прошлому...). Как журнал, так и конгресс весьма и весьма представительны и в географическом, и в научном отношении, объединяя наиболее компетентных специалистов разных стран мира, и хочется верить, что ближайшие соратники Гочи Ревазовича смогут и дальше продолжать начатое им важное дело.

Помимо двух указанных, без преувеличения глобальных начинаний, в центре которых он находился, профессор Г.Р. Цецхладзе изъездил многие страны мира не только как преподаватель, но и ученый, выступая с научными докладами на различных научных конференциях и конгрессах, консультировал соискателей ученых степеней. Обладая широкой компетентностью и научным авторитетом, Г.Р. Цецхладзе был членом редколлегии ряда научных журналов, в том числе и «Slavery:theory&practice», оргкомитетов конференций и т.п. Разумеется, он все время выезжал в поле, принимая участие в раскопках памятников античности в Грузии, Украине, России, являлся директором археологической экспедиции в Пессинунте (Турция).

Кульминацией научного и человеческого признания заслуг Г.Р. Цецхладзе явилось издание сборника статей друзей и коллег, который подготовила инициативная группа коллег в честь 30-летия работы ученого на Западе ([Connecting..., 2022](#)). Уже давно был пройден deadline для работ, а они все продолжали и продолжали поступать из различных стран планеты...

Смерть забрала его – талантливого ученого, приятного в общении человека, доброго товарища, того, кого можно было бы смело назвать, как и известного героя Р. Киплинга, «другом всего мира», в самом расцвете творческих сил и возможностей, на пике воплощения масштабных научных проектов, как раз накануне очередного International Congress on Black Sea Antiquities в Салониках ([Seventh International Congress, 2022](#)), где планировалась презентация названного выше юбилейного сборника. Увы, Гоча Цецхладзе уже не увидел этот замечательный двухтомник, который из подарка к знаменательной дате внезапно превратился в мемориальное издание. Память о Гоче Ревазовиче Цецхладзе надолго сохранится в сердцах всех, кто его знал.

Литература

[Дударев и др., 2020](#) – Дударев С.Л., Пелих А. Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р. Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Кавказа (проблемы изучения). Монография. Армавир: Дизайн-студия Б, 2020. 394 с.

[К 50-летию, 2012](#) – К 50-летию Гочи Ревазовича Цецхладзе // *Аристей*. Т. VI. М.: Университет Дм. Пожарского, 2012. С. 271-277.

[Connecting..., 2022](#) – Connecting the Ancient West and East. Studies presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze. Vol. I, II. Edited by J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram (†) and A. Podossinov. Peeters: Leuven – Paris – Bristol, ct 2022.

[Seventh International Congress, 2022](#) – Seventh International Congress on Black Sea antiquities. The Black Sea: Hub of Peoples and Cultures (8th century BC–5th/6th century AD). Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram (Thessaloniki – 26–30 September 2022). The International Hellenic University, Thessaloniki. 2022. [Electronic resource]. URL: [https://web.ihu.edu.gr/icbsa22/ Abstracts of papers](https://web.ihu.edu.gr/icbsa22/Abstracts%20of%20papers). 118 p.

References

[Dudarev i dr., 2020](#) – *Dudarev, S.L., Pelih, A.L., Savenko, S.N., Ceckhladze, G.R.* (2020). Arheologicheskie istochniki o proiskhozhdenii i etnopoliticheskoj istorii naseleniya Kavkaza (problemy izucheniya) [Archaeological sources on the origin and ethno-political history of the population of the Caucasus (problems of study)]. Monografiya. Armavir: Dizajn-studiya B, 394 p. [in Russian]

[K 50-letiyu, 2012](#) – K 50-letiyu Gochi Revazovicha Ceckhladze [To the 50th anniversary of Gocha Revazovich Tsetskhladze]. *Aristej*. T.VI. M.: Universitet Dm. Pozharskogo, 2012. Pp. 271-277. [in Russian]

[Connecting...](#) – Connecting the Ancient West and East. Studies presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze. Vol. I, II. Edited by J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram (†) and A. Podossinov. Peeters: Leuven - Paris - Bristol, ct 2022.

[Seventh International Congress, 2022](#) – Seventh International Congress on Black Sea antiquities. The Black Sea: Hub of Peoples and Cultures (8th century BC–5th/6th century AD). Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram (Thessaloniki – 26–30 September 2022). The International Hellenic University, Thessaloniki. 2022. [Electronic resource]. URL: [https://web.ihu.edu.gr/icbsa22/ Abstracts of papers](https://web.ihu.edu.gr/icbsa22/Abstracts%20of%20papers). 118 p.

Памяти Гочи Ревазовича Цецхладзе

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}, Владимир Роальдович Эрлих ^b

^a Русское географическое общество, Российская Федерация

^b Государственный музей Востока, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена памяти ученого с широкой международной известностью, крупного организатора науки, археолога и историка, профессора Оксфордского университета Гочи Цецхладзе. Выходец из Грузии Г. Цецхладзе получил образование в советское время в университете г. Харькова (Украинская ССР), а затем учился в аспирантуре Института археологии АН СССР. В 1988 г. в числе лучших советских аспирантов был направлен в университет Оксфорда (Великобритания), где впоследствии защитил диссертацию на степень DPhil in Classical Archaeology на тему «Cultural History of Colchis (6th–2nd Centuries BC)» под руководством сэра Джона Бордмана. Работал в университетах Лондона, Мельбурна, Оксфорда, преподавал в качестве visiting professor в университетах Копенгагена, Британской Колумбии (Ванкувер), Пенсильвании, Техаса, Чикаго, Тбилиси, Москвы (РГУ). Выступал с докладами на различных научных европейских и мировых конференциях и конгрессах, консультировал соискателей ученых степеней. Обладая широкой компетентностью и научным авторитетом, Г.Р. Цецхладзе был членом редколлегий ряда научных журналов, в том числе и «Slavery: theory and practice», оргкомитетов конференций и т.п. Вел постоянную работу в качестве археолога-полевика, принимая участие в раскопках памятников античности в Грузии, Украине, России, являлся директором археологической экспедиции в Пессинунте (Турция).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.com (С.Л. Дударев), verlikh@bk.ru (В.П. Эрлих)

Он являлся организатором важных научных площадок для обсуждения материалов и проблем античности для многих ученых мира – журнала «Ancient West&East», а также International Congress on Black Sea Antiquities (Понтийского конгресса). Их основная задача – исследовать античную цивилизацию в ее соприкосновении с варварской периферией на востоке и западе ойкумены – от Гибралтара до Фасиса. Журнал и конгресс являются весьма представительными как в географическом, так и в научном отношении, объединяя наиболее компетентных специалистов в области античности из разных стран мира, что является наилучшей памятью о подвижнической деятельности покойного Г.Р. Цецхладзе.

Ключевые слова: Грузия, Харьковский университет, Институт археологии АН СССР, университеты Лондона, Мельбурна, Оксфорда, классическая археология, visiting professor, Ancient West&East, International Congress on Black Sea Antiquities.